

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Научный журнал
Издается с 1995 г.

(назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)
Выходит 4 раза в год

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

№4' 2018

Номер издан при информационной и организационной поддержке
ИСПИ РАН и МГИМО МИД России, а также при финансовой поддержке
Бюро Международной организации по миграции (МОМ) в г. Москве

Москва ♦ ИСПИ РАН

2018

Редакционный совет

*Председатель редакционного совета:
доктор экономических наук **С.В. Рогачев.***

Члены редакционного совета:

Академик НА Беларуси **Е.М. Бабосов**, доктор юридических наук, профессор **С.Н. Бабурин**, доктор социологических наук, профессор **Х.В. Дзуцев**, академик РАН **А.Л. Журавлев**, доктор социологических наук **В.В. Локосов**, действительный член Российской Академии социальных наук **Э. Лозаннский**, Член-корреспондент РАН, доктор экономических наук **С.В. Рязанцев**, доктор политических наук **Л.Е. Ильичева**, доктор политических наук **В. Пророк**, политолог **Ли Фэнлинь**, политолог **Ли Цзинцзе**, доктор наук **Синтия Пизарро**, доктор наук **Маю Митигами**, доктор наук **Алексис Дантас**, доктор наук **Данг Нгуен Ань**, доктор наук **Ван Сяоцзюй**

Редакционная коллегия

Член-корреспондент РАН **В.Н. Иванов** (главный редактор), доктор политических наук **В.П. Воротников**, доктор социологических наук, профессор **Ю.А. Зубок**, доктор социологических наук, профессор **В.К. Левашов**, доктор политических наук, профессор **В.В. Мартыненко** (заместитель главного редактора), доктор философских наук, профессор **И.Б. Орлова**, доктор философских наук, профессор **И.В. Орлова**, доктор социологических наук, профессор **Г.И. Осадчая**, доктор социологических наук, профессор **Л.С. Рубан**, доктор социологических наук **В.К. Сергеев**, кандидат экономических наук **Е.П. Сигарева** (заместитель главного редактора), кандидат экономических наук **В.А. Безвербный**, доктор социологических наук **Т.К. Ростовская**, ответственный секретарь **Н.А. Безвербная**

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал статьи следует оформлять в соответствии со следующими правилами:

- объем рукописи не должен превышать:
 - для исследований — 16 страниц формата А4 (40 тыс. знаков),
 - для публикаций соискателей ученых степеней — 12 страниц (30 тыс. знаков),
 - для рецензий — 5 страниц (8 тыс. знаков);

Структура статьи предполагает:

- индекс универсальной десятичной классификации (УДК) — слева;
- название статьи — на русском языке, строчные буквы, по центру полужирным начертанием;
- фамилия и инициалы автора(ов) — на русском языке
- информация об авторах: научное звание, должность, место работы, e-mail на русском языке;
- ключевые слова и аннотация — на русском языке
- название статьи на английском языке;
- Фамилия и инициалы автора(ов) на английском языке;
- информация об авторах: научное звание, должность, место работы, e-mail на английском языке;
- ключевые слова и аннотация на английском языке
- текст статьи;
- библиографический список;
- все источники следует снабжать библиографическими ссылками;

Аннотация — не более 50 слов; Ключевые слова: слова и словосочетания — не более 10.

MSWord, формат страницы А-4, кегль 14, шрифт TimesNewRoman, все поля — 2,0 см, интервал 1,5 см., выравнивание — по ширине; одинарный интервал; здесь и в тексте автоматический отступ («красная строка») — 1.25 см.

В тексте ссылки на литературные источники приводятся в квадратных скобках (например: [1], [1–5; 9]). Они расставляются в порядке их упоминания в тексте.

В тексте статьи не используются «полужирный» шрифт и подчеркивания, допускается курсив.

рисунки, схемы и таблицы должны быть выполнены в плоском черно-белом изображении со штриховкой и снабжаться сквозной нумерацией;

Авторы публикаций на соискание ученых степеней представляют рекомендации кафедр и учебно-методических подразделений; для аспирантов необходима справка, подтверждающая обучение в аспирантуре; авторская справка: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также данные для связи с автором: полный домашний адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

По электронной почте статьи принимаются только по договоренности с редакцией. Решение о публикации принимается в течение 30 дней со дня регистрации рукописи в редакции.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и других сведений.

Предоставляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в другом издании без согласия редакции.

Мнение авторов не всегда совпадает с позицией редакции журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	5
МИГРАЦИЯ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ	
<i>Деловарова Л. Ф., Мищук С. Н.</i> Миграция: от развития к устойчивому развитию, новая повестка и анализ теоретических аспектов	8
<i>Рязанцев С. В.</i> Вклад миграции в демографическое и социально-экономическое развитие России	19
<i>Маевский Д. П., Сигарева Е. П.</i> Роль миграции в прогнозной демографической динамике: региональный аспект	28
<i>Храмова М. Н., Морозов В. М.</i> Потенциал вьетнамской миграции для социально-экономического развития регионов Дальнего Востока России	38
<i>Юдина Т. Н., Бормотова Т. М.</i> Миграция и преступность в Москве: реальность и представления	47
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ	
<i>Топилин А. В.</i> Влияние миграционных процессов на демографическую динамику и рождаемость в российских регионах	59
<i>Мотрич Е. Л.</i> Проблемы и перспективы развития демографических процессов на Дальнем Востоке России	67
<i>Сивоплясова С. Ю., Гафурова Ш. Ш.</i> Брачная эмиграция российских женщин: тенденции и последствия	77
<i>Рубан Л. С.</i> Культурообразующая роль языка и знание учащимися национального языка в полиэтничных регионах	86
МИГРАЦИИ И РЫНОК ТРУДА	
<i>Ризокулов Т. Р., Акрамов Ш. Ю., Акрамов Ф. Ш.</i> Влияние трудовой эмиграции на национальный рынок труда Таджикистана	106
<i>Воробьева О. Д.</i> Внутренняя временная трудовая миграция в России: необходимость и возможность исследования социальных последствий	115
<i>Шевцова Т. В., Красинец Е. С.</i> Миграционные процессы на Дальнем Востоке и обеспечение трудовыми ресурсами территорий опережающего социально-экономического развития	121
<i>Шаповалова И. А., Ростовская Т. К.</i> Иностранные студенты как субъект академической мобильности	132
МИГРАЦИИ И ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА	
<i>Лукьянец А. С., Максимова А. С.</i> Практика статистического учета миграции, вызванной изменением окружающей среды	140
<i>Кулагина Я. А.</i> Влияние изменений климата на миграционные процессы	147
<i>Сивоплясова С. Ю.</i> Социальные и экономические риски для жителей прибрежных территорий стран Юго-Восточной Азии	151
<i>Kawczyńska-Butrym Z., Czapka E.</i> Migration-related health risks	157

УЖЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ МЫ СТРОИМ МИГРАЦИОННЫЕ МОСТЫ...

Все начиналось десять лет назад, в 2008 году, с одной дружеской встречи в Москве, в общежитии Российской академии наук, на улице Островитянова, с замечательным человеком, прекрасным ученым, энтузиастом науки, тогда ректором Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики Осимом Косимовичем Каримовым. Во время этой встречи собственно и появилась идея провести симпозиум, который бы объединил ученых, изучающих миграцию и возродил научные связи между таджикистанскими и российскими научными школами, академиями и университетами, которые нарушились после распада СССР.

Тогда же и родилось название будущего симпозиума «Миграционный мост между Таджикистаном и Россией». Почему именно «миграционный мост»? Во-первых, потому что миграция соединяет людей и страны. Во-вторых, мост — это конструкция с двумя основаниями, а в миграционном процессе всегда есть, как минимум, два участника — посылающие и принимающие страны. Задумывая тогда проведение симпозиума, мы даже и не могли предполагать, что он станет не только российско-таджикским, но и евразийским, а потом и мировым миграционным форумом, который объединяет сейчас многие континенты и страны.

И вот наша 10-летняя история. В 2009 году были проведены симпозиумы в Москве (Россия) и Худжанде (Таджикистан), в 2010 году — в Москве (Россия) и Худжанде (Таджикистан), в 2011 году — в Москве (Россия) и Худжанде (Таджикистан), в 2012 году — в Москве (Россия) и Ханое (Вьетнам), в 2013 году — в Москве и Ставрополе (Россия), в 2014 году — в Москве (Россия) и Ереване (Армения), в 2015 году — в Москве, Ставрополе и Владивостоке (Россия), в 2016 году — в Москве (Россия), Ставрополе (Россия), Ханое (Вьетнам), Минске (Беларусь), в 2017 году — в Москве (Россия) и Сендае (Япония).

Учитывая, что 2018 год был особенным, десятым годом нашего проекта, мы провели в течение этого года десять (!) мероприятий в разных городах мира: в 2 марта — в Тоюме (Япония), 10 мая — в Афинах (Греция), 4–5 июня — во Владивостоке (Россия), 21–22 июня — в Махачкале (Россия), 28–30 августа — в Рио-де-Жанейро

(Бразилия), 16 октября — в Алма-Ате (Казахстан), 2–4 октября — в Ставрополе (Россия), 25–26 октября — в Санкт-Петербурге, 8–9 ноября — в Бангкоке (Таиланд). Мы бы не смогли сделать это без наших партнеров — ученых, институтов и университетов в указанных странах. Хочется поблагодарить всех коллег, ставших теперь друзьями, за огромный вклад в строительство миграционных мостов!

И, наконец, 11–12 декабря 2018 года — десятые миграционные мосты состоятся в Москве (Россия). Их, как всегда, проводят в сотрудничестве Институт социально-политических исследований РАН и МГИМО МИД России, в этом году при поддержке Российской академии наук и Международной организации по миграции (МОМ). В рамках «большого» форума традиционно проходят молодежные мероприятия: семинары, молодежные школы, конференции. В этом году это будет международный молодежный миграционный форум «Паспортно-визовая дипломатия», который ставит своей целью привлечь молодежь в миграционную науку и объединить молодых людей из разных стран вокруг научных исследований. Молодежный форум пройдет 12 декабря в МГИМО и соберет участников из многих университетов и стран.

Отметим, что наш форум в этом году совпал с подписанием 11–12 декабря глобального соглашения по миграции. В этой связи, МОМ организовал глобальный фестиваль фильмов о миграции. Он пройдет в течение недели 11–18 декабря в МГИМО, ИСПИ РАН и РУДН. Хочется пожелать успехов X международному научно-практическому форуму «Миграционные мосты в Евразии: вклад миграции в социально-экономическое развитие стран».

И вот уже десять лет мы «строим мосты», которые связывают ученых и специалистов по миграции из разных стран в общую исследовательскую и профессиональную сеть. За эти годы «в наши сети попали» очень много замечательных ученых и прекрасных людей из самых разных стран: Австралии, Азербайджана, Армении, Аргентины, Бахрейн, Беларуси, Болгарии, Бразилии, Великобритании, Венгрии, Венесуэлы, Вьетнама, Ганы, Германии, Греции, Грузии, Израиля, Индии, Индонезии, Ирака, Ирана, Испании, Италии, Казахстана, Камбоджи, Канады, Китая, Колумбии, Коста-Рики, Кыргызстана, Ливан, Литва, Малайзия, Молдовы, Мьянмы, Нигерии, Нидерландов, Норвегии, Польши, Португалии, Приднестровья, России, Румынии, Сербии, Сирии, Словения, США, Таджикистана, Таиланда, Тайвань, Туркменистана, Турции, Узбекистана, Украины, Финляндии, Франции, Чада, Чехии, ЮАР, Южной Кореи, Японии. За десять лет в наших конференциях участвовали представители 61 страны!

Мы объехали вместе многие континенты и страны, мы узнавали друг друга и новые культуры, мы писали совместные статьи и книги, мы обсуждали новые идеи, мы создавали новые проекты, мы делали заявки на гранты (и иногда их даже получали!), мы говорили и общались, получая удовольствие от человеческого общения! Это было десять лет нашей «совместной научной жизни». Но главная заслуга миграционных мостов заключается в том, что они смогли соединить ученых, помогли людям подружиться и лучше понять друг друга.

*Искренне ваш,
Сергей Рязанцев*

Деловарова Л.Ф.,

Мищук С.Н.

МИГРАЦИЯ: ОТ РАЗВИТИЯ К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ, НОВАЯ ПОВЕСТКА И АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ

MIGRATION: FROM DEVELOPMENT TO SUSTAINABLE DEVELOPMENT,
NEW AGENDA AND ANALYSIS OF THEORETICAL ASPECTS

Деловарова Лейла Федоровна, доктор PhD, и. о. доцента кафедры международных отношений и мировой экономики, Казахского национального университета им. аль-Фараби, Алматы (Казахстан), e-mail: delovarova@mail.ru

Мищук Светлана Николаевна, кандидат экономических наук, заведующий лабораторией региональных социально-экономических систем, Институт комплексного анализа региональных проблем, Дальневосточное отделение РАН, Биробиджан, Россия, e-mail: svetamic79@mail.ru
Leila F. Delovarova, PhD in International Relations, acting Associated Professor of International Relations and World Economy Chair, al-Farabi Kazakh National University, Almaty (Kazakhstan), e-mail: delovarova@mail.ru
Svetlana N. Mishchuk, PhD in Economics, Head of the Laboratory of Regional Social-Economical Research, Institute for Complex Analysis of Regional Problems, Far Eastern Branch, RAS, Birobidzhan, Russia, e-mail: svetamic79@mail.ru

Аннотация. Вопросы миграции и развития приобретают все большую значимость и полемику в современных миграционных исследованиях. Это связано, прежде всего, с усилением глобальной и региональной мобильности и ее влиянием на процессы трансформации современной системы международных отношений. Анализ взаимосвязи миграции и развития, а сегодня речь идет об устойчивом развитии, как о новой теоретической конструкции и практическом подходе являются актуальными и требуют развития новых исследований. Это особенно важно в контексте принятия 17 Целей устойчивого развития и процессов, связанных с глобализацией миграции, рынков труда, повышения роли экономических аспектов и развитием регионального и глобального сотрудничества.

Abstract. Migration and development issues are becoming increasingly important and controversial in modern migration research. This is primarily due to the increasing global and regional mobility and its influence on the transformation processes of the modern system of international relations. Analysis of the relationship between migration and development, and today we are talking about sustainable development, as a new theoretical structure and practical approach are relevant and require the

development of new research. This is especially important in the context of the 17 Sustainable Development Goals and processes related to the globalization of migration, labor markets, the increasing role of economic aspects and the development of regional and global cooperation.

Ключевые слова: миграция, Устойчивое Развитие, ООН, 17 ЦУР.
Key words: migration, Sustainable Development, UN, 17 SDGs.

Исследование проведено в рамках Комплексной программы фундаментальных научных исследований ДВО РАН «Дальний Восток» на 2018–2020 гг., проект № 18-5-057.

The reported study was funded in the framework by FER RAS program «Dal'nyi Vostok 2018–2020», according to the research project no. 18-5-057.

Различные аспекты миграции являлись предметом обсуждения различных дисциплин на протяжении всего XX в. Современный период международных отношений является эпохой беспрецедентной мобильности населения, что актуализирует все вопросы миграции.

Проблемы миграции и развития появились наповесткедню в обсуждении международного сообщества в конце XX в. и затрагивались на Всемирной встрече на высшем уровне в интересах социального развития в Копенгагене (1995 г.), на Четвертой всемирной конференции по проблемам женщин в Пекине (1995 г.), на Второй Конференции ООН по населенным пунктам в Стамбуле (1996 г.), а также на Всемирной конференции по борьбе с расизмом, расовой дискриминацией, ксенофобией и иными формами нетерпимости в Дурбане (2001 г.) [1].

Но настоящим прорывом стал Диалог высокого уровня по миграции и развитию, который состоялся в 2006 г. [2]. В рамках диалогапроблемы миграции рассматривались в свете максимизации эффекта развития и уменьшения трудностей и проблем, возникающих в процессе миграции. Была отмечена глобализация процесса миграции и усиление проблем, связанных с данным явлением. Размеры денежных переводов, которые достигли колоссальных масштабов наряду с возросшей ролью самих мигрантов при нерешенности их проблем, были отмечены следующей важной особенностью. Третьим аспектом была определена необходимость рассматривать миграцию в новых реалиях через призму возможностей, а не вызовов и проблем. Выделение указанных аспектов миграции во взаимосвязи с развитием оказало большое влияние на освещение миграционной проблематики. Однако окончательное выделение данной проблемы было обозначено в рамках Второго диалога ООН Высокого уровня по вопросам международной миграции и развитию [3].

Основные аспекты и мероприятия, обсуждаемые в рамках диалога 2013 года, охватывали вопросы миграции и развития с возможностью их включения в повестку пост-2015 г. Очень важными аспектами сразу были заявлены права мигрантов, укрепление партнерства и сотрудничества, а также международная и региональная мобильность рабочей силы. Результатом двух диалогов по миграции и развитию можно считать, включение миграционной проблематики в «Повестку дня 2030 года», известную под названием «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Историческая повестка включает в себя 17 целей в области устойчивого развития [4], которые охватывают 169 задач. Повестка была утверждена главами государств и правительств в ходе Саммита ООН по устойчивому развитию на 70-й юбилейной сессии Генеральной ассамблеи Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке 25 сентября 2015 г [5].

Более всего, миграционная проблематика отражена в целях 4, 5, 8, 10 16 и 17 (см. рис. 1). В них прослеживается связь с миграцией, включая студенческую (образовательную) мобильность, гендерные аспекты, права трудовых мигрантов, проблемы трафика людей, а также содействие упорядоченной, безопасной, регулярной и ответственной миграции и мобильности людей, в том числе путем реализации сбалансированной миграционной политики.

Рис. 1. Источник: Цели устойчивого развития // <http://www.globalcompact.ru/index/czeli-ustojchivogo-razvitiya.html>

В целях 3, 1, 13 и 11 (см. рис. 1) также включена миграционная проблематика, отраженная в ключевых аспектах развития, предполагающих создание условий для облегчения миграции и ее последствий, как выбора, а не вынужденной необходимости [6].

Наряду с продвижением международного диалога по вопросам миграции и развития, необходимо выделить и дискурс в рамках экспертного сообщества, который параллельно прогрессировал и продолжается в разных регионах мира. В рамках данного небольшого исследования авторы рассматривают его применительно к постсоветскому пространству, а именно к Российской Федерации, которая является вторым крупнейшим миграционным хабом (центром) в мире, после США. Это может быть связано с решением ряда теоретических вопросов, по уточнению содержания категории «развитие», а также оценки взаимосвязи «миграции и развития», «миграция и устойчивое развитие» на разном уровне.

Некоторые аспекты данного небольшого исследования могут быть применимы для дальнейшего анализа динамики миграционных процессов и их взаимосвязи с развитием регионов Дальнего Востока России, где вопросы миграции и развития являются особенно актуальными.

Анализируя мнения исследователей, нам хотелось бы отметить некоторые из них. По выражению Л.Б. Карачуриной «миграция улавливает изменения чрезвычайно чутко и быстро и тем самым отражает суть происходящих трансформаций в пространственной организации экономики» [7]. Данное видение в определенной степени показывает роль миграции для экономического развития.

Мы придерживаемся точки зрения профессора социологии Института в г. Амстердам Х. де Хааса [8] о существующей потребности изучать миграционные последствия в их более широком социальном контексте и видеть, как миграция, с одной стороны, является неотъемлемой частью более широких процессов трансформации, воплощенных в термине «развитие». С другой стороны, миграция имеет свою внутреннюю, самоподдерживающуюся и самонастраивающуюся динамику, а также воздействует на такие процессы трансформации самостоятельно. Как отмечал Д. Массей, миграция приводит к изменениям социально-экономического развития территорий исхода мигрантов, которые способствуют новым потокам миграции [9]. Поэтому следует изучать не только мигрантов как таковых, но и проводить диагностику уровня социально-экономического развития пребывания и исхода мигрантов.

В российских источниках для оценки влияния миграции на все сферы жизни современного общества авторы используют термин

«последствия» [10]. В публикациях чаще всего рассматривают экономические, социальные, политические, демографические и культурные последствия миграции для территории притока или выбытия мигрантов.

Последствия миграции во многом схожи с функциями миграции (перераспределение населения, селективная, ускорительная), посредством которых, по мнению Л.Л. Рыбаковского, она воздействует как на общественное развитие, так и на повышение жизненного уровня мигрирующего населения [11]. Функция перераспределения населения связана с размещением производственных мощностей и инвестиций между отдельными территориями страны, разными типами поселений и является обязательным условием соединения средств производства и трудоспособного населения. При этом данная функция способствует решению мигрантами их жизненных задач и повышения их жизненного уровня. Селективная функция приводит к изменению качественного состава населения разных территорий. Ускорительная функция в большей мере способствует развитию индивида через изменение его социально-психологических характеристик, интеграцию национальных культур, обмен трудовыми навыками и производственным опытом. Таким образом, результат взаимодействия миграции и развития может оцениваться на уровне региона (макроуровень, мезоуровень, локальный уровень) и индивида (или домохозяйств).

Совокупность предложенных типов последствий может быть обобщена в термине «развитие», подразумевающее направленное и закономерное изменение различных сфер общества, которое проявляется в процессе экономического и социального преобразования, основанного на взаимодействии экономических, социальных, политических, демографических и культурных изменений в природе и обществе. Л.Б. Карачурина предлагает в качестве альтернативного результирующего индикатора развития регионов использовать показатели сальдо миграции и интенсивности миграции по прибытию [12]. По мнению М.Ю. Хавинсона и М.П. Кулакова, высокий уровень жизни, экономическая стабильность в регионе оказывают влияние на миграционную активность населения [13]. А.А. Гребенюк предлагает перечень показателей для оценки последствия миграции на экономическое развитие территорий прибытия и выбытия мигрантов [10].

Ферару, исследуя влияние миграции на региональное развитие Европейского Союза, рассматривает особенности миграции с точки зрения повышения качества жизни населения региона. То есть развитие рассматривается не как процесс, а как результат, выра-

жающийся в ликвидации основных источников нездоровой жизни: нищеты, низкого уровня жизни и социальной изоляции населения, пренебрежения со стороны государственных учреждений [14].

Таким образом, термин «развитие» может быть рассмотрен как процесс или результат преобразования различных сфер общества и территории (страны, региона). В данном контексте, стран исхода и пребывания мигрантов и далее, применительно к регионам.

Обоснованным является предложение С. В. Рязанцева рассматривать положительные последствия миграции как ее эффекты, а отрицательные — как издержки [15]. При этом миграция оказывает, в большей мере, косвенное влияние на процессы социально-экономического, демографического и других аспектов развития регионов или индивидов.

Результаты исследования Международной организации по миграции (МОМ) в качестве выводов о связи между миграцией и развитием констатируют следующее: «Нет прямой связи между нищетой, экономическим развитием, ростом населения, социальными и политическими изменениями, с одной стороны, и международной миграцией — с другой. Сокращение масштабов нищеты само по себе не является стратегией сокращения масштабов миграции» [16].

Результативность и эффективность данного взаимодействия миграции и развития во многом определяется степенью заинтересованности государства в достижении положительных результатов. В настоящее время достаточно хорошо обосновывается значимая роль государства в регулировании процесса взаимодействия миграции и развития территории на международном (глобальном) уровне. По мнению Хейна де Хааса [17], государственная политика, которая улучшает функционирование социальных, правовых, экономических и политических институтов, имеет решающее значение не только для создания плодородной основы для развития в целом, но и для мигрантов инвестирования мигрантами в больших объемах и/или их возвращения в страны происхождения [18] выделяет три широкие группы переменных в качестве ключевых факторов, определяющих особенности иммиграционной политики: макроэкономические условия, такие как занятость и заработная плата, относительный размер потока иммигрантов и идеологический контекст времени, при этом фактическое влияние этой политики зависит от потенциала и эффективности государства, стремящегося их реализовать. Государство, точнее государственная миграционная политика, является

одним из элементов процесса взаимодействия развития и миграции [19].

Иными словами, государство продолжает играть важную роль в формировании благоприятных условий для развития человека, оно создает институциональную среду, которая определяет масштаб и направление взаимодействия миграции и развития.

Таким образом, термин «развитие» применительно к миграции может быть рассмотрен как процесс или результат, выражающийся в повышении качества жизни населения (мигрантов и немигрантов). В первом случае объектом исследования будут выступать показатели развития территории. Во втором случае — статистические показатели развития территории с акцентом на характеристике качества жизни населения. Учитывая направленность на индивидуальное развитие участников процесса, официальные данные могут быть дополнены индивидуальными оценками со стороны мигрантов и немигрантов в странах исхода и в странах пребывания.

Существенную роль в полноценном осуществлении эффективной взаимосвязи между миграцией и развитием играет государство как отдельный элемент. Государство (отправляющее и/или принимающее мигрантов), действительно ключевое звено в данной взаимосвязи. Роль государства важна в формировании благоприятных условий для развития человека, оно создает институциональную среду, которая определяет масштаб и направление взаимодействия миграции и развития, правовые и социальные возможности и ограничения [20]. Речь идет, в том числе о формировании и имплементации миграционной политики, как внутренней, так и внешней. В тоже время, одно государство (принимающее или отправляющее) не может осуществить необходимую поддержку и определить правовое и социальное поле мигрантов, необходимо скоординированное сотрудничество государств для реализации данных целей.

Учитывая все вышеуказанные аспекты в контексте глобализации, интеграции и усиления взаимозависимости современного мира, необходимо говорить об устойчивом развитии.

Взаимосвязь миграции и устойчивого развития является спорным и трудным для обоснования аспектом. Прежде всего, связь миграции и устойчивого развития нам видится в восприятии миграционных процессов как относительно управляемых, стабильных потоков с основными акторами процесса — трудовыми мигрантами, имеющими права и обязанности и вносящими определенный вклад в страны исхода и в страны назначения. Вклад может

быть в виде денежных переводов мигрантов или приобретение определенных навыков в стране исхода и в виде результатов труда в странах назначения [21].

С принятием 17 Целей устойчивого развития (ЦУР) (см. рис 1.) и отражением в них миграции можно все больше говорить о практических аспектах взаимосвязи миграции и различных явлений, в том числе, устойчивого развития, как главного индикатора всеобщего развития и трансформации. Принятием в 2015 г. 17 ЦУР всеми государствами-членами ООН предполагается ежегодный отчет государств об имплементации целей, в том числе и в области миграции. Это позволяет не только проследить динамику миграционных процессов в контексте устойчивого развития в практической плоскости, но и развивать теоретические исследования в данном направлении.

Таким образом, анализируя вопросы взаимосвязи миграции и устойчивого развития, можно констатировать, что понятие «развитие» было активно введено, начиная с первой декады XXI в. Однако уже в конце предыдущего столетия оно обсуждалось в рамках различных встреч высшего уровня. Экспертное сообщество применяет различные подходы к его анализу, но приоритетными становятся такие категории, как «последствия», «эффекты миграции», «сотрудничество» и «вклад мигрантов в экономику». Большую роль в процессе укрепления положительных эффектов миграции и развития играет государство, а именно межгосударственное сотрудничество. Устойчивое развитие и миграция, достаточно сложно анализируемая конструкция, появившаяся в начале XXI в., но глобализация, процессы интеграции, а также принятие 17 ЦУР, в которых отражена миграционная проблематика и планируемое подписание Глобального договора по миграции всеми странами-членами ООН укрепляет не только необходимость теоретических исследований, но и практических подходов.

Библиографический список

1. Решение проблем международной миграции и развития в деятельности ООН // Accessmode: <http://www.un.org/ru/development/migration/system.shtml>.
2. The 2006 High-level Dialogue on International Migration and Development // Access mode: <http://www.un.org/esa/population/migration/hld/>
3. 2nd United Nations High Level Dialogue on International Migration and Development 2013 // Access mode: <http://www.migration4development.org/>

- en/content/2nd-United-Nations-High-Level-Dialogue-International-Migration-and-Development-2013-0
4. Цели устойчивого развития // Accessmode: <http://www.globalcompact.ru/index/czeli-ustojchivogo-razvitiya.html>.
 5. Саммит по устойчивому развитию 2015 года Accessmode: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/summit/>
 6. Деловарова Л.Ф., Сарыбаев М.С. Миграционные процессы в фокусе глобальных институтов: некоторые аспекты и поиски решений в рамках Организации Объединенных Наций. Электронный научный журнал «edu.e-history.kz» № 1 (13) // Accessmode: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/795>.
 7. Карачурина Л.Б. Межрегиональная миграция и социально-экономическая дифференциация пространства современной России // Проблемы прогнозирования. 2006. №3. С. 96–115, с. 114.
 8. de Haas, Hein Migration and Development: A Theoretical Perspective, Bielefeld: COMCAD, 2007 (Working Papers — Center on Migration, Citizenship and Development; 29. URL: http://www.uni-bielefeld.de/trdc/ag_comcad/downloads/workingpaper_29_deHaas.pdf
 9. Massey D.S. 1990. Social Structure, Household Strategies, and the Cumulative Causation of Migration. *Population Index* 56:3-26.4-5.
 10. Гребенюк А.А. Трудовая миграция и экономическое развитие: последствия и система показателей: монография / А.А. Гребенюк. М.: Креативная экономика, 2017. 252 с., Рязанцев С.В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. — М.: Формула права, 2007. — 576 с.
 11. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории) [Электронный ресурс]. URL: <http://rybakovsky.ru/migracia2.html>.
 12. Карачурина Л.Б. Межрегиональная миграция и социально-экономическая дифференциация пространства современной России // Проблемы прогнозирования. 2006. №3. С. 96–115.
 13. Хавинсон М.Ю., Кулаков М.П. Моделирование динамики численности возрастных групп занятых в южных регионах Дальнего Востока России // ЭКО. 2017. №2 (512). С. 146–152.
 14. Feraru P.D. Migration integration as a factor of economic and regional development in the European Union. URL: cse.uaic.ro/eurint/proceedings/.../EURINT2015_FER.pdf.
 15. Рязанцев С.В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. — М.: Формула права, 2007. — 576 с.
 16. Focus Paper on Migration and Development. URL: http://www.entwicklung.at/fileadmin/user_upload/Dokumente/Publikationen/Fokuspapiere/Englisch/Focus_on_Migration_and_Development_Oct2016.pdf.
 17. de Haas, Hein International Migration, Remittances and Development: myths and facts // *Third World Quarterly*. 2005. Vol. 26, № 8, P. 1269–1284. с. 1278.
 18. Douglas S. Massey (2015) A Missing Element in Migration Theories. *Migrat Lett.* 2015 сентябрь; 12 (3): 279–299.).
 19. Douglas S. Massey A Missing Element in Migration Theories // *Migrat Lett.* 2015. 12 (3). P. 279–299.
 20. Мищук С.Н. Мигранты и принимающее сообщество: региональный аспект (на примере Дальнего Востока России). Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН, 2014. 218 с.

21. Деловарова Л.Ф. Некоторые теоретические аспекты миграционных процессов в контексте устойчивого развития // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия «Международные отношения и международное право», Алматы, 2013 // <https://articlekz.com/article/11795>.

References

1. Reshenie problem mezhdunarodnoj migracii i razvitiya v deyatel'nosti OON // Access mode: <http://www.un.org/ru/development/migration/system.shtml>.
2. The 2006 High-level Dialogue on International Migration and Development // Access mode: <http://www.un.org/esa/population/migration/hld/>
3. 2nd United Nations High Level Dialogue on International Migration and Development 2013 // Access mode: <http://www.migration4development.org/en/content/2nd-united-nations-high-level-dialogue-international-migration-and-development-2013-0>
4. Celi ustojchivogo razvitiya // Access mode: <http://www.globalcompact.ru/index/czeli-ustojchivogo-razvitiya.html>.
5. Sammit po ustojchivomu razvitiyu 2015 goda Access mode: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/summit/>
6. Delovarova L.F., Sarybaev M.S. Migracionnye processy v fokuse global'nyh institutov: nekotorye aspekty i poiski reshenij v ramkah Organizacii Ob"edinennyh Nacij. EHlektronnyj nauchnyj zhurnal «edu.e-history.kz» № 1 (13) // Access mode: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/795>.
7. Karachurina L.B. Mezhhregional'naya migraciya i social'no-ehkonomicheskaya differenciaciya prostranstva sovremennoj Rossii // Problemy prognozirovaniya. 2006. № 3. S. 96–115, c. 114.
8. de Haas, Hein Migration and Development: A Theoretical Perspective, Bielefeld: COMCAD, 2007 (Working Papers — Center on Migration, Citizenship and Development; 29. URL: http://www.uni-bielefeld.de/tdrc/ag_comcad/downloads/workingpaper_29_deHaas.pdf
9. Massey D.S. 1990. Social Structure, Household Strategies, and the Cumulative Causation of Migration. Population Index 56:3-26.4-5.
10. Grebenyuk A.A. Trudovaya migraciya i ehkonomicheskoe razvitie: posledstviya i sistema pokazatelej: monografiya / A.A. Grebenyuk. M.: Kreativnaya ehkonomika, 2017. 252 s., Ryazancev S.V. Trudovaya migraciya v stranah SNG i Baltii: tendencii, posledstviya, regulirovanie. — M.: Formula prava, 2007. — 576 s.
11. Rybakovskij L.L. Migraciya naseleniya (voprosy teorii) [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://rybakovsky.ru/migracia2.html>.
12. Karachurina L.B. Mezhhregional'naya migraciya i social'no-ehkonomicheskaya differenciaciya prostranstva sovremennoj Rossii // Problemy prognozirovaniya. 2006. № 3. S. 96–115.
13. Havinson M. YU., Kulakov M.P. Modelirovanie dinamiki chislennosti vozrastnyh grupp zanyatyh v yuzhnyh regionah Dal'nego Vostoka Rossii // EHKO. 2017. № 2 (512). S. 146–152.
14. Feraru P.D. Migration integration as a factor of economic and regional development in the European Union. URL: cse.uaic.ro/eurint/proceedings/.../EURINT2015_FER.pdf.
15. Ryazancev S.V. Trudovaya migraciya v stranah SNG i Baltii: tendencii, posledstviya, regulirovanie. — M.: Formula prava, 2007. — 576 s.

16. Focus Paper on Migration and Development. URL: http://www.entwicklung.at/fileadmin/user_upload/Dokumente/Publikationen/Fokuspapiere/Englisch/Focus_on_Migration_and_Development_Oct2016.pdf.
17. de Haas, Hein International Migration, Remittances and Development: myths and facts // *Third World Quarterly*. 2005. Vol. 26, № 8, P. 1269–1284. s. 1278.
18. Douglas S. Massey (2015) A Missing Element in Migration Theories. *Migrat Lett.* 2015 sentyabr'; 12 (3): 279–299.).
19. Douglas S. Massey A Missing Element in Migration Theories // *Migrat Lett.* 2015. 12 (3). P. 279–299.
20. Mishchuk S.N. Migranty i prinyimayushchee soobshchestvo: regional'nyj aspekt (na primere Dal'nego Vostoka Rossii). Birobidzhan: IKARP DVO RAN, 2014. 218 s.
21. Delovarova L.F. Nekotorye teoreticheskie aspekty migracionnyh processov v kontekste ustojchivogo razvitiya // *Vestnik KazNU im. al'-Farabi. Seriya «Mezhdunarodnye otnosheniya i mezhdunarodnoe pravo»*, Almaty, 2013 // <https://articlekz.com/article/11795>.

Рязанцев С. В.

ВКЛАД МИГРАЦИИ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

Рязанцев С. В., чл.-корр. РАН, директор ИСПИ РАН, зав. кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО МИД России, e-mail: riazan@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается динамика миграционных процессов в Россию после распада СССР до 2018 г. В том числе анализируется роль временной трудовой миграции и миграции на постоянное место жительства в процессах формирования численности населения России в 1991–2018 гг. Отмечается, что внешняя миграция в значительной мере компенсировала демографические потери населения России в постсоветский период. Выделяются необходимые меры миграционной политики России на среднесрочную перспективу с точки зрения усиления вклада миграции в формирование численности трудовых ресурсов и численности населения Российской Федерации. Предлагаются меры по совершенствованию российского миграционного законодательства и системы управления миграционными процессами.

Annotation. In article dynamics of migration processes to Russia after the collapse of the USSR till 2018 is considered. Including the role of temporary labor migration and migration on the permanent residence in processes of formation of population of Russia in 1991–2018 is analyzed. It is noted that external migration considerably offset demographic losses of the population of Russia during the Post-Soviet period. Necessary measures of migration policy of Rossi are allocated for the medium term in terms of strengthening of a contribution of migration to formation of number of human resources and population of the Russian Federation. Measures for improvement of the Russian migration legislation and a control system of migration processes are proposed.

Ключевые слова: миграция, демографическое развития, Россия, трудовые мигранты, мигранты на постоянное место жительства, демографический вклад миграции.

Key words: migration, demographic development, Russia, labor migrants, migrants on the permanent residence, a demographic contribution of migration.

Исследование проведено при поддержке Совета по грантам Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ РФ (проект № НШ-3781.2018.6)

Депопуляция в России продолжалась почти два десятилетия и характеризовалась ухудшением большинства демографических показателей. В общей сложности за время в 1991–2017 гг. Россия потеряла 13,2 млн чел. за счет значительного превышения смертности над рождаемостью (естественной убыли). По справедливому определению Л. Л. Рыбаковского эта цифра примерно равна потерям военного и гражданского населения России в годы Великой Отечественной войны.

С 1992 по 2012 гг. в стране отмечалась устойчивая естественная убыль населения, ежегодные масштабы которой в отдельные годы приближались к 1 млн чел. Наиболее катастрофическими был период 1999–2002 гг., когда Россия ежегодно теряла 920–960 тыс. чел. В периоды 1996–2000 и 2001–2005 гг. потери России за счет естественной убыли составляли 4,1 и 4,4 млн чел. соответственно. Фактически Россия подошла к необратимой черте демографического развития и находилась накануне «демографического коллапса». Единственным источником компенсации демографических потерь стал миграционный прирост, а именно иммиграция. *За 1991–2017 гг. за счет миграционного прироста страна получила 9,5 млн. человек, что практически на 72% компенсировало естественного движения населения.*

Следует выделить два потока иммигрантов. *Первый поток* — это *иммигранты на постоянное место жительства* — это люди, которые переехали или остались жить в России по разным социально-экономическим причинам. Многие жители республик бывшего СССР целенаправленно приезжают жить в Россию, а кроме того, многие временные трудовые и образовательные мигранты, остаются жить в России переходят в другой правовой статус, превращаясь в постоянных мигрантов. Максимальные значения миграционного прироста пришлось на вторую половину 1990-х гг., когда в Россию активно возвращались этнические русские и русскоязычные из государств бывшего СССР, в которых осталось после распада страны примерно 28–29 млн чел. Иммиграция не только вносила существенный вклад в формирование численности населения, но и увеличивала численность трудовых ресурсов.

Роль миграции была особенно велика в первое десятилетие после распада СССР. Например, в 1991–1995 гг. Россия получила за счет миграции на постоянное место жительства около 2,6 млн чел., а в следующем пятилетии (1996–2000 гг.) — еще 2,1 млн чел. В 2001–2005 гг. отмечалось сокращение миграционного прироста до 1,3 млн, в 2006–2010 гг. — до 1,6 млн, а в 2011–2015 гг. — до 1,4 млн ч. Главным образом миграционные потоки в Россий-

скую Федерацию происходили из стран бывшего СССР — Украины, Казахстана, Центральной Азии и Закавказья. Роль отдельных стран менялась в разные годы, но в целом в 1990-е гг. это была возвратная миграция этнических русских и представителей российских народов в Россию, а с середины 2000-х гг. по мере исчерпания миграционного потенциала этнических русских в странах СНГ усилился приток представителей титульных народов бывших союзных республик в Россию. В результате в России сформировались крупные диаспоры из стран бывшего СССР. Необходимо также отметить, что на протяжении 2001–2017 гг. около 2,2 млн чел. из стран бывшего СССР получили российское гражданство. Многие из них перешли из категорий трудовых и учебных мигрантов в число постоянных жителей Российской Федерации, пополнив демографический и трудовой потенциал страны. Благодаря миграции на постоянное место жительства из стран бывшего СССР в Российской Федерации были в значительной мере «погашены» масштабы депопуляции.

Второй поток — временные трудовые мигранты — люди, которые приезжают на работу в Россию. Временная трудовая миграция стала востребованным ресурсом российской экономики в 1990-е гг. по мере усугубления проблемы с трудовыми ресурсами. Своего «пика» численность трудовых мигрантов в России достигла в 2000-е гг. В настоящее время российский рынок труда является привлекательным для трудоспособного населения из стран Центральной Азии, Закавказья, некоторых стран Азии и Восточной Европы. Официальная численность трудящихся-мигрантов в России основана на данных количества разрешительных документов, выданных Федеральной миграционной службой (теперь главным управлением по делам миграции МВД России). В 2014 г. было выдано 3,7 млн разрешительных документов, в том числе 2,4 млн патентов и 1,3 тыс. разрешений на работу. Однако последний экономический кризис снова сократил число выданных разрешительных документов на работу в России в 2017 г. до 1,9 млн, в том числе 1,7 млн патентов и 148 тыс. разрешений на работу. Несмотря на то, что трудовые мигранты приезжают в Россию на временную работу, их вклад в демографическое развитие также ощутим.

Исследования показывают, что, несмотря на «временность» пребывания в России трудовые мигранты вносят существенный вклад как в рождаемость, так и смертность. Например, согласно нашему исследованию, в 2010 г. в России родились 24,1 тыс. детей у матерей, которые были иностранными гражданками, т.е. иммигрантами. Это составляет всего около 1% всех родившихся

детей в России. Основной вклад в рождаемость в категории иностранных граждан вносят мамы из стран СНГ, т. е. оттуда происходит большинство трудовых мигрантов в России (Азербайджан, Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан, Украина) [1]. По данным В. Н. Архангельского, в Москве 14% детей рождены женщинами, не имевшими постоянной регистрации в Москве, т. е. *каждый седьмой ребенок рождается у женщин, не являющихся постоянными жительницами Москвы, а являющихся внутрироссийскими или международными мигрантами*. Трудовые мигранты происходят из мусульманских стран с довольно традиционными установками на рождение детей исключительно в официальном браке. Но, очевидно, что массовое вовлечение в трудовую миграцию как мужчин, так и женщин, разрушает эти стереотипы. Распространяется феномен «гостевых» и «параллельных» браков, в которых участвуют мигранты. Еще одним социальным последствием данного процесса можно назвать рост числа отказов от рожденных детей женщинами — трудовыми мигрантками в России. По статистике Департамента семейной и молодежной политики Москвы примерно треть всех брошенных детей в Москве приходится на трудовых мигрантов [2]. Кроме того, в некоторых населенных пунктах на фоне потерь местного населения трудовые мигранты становятся заметной группой населения, дети мигрантов пополняют контингент школьников. То есть демографическое влияние трудовой миграции весьма ощутимо для России.

Несмотря на все попытки научного сообщества обратить внимание правительства на колоссальные демографические проблемы, российские власти обратили внимание и начали программу по предотвращению демографического кризиса только в 2006–2007 гг. В июне 2006 г. Совет безопасности РФ принял комплекс мер демографической политики, а в 2007 году указом Президента была утверждена Концепция демографической политики Российской Федерации до 2025 г., в которой были прописаны стратегические направления действий в этой сфере и количественные ориентиры: выделены два этапа — до 2015 г. и до 2025 г., для которых установлены нормативные цифры суммарного коэффициента рождаемости, ожидаемой продолжительности жизни и общей численности населения. Согласно концепции, ежегодное сальдо миграции, необходимое для компенсации естественной убыли и обеспечения заданных параметров роста численности населения, не должно быть меньше 300 тыс. чел.

Введение столь радикальных для России мер отразилось положительно на демографической динамике: повысилась рождае-

мость, снизилась смертность, даже сформировался положительный естественный прирост (с 2009 г.). В 2006 г. по сравнению с 2005 г. число умерших в стране сократилось на 137 тыс. чел. (в 2016 г. оно также было меньше, чем в 2005 г. на 0,4 млн чел.). Меры по стимулированию рождаемости (прежде всего, материнский капитал), в 2007 году увеличил число родившихся относительно 2006 г. на 130 тыс. (в 2016 г. число родившихся также было больше уровня 2006 года на 0,4 млн.). *К 2009–2010 г., спустя пять-шесть лет после начала реализации новых мер демографической политики, депопуляция в России была практически преодолена.* С этого времени отмечалось хотя и непродолжительное, но поступательное демографическое развитие страны. Максимальным естественный прирост населения был в 2013 г., составив 320 тыс. чел. Первый этап депопуляции в России завершился, что произошло вопреки предсказаниям скептически настроенных демографов, которые доказывали, что депопуляция и низкий уровень рождаемости в России являются объективной общемировой тенденцией.

Основные целевые показатели, намеченные на 2015 г. «Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (стабилизация численности населения, суммарный коэффициент рождаемости и уровень ожидаемой продолжительности жизни), были достигнуты даже раньше намеченного срока. Например, в 2012 г. численность населения достигла 143,1 млн чел. (в Концепции — 142–143 млн), суммарный коэффициент рождаемости составил 1,69, а в 2015 г. — 1,78 (в Концепции — 1,685), ожидаемая продолжительность жизни — 70,2 г. (в концепции — 70 лет). Остался невыполненным только один показатель Концепции — миграционный прирост — не менее 300 тыс. чел. Только в 2011 г. он достиг 320 тыс. чел. Но Росстат исправил и этот «статистический недочет». В 2012 г. он изменил критерии фиксации постоянных мигрантов, снизив критерий с 1 года до 9 месяцев, фактически расширив базу учета, а в 2014 г. и вовсе пересчитал миграционный прирост, исходя из численности российского населения, зафиксированной в ходе переписи на 2 млн чел. больше в сравнении с текущим учетом. В результате в 2006–2014 гг. миграционный прирост получился на уровне около 300 тыс. чел. Справедливости ради надо отметить, что действительно система текущего учета перемещений в стране крайне несовершенна и не охватывает всех мигрантов.

Успешное демографическое развитие России завершилось в 2016 г. и страну ожидают новые демографические проблемы, о чем свидетельствуют демографические показатели последнего

времени. По сути, *2016 год — это год начала нового этапа депопуляции*, о чем свидетельствует изменение демографической ситуации в стране. Еще с 2012 по 2014 г. постепенно сокращалось количество регионов с естественной убылью населения: в 2012 г. — 41, в 2013 г. — 39, в 2014 году — 31 регион. Однако в 2015 г. число таких регионов составило 37, а в 2016 г. — достигло 46 (это 54% всех субъектов РФ). 2017 г. стал наглядным проявлением депопуляции. По итогам первого полугодия из 85 субъектов РФ естественная убыль наблюдалась в 65 субъектах: это на 19 регионов больше, чем в 2016 г. Положительная динамика (естественный прирост) сохранилась только в 20 субъектах РФ (в их числе: г. Москва и г. Санкт-Петербург, республики Северного Кавказа, Татарстан, Алтай, Бурятия, Тыва и Якутия, Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский и Чукотский автономные округа, Забайкальский край, Тюменская, Камчатская и Сахалинская области). При чем разброс значений достаточно велик: естественный прирост в двух последних областях составил менее 150 человек, а в Дагестане и Чечне он превысил 25 тыс. чел.

Новый этап депопуляции будет заметно отличаться от первого, инициирование которого было связано с ухудшением обоих воспроизводственных компонентов, т. е. с сокращением рождаемости и ростом смертности (в 1999 г. число рождений к уровню 1991 г. составило 68%, а число умерших — соответственно 127%). Для нынешнего этапа будет характерно лишь сокращение рождаемости, именно оно и будет во многом определять масштабы депопуляции, в то время как смертность хотя и медленно, но будет уменьшаться. Согласно последнему прогнозу Росстата (средний вариант), ожидаемая продолжительность жизни населения к 2025 г. достигнет 74,21 года и к 2035 г. — 75,79 лет, тогда как в 2017 году ее величина должна быть 72,2 года [4].

Другая особенность второго этапа депопуляции состоит в том, что в наступающий период падение рождаемости всецело будет связано с сокращением численности женщин, находящихся в репродуктивном возрасте, тогда как в первый период депопуляции, по крайней мере, в 1990-е гг., уменьшение числа родившихся было вызвано преимущественно резким падением суммарного коэффициента рождаемости, величина которого в 1999 г. упала до 1,157, тогда как еще в 1991 г., накануне начала депопуляции, она составляла 1,732, т. е. была ненамного ниже ее современного уровня [4].

Негативное влияние на демографическую динамику может оказать существенное сокращение миграционного потенциала для России в странах бывшего СССР. Численность русских и дру-

гих российских народов, проживавших в бывшем СССР за пределами РСФСР (28–29 млн чел.), сократилась и составляет вместе с другими российскими народами около 16–18 млн человек. Причем значительную часть из них составляют люди, которые родились в 1990–2000-е гг.; их социализация проходила в новых социально-экономических и геополитических условиях. Многие из них не собираются переезжать в Россию. Поэтому реальный миграционный потенциал для России в странах бывшего СССР можно оценить максимально в 4–5 млн чел. Причем для его реализации требуются условия не только в странах их проживания, но и в самой России (например, более мягкая миграционная политика страны).

Несмотря на эти трудности, тем не менее *необходимо на ближайшие 10–15 лет определить в числе важнейшего приоритета России «восходящую демографическую динамику»*, поскольку от решения этой задачи зависит будущее государства в большей мере, чем от решения многих остальных. В эти годы в сфере рождаемости скорее всего не удастся сохранить достигнутую в истекшее время численность ежегодных рождений (примерно 1,9 млн чел.). Тем не менее усилия должны быть сосредоточены на поиске мер, сдерживающих масштабы сокращения рождаемости. Другое дело — смертность и миграция. Здесь необходимо использовать все имеющиеся резервы сокращения смертности и привлечения, пока еще сохраняющегося для России миграционного потенциала.

Прежде всего, необходимо связать миграционную политику с демографической политикой страны. Демографическая политика России направлена на стабилизацию и рост численности населения страны. Значит, миграция должна стать одним из компонентов увеличения численности российского населения. Для этого нужно четко выделить целевые группы иммигрантов, которые нужны государству и регионам, и снять бюрократические препятствия на пути предоставления вида на жительство и гражданства. Прежде всего, это: соотечественники; трудовые мигранты, давно живущие и хорошо интегрированные в российское общество; выпускники российских вузов; жены и мужья российских граждан и другие группы мигрантов.

Требуется увязать миграционную политику с экономической стратегией развития России. Необходимо четко оценить потребность в иностранной рабочей силе и с учетом внутренних резервов трудовых ресурсов на основе баланса трудовых ресурсов ввести трудовую миграцию в регулируемое русло, используя каналы организованного и целевого набора иностранных трудящихся-мигрантов в странах-донорах. Необходимо снять барьеры на пути

трудоустройства иностранных высококвалифицированных специалистов, профессионалов и ученых.

Необходимо связать миграционную политику с внешней политикой России. Поскольку растут социально-экономические издержки, связанные с интеграцией иммигрантов в российское общество (возникают конфликты между мигрантами и местным населением, увеличиваются затраты на обучение мигрантов русскому языку и т. д.), можно сократить часть издержек по интеграции мигрантов, перенеся фокус действий миграционной политики за пределы России.

Например, необходимо договариваться со странами — донорами трудовых мигрантов о предвыездной подготовке профессии и русскому языку, более тщательном отборе трудовых мигрантов на конкретные рабочие места в России. Возможно, следует использовать отечественный и зарубежный опыт продвижения русского языка за рубежом, создавать опорные пункты для рекрутинга и подготовки трудовых и учебных мигрантов. На первом этапе в качестве приоритетных стран для реализации миграционной политики России могли бы стать страны Центральной Азии, Закавказья и Вьетнам. Все они являются традиционными миграционными партнерами, исторически и геополитически ориентированы на Россию.

Таким образом, в ближайшие годы *целью демографического развития России должно стать максимальное использование воспроизводственных и миграционных резервов для минимизации демографического спада и обеспечения предпосылок для нового демографического подъема.* Каковы эти резервы и в какое время наступившего периода они могут быть наиболее результативно использованы, должны определять не отдельные лица, сколь бы высок не был их профессиональный уровень и какой бы высокий пост они ни занимали, а специально созданные рабочие группы, состоящие из ученых соответствующего профиля (специалисты в области рождаемости, смертности и миграции), и те практические работники, на долю которых выпало в последние годы осуществление демографической политики в России.

Библиографический список

1. Акрамов Ш.Ю., Рязанцев С.В. Трудовые мигранты: репродуктивное здоровье и вклад в российскую рождаемость // Человек и закон. 2014. № 3. С. 42–50.

2. Архангельский В.Н., Иванова А.Е., Кузнецов В.Н., Рыбаковский Л.Л., Рязанцев С.В. Стратегия демографического развития России. М.: ЦСП, 2005.
3. Рыбаковский Л.Л. 20 лет депопуляции в России. М.: Экон-информ, 2014.
4. Данные Федеральной службы государственной статистики http://www/gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
5. Атлас демографического развития России / Научный совет Президиума РАН по Программе фундаментальных исследований РАН «Экономика и социология знания» / Под ред. ак. Осипова Г.В. и профессора Рязанцева С.В. М.: Экономическое образование, 2009.
6. Демографические перспективы России / Под ред. академика Осипова Г.В. и проф. Рязанцева С.В. М.: Экон-Информ, 2008.
7. Рыбаковский Л.Л., Рязанцев С.В., Безвербный В.А. Вопросы демографического развития России в президентских посланиях: влияние на эффективность демографической политики // Горизонты экономики. 2011. № 2.

References

1. Akramov SH. YU., Ryazancev S.V. Trudovye migranty: reproduktivnoe zdorov'e i vklad v rossijskuyu rozhdaemost' // Chelovek i zakon. 2014. № 3. S. 42–50.
2. Arhangel'skij V. N., Ivanova A.E., Kuznecov V.N., Rybakovskij L.L., Ryazancev S.V. Strategiya demograficheskogo razvitiya Rossii. M.: CSP, 2005.
3. Rybakovskij L.L. 20 let depopulyacii v Rossii. M.: EHkon-inform, 2014.
4. Dannye Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki http://www/gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
5. Atlas demograficheskogo razvitiya Rossii / Nauchnyj sovet Prezidiuma RAN po Programme fundamental'nyh issledovanij RAN «EHkonomika i sociologiya znaniya» / Pod red. ak. Osipova G.V. i professora Ryazanceva S.V. M.: EHkonomicheskoe obrazovanie, 2009.
6. Demograficheskie perspektivy Rossii / Pod red. akademika Osipova G.V. i prof. Ryazanceva S.V. M.: EHkon-Infom, 2008.
7. Rybakovskij L.L., Ryazancev S.V., Bezverbnyj V.A. Voprosy demograficheskogo razvitiya Rossii v prezidentskih poslaniyah: vliyanie na ehfektivnost' demograficheskoy politiki // Gorizonty ehkonomiki. 2011. № 2.

Маевский Д.П.,
Сигарева Е.П.

РОЛЬ МИГРАЦИИ В ПРОГНОЗНОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

MIGRATION ROLE IN EXPECTED DEMOGRAPHIC DYNAMICS:
REGIONAL ASPECT

Маевский Дмитрий Павлович, кандидат экономических наук, доцент, первый проректор Омского государственного технического университета, e-mail: dmaevskiy@omgtu.ru

Сигарева Евгения Петровна, кандидат экономических наук, зав. отделом воспроизводства населения Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН, e-mail: sigarevae@mail.ru

Maevskiy Dmitry Pavlovich, Cand. Sci. (Econ.), first vice-rector, Omsk State Technical University, e-mail: dmaevskiy@omgtu.ru

Sigareva Evgenia Petrovna, Cand. Sci. (Econ.), head of the Reproductivity Section, Social Demography Center, Institute of Socio-Political Research, RAS, e-mail: sigarevae@mail.ru

Аннотация. В статье на основе прогнозных данных сделан анализ роли миграции в процессе компенсации естественной убыли населения в предстоящие 18 лет. Процесс второго этапа депопуляции в России особенно остро будет отражаться в тех регионах страны, в которых она сочетается с миграционным оттоком. В обозримой перспективе лишь ряд регионов, характеризующихся естественной убылью населения имеют возможность нивелировать ее за счет миграционного прироста населения. Снижение компенсационной роли миграции актуализирует поиск новых более эффективных мер для демографической стабилизации в Российской Федерации.

Abstract. In article on the basis of expected data the analysis of a role of migration in the course of compensation of natural losses of the population in the forthcoming 18 years is made. Process of the second stage of depopulation in Russia will be reflected especially sharply in those regions of the country in which it is combined with migration outflow. In the foreseeable future only a number of the regions which are characterized by natural losses of the population have an opportunity to level it at the expense of a migration increase in population. Decrease in a compensation role of migration staticizes search of new more effective measures for demographic stabilization in the Russian Federation.

Ключевые слова: миграция, естественный прирост, миграционный прирост, прогноз, регион, демографическая динамика

Key words: migration, natural increase, migration gain, forecast, region, demographic dynamics.

Классическая демография насчитывает пять функций миграции: ускорительную, перераспределительную, селективную, экономическую, социальную. В периоды общего демографического неблагополучия особое значение приобретает перераспределительная функция, частным случаем которой является компенсационная функция миграционных процессов. Компенсация или от латинского *compensatio* — возмещение, в контексте демографической теории представляет собой процесс замещения одной из компоненты общего демографического развития другой. Так, в случае миграционного оттока населения из страны или отдельного региона можно говорить о компенсационных возможностях естественного прироста населения. И, наоборот, естественная убыль, имеет возможность возместиться миграционным приростом. Это относится и к более детализированным процессам рождаемости и смертности, иммиграции и эмиграции. Но нас в данном случае интересует роль миграции в качестве компенсационного фактора в динамике общего прироста населения.

Если рассматривать баланс миграционного и естественного движения за периоды нисходящей и восходящей динамики демографического развития, то окажется, что роль миграции в качестве его компенсирующей компоненты достаточно разнообразна. В пределах начала первого периода депопуляционного тренда (1992–1999 гг.) замещение естественной убыли миграционным притоком составляло значительную величину: более половины. Это в свою очередь создало ошибочное впечатление на фоне массовой миграции в Россию в 1990-х годах, что миграционная компонента роста численности населения будет неистощима. Тем более что миграционный потенциал русского и русскоязычного населения стран постсоветской территории насчитывался некоторыми, излишне оптимистичными экспертами, в пределах 25-38 млн чел. Реальные перспективы миграционных потоков в депопуляционный период были существенно меньше. [2; 4]. В дальнейшем трудовая миграция часто также рассматривалась в качестве увеличения численности населения России [3; 5]. И миграционная политика в тот период базировалась на поиске мер по адаптации трудовых мигрантов в качестве постоянных жителей страны. Однако, миграционная ситуация менялась, и приток в Россию из-за ее пределов постепенно сокращался. Соответственно снижался и показатель компенсирующего эффекта миграции в период углубления депопуляции. С 2005 г. уровень возмещения миграционными потоками естественной убыли населения стал возрастать, что, скорее всего, связано с формиро-

ванием позитивной динамики естественного движения. В 2007 г. замещение естественной убыли населения миграцией составляло 60%. В 2008 г. миграционный приток населения заместил 71% естественной убыли.

В 2011 г. был изменен принцип статистического учета долгосрочной миграции. Так, лица, зарегистрированные по месту пребывания на срок 9 месяцев и более, а также лица, снятые с регистрационного учета по месту пребывания в связи с окончанием срока пребывания, включены в статистический учет долгосрочной миграции с 2011 г. [6]. Это отразилось на коэффициенте компенсации миграцией естественной убыли. В 2011 г. миграционный приток в Россию был в 2,5 раза больше, чем отрицательный показатель естественного прироста. В 2015 г., когда наблюдался положительный естественный прирост населения, миграционный прирост населения был в 7,6 раза больше, чем разница между числом рожденных и умерших. В 2016 г. — в году начавшегося нового этапа депопуляции в России, миграционный прирост превышал незначительный естественный «убыток» населения в 114,6 раза, а в 2017 г. — в 1,5 раза. За январь-август 2018 г. миграционный прирост уже только наполовину компенсирует естественную убыль населения России.

Если рассматривать региональный аспект компенсационной роли современной миграции, то следует заметить, что, строго говоря, миграционные процессы «восполняющие» негативные процессы естественного воспроизводства отмечены в незначительной доле субъектов Российской Федерации (табл. 1). Это группа 6 в представленной группировке субъектов Российской Федерации по степени влияния естественного движения и миграции на изменение численности населения.

Только в 8 регионах страны миграционные потоки туда позволили компенсировать полностью естественную убыль населения и сохранить позитивный тренд на рост численности населения в 2017 г. В 12 регионах (группа 2) миграция лишь частично компенсировала естественную убыль населения, что в целом не позволило этим территориям увеличить численность населения. В 4 группе регионов (8 субъектов) миграция не имеет компенсирующего значения, а играет роль компоненты, которая наряду с положительным естественным приростом формируют увеличение численности населения. В остальных группах, а это 2/3 всех регионов России, миграция имеет отрицательный знак, что позволяет говорить о ее негативном влиянии на общий демографический баланс российских территорий.

Таблица 1.

Группировка субъектов Российской Федерации по степени влияния показателей естественного движения и миграции на изменение численности населения в 2017 г. [7]

Субъекты Российской Федерации, входящие в группу		
Число субъектов Российской Федерации, в которых население сократилось (59)		
За счет естественной убыли и миграционного оттока населения	1 группа 38	Республики Башкортостан, Карелия, Коми, Марий Эл, Удмуртская, Хакасия и Чувашская; Алтайский, Пермский, Приморский и Хабаровский края; Амурская, Архангельская (без Ненецкого автономного округа), Брянская, Владимирская, Волгоградская, Вологодская, Ивановская, Кемеровская, Кировская, Костромская, Курганская, Курская, Липецкая, Магаданская, Мурманская, Новгородская, Омская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Псковская, Самарская, Саратовская, Тверская, Ульяновская, Челябинская и Еврейская автономная области
За счет превышения естественной убыли над миграционным приростом	2 группа 12	Республика Мордовия; Белгородская, Воронежская, Калужская, Нижегородская, Ростовская, Рязанская, Свердловская, Смоленская, Тамбовская, Тульская и Ярославская области
За счет превышения миграционного оттока над естественным приростом	3 группа 9	Республики Калмыкия, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия — Алания; Забайкальский и Ставропольский края; Астраханская, Иркутская и Томская области; Чукотский автономный округ
Число субъектов Российской Федерации, в которых население увеличилось (26)		
За счет естественного и миграционного приростов	4 группа 8	Республики Ингушетия и Татарстан; Камчатский и Красноярский края; Тюменская (без автономных округов) и Сахалинская области; города федерального значения Москва и Санкт-Петербург
За счет превышения естественного прироста над миграционным оттоком	5 группа 10	Республики Алтай, Бурятия, Дагестан, Кабардино-Балкарская, Саха (Якутия), Тыва и Чеченская; Ненецкий, Ханты-Ненецкий-Югра и Ямало-Ненецкий автономные округа
За счет превышения миграционного прироста над естественной убылью	6 группа 8	Республики Адыгея и Крым; Краснодарский край; Калининградская, Ленинградская, Московская и Новосибирская области; город федерального значения Севастополь

В прогнозной динамике миграция в Российскую Федерацию имеет восходящий тренд (см. график 2).

Предполагается, что к 2035 г. абсолютная численность миграционного прироста в России достигнет примерно 298 тыс. чел. Это соответствует целевым показателям прежней миграционной концепции, которая рассчитывала на ежегодный миграционный прирост в 300 тыс. чел. Однако если мы рассмотрим параметры динамики естественного движения в ближайшие 18 лет, то заметим, что предполагаемый миграционный прирост не сможет покрыть естественную убыль. Суммарно к 2036 г. естественная убыль составит почти 6 млн. человек. А суммарный миграционный прирост населения лишь 5 с небольшим млн чел. То есть, 1 млн чел. по прогнозным оценкам среднего варианта составит общая убыль населения России. В ежегодном измерении естественная убыль будет составлять в среднем, примерно, 333 тыс. чел., а миграционный прирост — 279 тыс. чел.

В целом за этот период миграция сможет компенсировать лишь 83% естественной убыли населения. Причем, наименьшее ее влияние будет отмечено через 10 лет в 2027 г., когда предполагается наибольший ущерб от естественного движения населения, составляющий более 420 тыс. чел. В этот год миграция сможет лишь на 68% компенсировать естественную убыль населения. Средний вариант прогноза демографической динамики до 2035 г. базируется на сценарии, в котором после 2027 г. произойдет улучшение

График 1.

Прогнозная динамика естественного, миграционного и общего прироста населения за 2018–2035 гг. (средний вариант, чел.)

Рассчитано по [8]: Статистический бюллетень «Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 г.», Москва, Росстат, 2018. — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812 (дата обращения: 16.09.2018)

в процессах естественного воспроизводства населения. К 2035 г. естественная убыль населения сократится почти на 40% относительно 2027 г. И в совокупности с возрастающей динамикой миграционного прироста в 2034–2035 гг. Россия может выйти на небольшие положительные показатели общего прироста, но лишь за счет миграции. Естественный прирост будет оставаться отрицательным в пределах 280–250 тыс. чел.

Региональная прогнозная демографическая динамика демонстрирует еще более значимую роль миграции в формировании численности населения. На основе расчетов суммарных данных была составлена прогнозная группировка субъектов Российской Федерации по степени влияния показателей естественного движения и миграции на изменение численности населения за 2018–2035 гг. (см. табл. 2).

По нашим данным к 2036 г. в только в 14 регионах России миграционный прирост полностью компенсирует естественную убыль населения (группа 6). Еще в 31 субъекте Российской Федерации (группа 2) миграционный прирост лишь частично «покроет» убыль населения за счет естественного воспроизводства населения. А в 5 регионах (группа 4) миграционный прирост синхронно с естественным приростом определит общий рост населения. Утрата населения за счет миграции предполагается к 2036 г. в 35 регионах России, что составит 41% всех субъектов страны.

В предстоящие годы также как и в прошлые намечается концентрация мигрантов в отдельных регионах России. Так, миграционный прирост Центрального федерального округа, который по прогнозу суммарно за 2018–2035 гг. составит 3,6 млн чел., более 2,7 млн мигрантов, направятся в г. Москву и Московскую область, увеличив численность столичной агломерации, примерно на 2 млн чел. Приращение населения за счет миграции в Северо-Западном федеральном округе произойдет, главным образом, в г. Санкт-Петербурге, Ленинградской области и Калининградской области. Основными реципиентами миграционных потоков в период 2018–2035 гг. в Южном федеральном округе останется Краснодарский край и новый привлекательный центр для мигрантов — г. Севастополь. Все регионы Северо-Кавказского федерального округа за предстоящий 18-летний период утратят население за счет миграционных процессов. Незначительный миграционный прирост предполагается лишь в Ставропольском крае, В Приволжском федеральном округе только в Республике Татарстан в предстоящие годы прогнозируется увеличение населения за счет миграционной компоненты.

Таблица 2.

Группировка субъектов Российской Федерации по степени влияния показателей естественного движения и миграции на изменение численности населения за 2018–2035 гг. (суммарные прогнозные данные)

Субъекты Российской Федерации, входящие в группу		
Число субъектов Российской Федерации, в которых население сократится (61)		
За счет естественной убыли и миграционного оттока населения	1 гр.* 24	Брянская область, Республика Коми, Архангельская область без автономии, Мурманская область, Республика Калмыкия, Волгоградская область, Республика Башкортостан, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Удмуртская Республика, Чувашская Республика, Кировская область, Оренбургская область, Пензенская область, Ульяновская область, Курганская область, Алтайский край, Иркутская область, Кемеровская область, Камчатский край, Амурская область, Магаданская область, Сахалинская область, Еврейская автономная область
За счет превышения естественной убыли над миграционным приростом	2 гр. 31	Владимирская область, Воронежская область, Ивановская область, Калужская область, Костромская область, Курская область, Липецкая область, Орловская область, Рязанская область, Смоленская область, Тамбовская область, Тверская область, Тульская область, Ярославская область, Республика Карелия, Вологодская область, Новгородская область, Псковская область, Республика Крым, Ростовская область, Ставропольский край, Пермский край, Нижегородская область, Самарская область, Саратовская область, Свердловская область, Челябинская область, Республика Хакасия, Омская область, Приморский и Хабаровский края
За счет превышения миграционного оттока над естественным приростом	3 гр. 6	Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия — Алания, Ямало-Ненецкий авт. округ, Забайкальский край, Республика Саха (Якутия)
Число субъектов Российской Федерации, в которых население увеличится (24)		
За счет естественного и миграционного приростов	4 гр. 5	Ненецкий авт. округ, Ханты-Мансийский авт. округ — Югра, Тюменская область без автономий, Республика Бурятия, Чукотский автономный округ
За счет превышения естественного прироста над миграционным оттоком	5 гр. 5	Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Республика Алтай, Республика Тыва
За счет превышения миграционного прироста над естественной убылью	6 гр. 14	Белгородская область, Московская область, г. Москва, Калининградская область, Ленинградская область, г. Санкт-Петербург, Республика Адыгея, Краснодарский край, Астраханская область, г. Севастополь, Республика Татарстан, Красноярский край, Новосибирская область, Томская область

Рассчитано по [7]: Статистический бюллетень «Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 г.», Москва, Росстат, 2018. — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812 (дата обращения: 16.09.2018)

Во всех остальных субъектах этого округа миграция не сможет компенсировать естественную убыль населения. В Уральском федеральном округе прогнозируется, как и раньше, наиболее крупный приток мигрантов в Тюменскую область (без учета автономий), Свердловскую область и Челябинскую область. Но в последних двух миграция не сможет компенсировать естественную убыль населения. В Сибирском федеральном округе явным центром притяжения мигрантов будет выступать Новосибирская область, где миграционный прирост за 2018–2035 гг. предполагается в пределах 344 тыс. чел. Дальневосточный федеральный округ в целом будет утрачивать население за счет миграции. Положительный миграционный прирост будет наблюдаться лишь в Хабаровском и Приморском краях и, незначительно, в Чукотском автономном округе.

Таким образом, миграция в предстоящие два десятилетия будет продолжать свою функцию перераспределения населения по отдельным миграционно привлекательным территориям Российской Федерации, и ее компенсационная роль в процессе возмещения численности населения из-за потерь естественного воспроизводства в значительной части регионов страны будет снижаться.

Очевидно, что осознание таких перспективных процессов вызвало необходимость пересмотра концептуальных основ (спустя всего 6 лет после принятия прежней миграционной Концепции). Отметим, что понимание миграции лишь только в качестве вспомогательной компоненты в демографическом развитии страны произошло. В отличие от прежней Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г., где одной из ее целей являлось «б) стабилизация и увеличение численности постоянного населения Российской Федерации» [1], в новой Концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 гг. отмечено, что «Основным источником восполнения населения Российской Федерации и обеспечения национальной экономики трудовыми ресурсами должно оставаться его естественное воспроизводство. Миграционная политика является вспомогательным средством для решения демографических проблем и связанных с ними экономических проблем» [9]. Таким образом, признана снижающаяся роль миграции в демографическом развитии России в обозримой перспективе, что потребует иных, более эффективных мер в отношении воспроизводства населения, а также новых подходов к расселению населения по регионам России.

Библиографический список

1. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.) — URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> (дата обращения: 18.09.2018)
2. Миграционный потенциал русских и других российских народов. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/037/tema04.php> (дата обращения 1.10.2018)
3. Раковская В.С., Соловьева Н. Н., Туманова И.А. Трудовая миграция: последствия для стран-доноров и стран-реципиентов // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — № 3.;
4. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9443> (дата обращения: 01.11.2018).
5. Рыбаковский Л.Л. Миграционный потенциал: критерии оценки и современные масштабы. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/09/02/1267440637/Rybakovsky.pdf> (дата обращения 1.10.2018)
6. С.В. Рязанцев С.В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0335/biblio01.php> (дата обращения 13.10.2018)
7. Статистический бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации в 2011 г.». URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_107/Main.htm (дата обращения: 01.08.2018).
8. Статистический бюллетень «Численность и миграция населения Российской Федерации» Москва, Росстат, 2018. — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (дата обращения: 16.09.2018)
9. Статистический бюллетень «Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 г.», Москва, Росстат, 2018. — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812 (дата обращения: 16.09.2018)
10. Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/58986> (дата обращения: 1.11.2018)

References

1. *Konceptsiya gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda (utv. Prezidentom RF ot 13 iyunya 2012 g.)* — URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> (data obrashcheniya: 18.09.2018)
2. *Migracionnyj potencial russkih i drugih rossijskih narodov.* URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/037/tema04.php> (data obrashcheniya 1.10.2018)
3. *Rakovskaya V.S., Solov'yova N. N., Tumanova I.A. Trudovaya migraciya: posledstviya dlya stran-donorov i stran-recipientov // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya.* — 2013. — № 3.;
4. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=9443> (data obrashcheniya: 01.11.2018).

5. Rybakovskij L.L. Migracionnyj potencial: kriterii ocenki i sovremennyye masshtaby. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/09/02/1267440637/Rybakovsky.pdf> (data obrashcheniya 1.10.2018)
6. S.V. Ryazancev S.V. Trudovaya migraciya v stranah SNG i Baltii: tendencii, posledstviya, regulirovanie. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0335/biblio01.php> (data obrashcheniya 13.10.2018)
7. Statisticheskij byulleten' «Chislennost' i migraciya naseleniya Rossijskoj Federacii v 2011 g.». URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_107/Main.htm (data obrashcheniya: 01.08.2018).
8. Statisticheskij byulleten' «Chislennost' i migraciya naseleniya Rossijskoj Federacii» Moskva, Rosstat, 2018. — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (data obrashcheniya: 16.09.2018)
9. Statisticheskij byulleten' «Predpolozhitel'naya chislennost' naseleniya Rossijskoj Federacii do 2035 g.», Moskva, Rosstat, 2018. — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812 (data obrashcheniya: 16.09.2018)
10. Ukaz «O Konceptcii gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na 2019–2025 gody» — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/58986> (data obrashcheniya: 1.11.2018)

**Храмова М.Н.,
Морозов В.М.**

ПОТЕНЦИАЛ ВЬЕТНАМСКОЙ МИГРАЦИИ ДЛЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА РОССИИ

POTENTIAL OF VIETNAM MIGRATION FOR THE SOCIO-ECONOMIC
DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FAR EAST REGIONS

Храмова Марина Николаевна, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры демографической и миграционной политики МГИМО МИД России, заместитель директора Института социально-политических исследований РАН, Москва, Россия, e-mail: kh-mari08@yandex.ru
Морозов Владимир Михайлович, кандидат исторических наук, проректор по кадровой политике, доцент кафедры дипломатии МГИМО МИД России, Москва, Россия, E-mail: morozov_v_m@mgimo.ru
Marina N. Khramova, PhD in Physical and Mathematical Sciences, Deputy Director of the Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Department of Demographic and Migration Policy, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia, e-mail: kh-mari08@yandex.ru
Vladimir M. Morozov, PhD in History, Vice-Rector for Human Resources, Associate Professor of the Department of Diplomacy, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia, e-mail: morozov_v_m@mgimo.ru

Аннотация. В статье анализируются особенности демографического развития регионов Дальнего Востока России в 2000–2017 гг. Сокращение численности постоянного населения в регионах ДФО является серьезным барьером для реализации проектов ускоренного социально-экономического развития. В работе показывается, что в условиях, когда внутренние ресурсы мобильности населения практически исчерпаны, единственным источником восполнения трудового потенциала регионов Дальнего Востока является международная миграция. Анализируются особенности вьетнамской трудовой миграции в регионах России.

Abstract. The article analyzes the features of the demographic development of the Far Eastern regions of Russia in 2000–2017. The reduction of the population in regions of Far Eastern Federal District is a serious barrier to the implementation of projects of socio-economic development. The paper shows that in conditions when the internal resources of population mobility are practically exhausted, international migration is the only source for replenishing the labor potential of the regions of the Far East. The features of Vietnamese labor migration in the regions of Russia are analyzed.

Ключевые слова: миграция, миграционная политика, притягивающие и выталкивающие факторы, регионы Дальнего Востока России, численность мигрантов из Вьетнама, трудовая миграция, социально-экономическое развитие.

Key words: migration, migration policy, pull and push factors, regions of the Russian Far East, the number of migrants from Vietnam, labor migration, socio-economic development.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-510-92003

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-510-92003

Российская Федерация является одной из крупнейших стран — реципиентов мигрантов в мире. В настоящее время на территории России проживает свыше 10,5 млн. мигрантов из более чем 100 стран мира. Это составляет около 8,5% населения страны. Надо отметить, что распределение мигрантов по территории России является весьма неравномерным, существуют также и специфические особенности расселения мигрантов из разных стран в регионах России.

Масштабы и направления миграционных потоков из зарубежных стран в Россию определяются комплексом факторов как в странах происхождения мигрантов, так и в России. Внешнеполитическая ситуация, изменения в миграционном законодательстве, социально-экономические условия в странах происхождения мигрантов, а также в России, определяют динамику международной миграции в РФ.

Надо отметить, что, согласно официальным данным Росстата, подавляющую часть мигрантов в течение последних лет составляют выходцы из стран СНГ. Так, например, по итогам 2017 г. всего прибыло в Россию 589033 человека, из которых из стран СНГ — 524452 человека, что составляет 89% от общего числа прибывших. Прирост численности населения РФ в целом происходит исключительно благодаря международной миграции.

В масштабах международной миграции в Россию в последнее десятилетие произошли существенные количественные и качественные изменения. Из-за роста уровня и качества жизни населения таких стран как Китай и Вьетнам, численность мигрантов, в частности, трудовых, из этих стран в России сокращается в относительном выражении.

Далеко не все регионы России можно назвать миграционно привлекательными для мигрантов как из стран СНГ, так и стран дальнего зарубежья. Лидерство по числу международных мигрантов удерживают Москва и Московская область, Санкт-Петербург,

а также еще с десятков регионов России, многие из которых расположены в европейской части России. В таблице 1 представлены итоги международной миграции в РФ в 2017 г. в разрезе федеральных округов.

Таблица 1.

**Миграционный прирост населения РФ в 2017 г.
в разрезе федеральных округов, человек**

Федеральный округ	Сальдо миграции	В том числе		
		Граждане России	Иностранные граждане	Из них граждане стран СНГ
В целом по РФ	211878	129248	84694	78427
Центральный	73592	56839	17136	17450
Северо-Западный	31159	15905	15372	15556
Южный	26887	12849	14122	11278
Северо-Кавказский	3716	2416	1540	737
Приволжский	27383	12204	15588	12341
Уральский	20376	13269	7237	7262
Сибирский	21513	13035	8832	8841
Дальневосточный	7252	2731	4867	4962

Источник: Численность и миграция населения Российской Федерации. 2017. Статистический сборник. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_107/lssWWW.exe/Stg/tab2-16-17.xlsx

Как видно из приведенной таблицы, около половины миграционного прироста приходится на регионы Центрального и Северо-Западного федерального округов (ЦФО и СЗФО соответственно), наименьший прирост — на Дальневосточный и Северо-Кавказский федеральные округа. Однако даже внутри одного федерального округа ситуация различается весьма сильно. Понятно, что в ЦФО основными субъектами, обеспечивающими миграционный прирост, являются г. Москва и Московская область, а в СЗФО — г. Санкт-Петербург и Ленинградская область. В то же время, ряд субъектов в указанных федеральных округах, как в межрегиональном обмене с другими субъектами РФ, так и в международной миграции, стабильно показывают убыль. Для Приволжского и Уральского федеральных округов миграционный прирост обусловлен преимущественно регионами, имеющими сырьевую ориентацию, для Южного федерального округа практически весь прирост дает Краснодарский край.

В то же время обращает на себя внимание тот факт, что на долю Дальневосточного федерального округа (ДФО) стабильно приходится лишь около 3,5% от общего миграционного прироста.

На фоне депопуляции и оттока местного населения регионов ДФО в другие регионы РФ международная миграция не дает сегодня того эффекта, который позволил бы восточным регионам нашей страны сохранять и наращивать экономический потенциал. При этом не вызывает сомнения стратегическая важность устойчивого социально-экономического развития дальневосточных территорий.

Динамика численности населения регионов ДФО представлена в таблице 2.

Таблица 2.

Динамика численности населения регионов Дальнего Востока России в 2000–2017 гг., на 1 января соответствующего года, тыс. человек

Регион	Год										Отношение 2017 г. к 2000 г., %
	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	
Республика Саха (Якутия)	963	953	959	958	956	956	955	957	960	963	100,0
Камчатский край	372	344	323	322	320	320	320	317	316	315	84,7
Приморский край	2141	2028	1965	1953	1951	1947	1938	1933	1929	1923	89,8
Хабаровский край	1474	1397	1349	1343	1342	1342	1340	1338	1335	1333	90,4
Амурская область	936	874	835	829	821	817	811	810	806	802	85,7
Магаданская область	202	174	159	156	155	152	150	148	146	146	72,3
Сахалинская область	569	530	501	497	495	494	491	488	487	487	85,6
Еврейская автономная область	195	186	178	176	175	173	171	169	166	164	84,1
Чукотский автономный округ	61	52	51	51	51	51	51	51	50	50	82,0

Источник: составлено авторами по [1, 2].

Если сравнивать абсолютную численность населения в 2000 и 2017 гг., то становится очевидным, что только Республика Саха (Якутия) сохранила прежние показатели, и то, позитивные тенденции наметились лишь в последние несколько лет. С другой стороны, все остальные регионы ДФО характеризуются снижением численности населения. Наибольшие потери понесли Магаданская и Амурская области, Камчатский край, Еврейская АО, а также Чукотский АО. Изменение численности населения происходило под влиянием естественного и миграционного движения.

Сохранение в течение длительного времени негативных тенденций в течении демографических процессов уже привело к деформации возрастной структуры населения. Дело в том, что для регионов Дальнего Востока России в советский период была характерна более высокая по сравнению со средними показателями доля лиц в трудоспособных возрастах. За постсоветский период это различие совершенно исчезло. Существенный миграционный отток, низкая рождаемость и увеличение продолжительности жизни населения привели за достаточно короткий промежуток времени к увеличению абсолютной и относительной доли лиц пожилого возраста. Учитывая достаточно малочисленное поколение детей, родившихся в 1990-х гг., в настоящее время можно говорить об ускоренном старении населения регионов Дальнего Востока. Относительно «молодое» население при высокой доле лиц трудоспособного возраста все еще сохраняется в Чукотском АО, а также в Республике Саха (Якутия) [3].

Произшедшие негативные сдвиги в возрастной структуре населения привели к снижению резервов пополнения трудовых ресурсов, а также к их старению. Изменился и качественный состав трудовых ресурсов. Это, в свою очередь, накладывает серьезные ограничения на возможности ускоренного социально-экономического развития регионов Дальнего Востока России.

Международная трудовая миграция играла и продолжает играть для Российской Федерации значимую роль в социально-экономическом развитии как в целом, так и в отдельных субъектах, позволяя компенсировать дефицит трудовых ресурсов в ряде областей народного хозяйства [3, 4, 5]. Направления и масштабы международной трудовой миграции определяются целым комплексом факторов как внутри России (факторы притяжения), так и в странах, являющихся основными экспортерами рабочей силы (факторы выталкивания). Наиболее существенную роль в формировании миграционных настроений населения стран-доноров рабочей силы играют причины экономического характера. Различия в уровнях оплаты труда в странах происхождения мигрантов и в России, возможность осуществлять денежные переводы на родину (что способствует повышению уровня жизни домохозяйств трудовых мигрантов) делает Россию в целом страной, привлекательной для мигрантов их большого числа стран.

Для постсоветской России характерна существенная региональная дифференциация, которая проявляется как на уровне федеральных округов, так и на уровне отдельных регионов и даже муниципальных образований. Поэтому комплекс социально-эко-

номических условий фактически формирует миграционную привлекательность региона. Немаловажную роль играют и показатели региональных рынков труда. Некоторые из них — уровень участия в рабочей силе, доля занятых в трудоспособном возрасте, уровень безработицы, среднее время поиска работы, средний возраст безработных, нагрузка незанятого населения, зарегистрированного в службах занятости, — представлены в таблице 3.

Таблица 3.

Некоторые показатели рынков труда регионов Дальнего Востока России в 2016 г.

Регион	Уровень участия в рабочей силе, %	Доля занятых в трудоспособном возрасте, %	Уровень безработицы, %	Средний возраст безработных, лет	Средняя продолжительность поиска работы, мес.	Нагрузка незанятого населения на одну вакансию, человек
Республика Саха (Якутия)	69,4	90,0	7,2	35,4	7,4	2,0
Камчатский край	73,2	88,7	4,1	34,9	6,3	0,7
Приморский край	70,1	89,1	6,0	38,3	8,3	0,5
Хабаровский край	71,0	88,7	5,0	37,6	6,8	0,4
Амурская область	67,6	89,6	5,9	37,5	8,7	2,5
Магаданская область	76,9	85,9	4,4	40,5	7,8	0,8
Сахалинская область	73,3	87,2	6,3	38,8	7,5	0,2
Еврейская автономная область	66,8	88,3	8,2	36,7	9,6	0,2
Чукотский автономный округ	82,5	88,8	3,5	34,4	7,4	0,9
РФ в целом	69,5	90,3	5,5	35,8	7,6	0,9

Источник: составлено авторами по [6].

Наибольшие опасения среди перечисленных показателей вызывает уровень безработицы, который для регионов Дальнего Востока является значимо более высоким, нежели среднероссийский уровень, а также среднее время поиска работы.

Масштабы международной миграции в силу разных причин как в целом по России, так и в регионах Дальнего Востока с начала 2000-х гг. весьма существенно снизились. А с 2010-х гг. произошли также изменения и в списке стран происхождения мигрантов. В относительном выражении, как уже упоминалось выше, выросла доля обмена со странами СНГ, фактически полностью вытеснив иммиграцию из других зарубежных стран (в том числе, из Китая и Вьетнама).

Вьетнамская миграция в Россию еще с советских времен играла важную роль с точки зрения развития культурного, образовательного и экономического сотрудничества между нашими странами.

В настоящее время, на наш взгляд, важность развития отношений с Вьетнамом недооценена российской стороной. Достаточно жесткое в отношении вьетнамских мигрантов, в том числе трудовых, российское законодательство не дает возможности полноценного взаимодействия в различных областях. Так, по-прежнему сохраняется асимметричный миграционный режим между нашими странами: в то время как Вьетнам для граждан России отменил визы для краткосрочных визитов с целью активизации туризма из РФ, в Россию въезд для граждан Вьетнама осуществляется по визам.

Для регионов Дальнего Востока вьетнамская миграция также представляет собой весьма ценный ресурс социально-экономического и демографического развития. Географическая близость Вьетнама к регионам ДФО должна способствовать не только развитию туризма, но и привлечению вьетнамского бизнеса в инвестиционные проекты, связанные с развитием дальневосточных территорий, росту трудовой миграции.

В последние же годы нельзя говорить о явно выраженной позитивной динамике в миграционном обмене России и Вьетнама. Так, согласно данным ГУ ВМ МВД РФ, в 2016 г. на миграционный учет было поставлено 62553 граждан Вьетнама, из них указали целью учебу 6241 человек, работу — 16708 человек, имели вид на жительство в РФ 8978 человек. В 2017 году было поставлено на миграционный учет лишь 26573 граждан Вьетнама, из которых въехали в РФ с целью учебы 2016 человек, работы — 8600 человек, проживали по виду на жительство 9485 человек.

Распределение мигрантов из Вьетнама по регионам России является достаточно неравномерным. Максимальная доля вьетнамских мигрантов проживает в Москве и Московской области, а также Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Приморский и Хабаровский края, имеющие лидирующие позиции в ДФО по уровню социально-экономического развития и являющиеся наиболее миграционно привлекательными, занимают лишь 10 и 15 места соответственно по численности вьетнамских мигрантов.

Некоторые итоги вьетнамской миграции в России представлены в таблице 4.

Из данных, представленных в таблице, видно, что масштабы миграции из Вьетнама невелики, однако сохраняется положительный миграционный прирост. Подавляющая часть мигрантов находится в трудоспособном возрасте.

Вообще надо отметить, что для Вьетнама трудовая эмиграция является одним из важнейших направлений государственной миграционной политики. Экспорт вьетнамской рабочей силы за ру-

Таблица 4.

Некоторые итоги миграции из Вьетнама в РФ в 2013–2017 гг., человек

Годы	Прибыло граждан Вьетнама всего	В том числе в возрасте			Выбыло граждан Вьетнама всего	В том числе в возрасте		
		Младше трудоспособного	В трудоспособном	Старше трудоспособного		Младше трудоспособного	В трудоспособном	Старше трудоспособного
2013	3852	215	3614	23	2355	62	2283	10
2014	3853	276	3551	26	3282	131	3128	23
2015	4012	310	3676	26	3008	97	2890	21
2016	3735	292	3407	36	3341	164	3155	22
2017	3912	368	3494	50	2718	150	2534	34

Источник: Численность и миграция населения Российской Федерации в 2017 году. Статистический бюллетень. Таблица «Распределение мигрантов по основным возрастным группам и зарубежным странам». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_107/lssWWW.exe/Stg/tab2-10-17.xlsx

беж позволяет решить внутренние проблемы вьетнамской экономики, связанные, в первую очередь, с крайне неравномерным региональным развитием (Вьетнам в настоящее время — страна с самой существенной региональной дифференциацией уровня жизни населения), необходимостью снижения уровня бедности населения. В целом более полумиллиона вьетнамцев в настоящее время работает более чем в 40 странах мира. Наиболее существенная часть из них приходится на Малайзию, Китай, Японию, Южную Корею (в общей сложности свыше 235000 человек). Также среди популярных направлений можно выделить Лаос, Кипр, Анголу, Россию (согласно вьетнамским данным около 5000 человек на 2014 г.) и Камбоджу [7]. В России трудовые мигранты из Вьетнама прочно удерживают третье место среди стран дальнего зарубежья после Китая и КНДР. Отметим, что данные вьетнамской и российской статистики относительно численности трудовых мигрантов из Вьетнама весьма сильно разнятся. Так, по данным Росстата, в 2017 г. 12545 граждан Вьетнама имели действующие разрешения на работу в РФ, т. е. более чем в два раза больше, нежели аналогичные значения вьетнамской статистики. Трудовые мигранты из Вьетнама заняты преимущественно в сфере услуг, торговле и строительстве. Стоит также отметить, что трудовые мигранты из Вьетнама достаточно долго прожившие в России хорошо осваивают русский язык и неплохо встраиваются в принимающее общество.

В заключение отметим, что Вьетнам в настоящее время обладает большим миграционным потенциалом, определяемым текущей демографической и социально-экономической ситуацией в стране. Однако Россия, на наш взгляд, несмотря на декларирование «азиатского вектора» развития, до сих пор не имеет четкой долговременной стратегии выстраивания сотрудничества, в том числе и в миграционной сфере, с государствами АСЕАН. Для регионов же российского Дальнего Востока Вьетнам мог бы стать одним из важных источников пополнения трудового потенциала, а также развития взаимных инвестиций.

Библиографический список

1. Демографический ежегодник России. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1137674209312
2. Численность и миграция населения Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906
3. Рязанцев С.В., Храмова М.Н., Безвербный В.А. Международная миграция как фактор восполнения дефицита трудовых ресурсов в приграничных регионах Сибири и Дальнего Востока России // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. — 2017. — №4–5. — С. 13–24. DOI: 10.26653/2076-4650-2017-4-5-02
4. Рязанцев С.В., Лукьянец А.С., Храмова М.Н., Буй Т.К., Ху В.К. Миграция населения как ключевой компонент демографического развития российского Дальнего Востока // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2016. №3. С. 23–32.
5. Denisenko M.B. and Varshavskaya Y.J. Migrants at the Russian Labour Market: Characteristics, Status, Mobility. Search Working Paper WP 3/21. July 2013. 25 p.
6. Труд и занятость в России. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139916801766
7. Labour and Social Trends in Vietnam 2012–2017. ILSSA. ILO. Hanoi, 2018. 63 p.

Юдина Т.Н.,
Бормотова Т.М.

МИГРАЦИЯ И ПРЕСТУПНОСТЬ В МОСКВЕ: РЕАЛЬНОСТЬ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

MIGRATION AND CRIME IN MOSCOW: REALITY AND REPRESENTATION

Юдина Татьяна Николаевна, доктор социологических наук, профессор,
Российский государственный социальный университет (Россия), e-mail:
ioudinatn@mail.ru

Бормотова Татьяна Михайловна, доктор социологических наук, ВНИИ МВД
России (Россия), e-mail: tbormotova.68@mail.ru

Yudina Tatyana Nikolaevna, doctor of sociology, Professor, Russian State Social
University (Russia), E-mail: ioudinatn@mail.ru

Bormotova Tatiana Mikhailovna, doctor of sociology, VNIИ MVD of Russia
(Russia), e-mail: tbormotova.68@mail.ru

Аннотация. Авторами статьи показана тесная взаимосвязь миграции и преступности, обоснована необходимость научных исследований о данной взаимосвязи. Статья написана на противопоставлении данных статистики официальных источников МВД и популистского мнения москвичей об уровне миграционной преступности в московском мегаполисе, о плюсах и минусах миграции для мегаполиса, видах миграционных преступлений, совершаемых мигрантами, а также образе мигранта-преступника.

Abstract. Authors of the article showed the close interrelationship between migration and crime, the necessity of scientific studies about this relationship. The article is written on the juxtaposition of statistics from official sources of the Ministry of internal Affairs and the populist opinion of Muscovites about the level of migration crime in the Moscow metropolis, the pros and cons of migration for the metropolis, the types of migration crimes committed by migrants, as well as the image of a migrant criminal.

Ключевые слова: миграция; миграционная преступность, виды миграционной преступности, образ мигранта как преступника.

Key words: migration; migration crime, types of migration crime, the image of the migrant as a criminal.

Проблема преступности является одной из серьезнейших проблем современного мира в целом и России. Это тесно связано не только с социально-экономическими условиями жизни в конкретных странах и регионах, но во многом определяется ростом миграции, особенно нелегальной и неконтролируемой.

В Россию основными поставщиками мигрантов являются бывшие советские республики Средней Азии и Закавказья. Безусловно,

но, что основная масса мигрантов — законопослушные граждане, однако ряд мигрантов встают на путь криминальной деятельности — как уличной и бытовой преступности, так и создают преступные сообщества, контролирующие целые направления [4]. По данным Генпрокуратуры РФ иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории России в 2017 г. было совершено 41 047 преступлений. При этом 36 233 преступления совершено гражданами государств — участников СНГ, что составило 88,3% всех преступлений, совершенных не гражданами России [16].

«Вклад» мигрантов в преступность разных регионов различен. Он определяется прежде всего масштабами самого потока приезжих, который, как правило, тем выше, чем крупнее населенный пункт. Сверхкрупные города с их широким спектром возможностей всегда были наиболее привлекательны для приезжих.

Наибольшая миграционная нагрузка ложится на г. Москву, являющуюся в силу своей экономической развитости, крупнейшим в России центром притяжения мигрантов. По мнению, статсекретаря-заместителя Министра внутренних дел Российской Федерации И.Н. Зубова «...в Москве влияние мигрантов на криминогенную ситуацию значительно выше, чем по России [6]. Согласно официальной статистики МВД России за 2017 г., в г. Москву приехали 3,5 миллиона человек без учета нелегальных мигрантов [8]. По данным Генеральной прокуратуры г. Москвы, в 2017 г. всего на территории столицы было зарегистрированной более 140 тысяч преступлений [2]. Из них почти четверть (около 20%) совершили граждане других государств или лица без гражданства [13].

Таким образом, возникает противоречивая ситуация, с одной стороны, иммигранты необходимы экономике мегаполиса, так как социально-экономическому развитию Москвы требуются дополнительные трудовые ресурсы; кроме того, есть трудовые ниши, в которых отказываются трудиться москвичи, но это влечет за собой рост миграционной преступности в мегаполисе и негативное отношение москвичей к приезжим как потенциальным правонарушителям и преступникам.

Поэтому нужны научные изыскания о взаимосвязи миграции и преступности, которые отвечали бы практическим потребностям правоохранительных органов с миграционной преступностью. Как справедливо отмечал Григорий Пядухов: «проблема преступности внешних мигрантов относится к числу наименее исследованных и, пожалуй, наиболее мифологизированных» [11]. Вместе с тем наметился определенный прогресс в изучении такого вопро-

са, как восприятие преступности в среде мигрантов общественным мнением и СМИ [3].

В нашей работе применялись статистические методы анализированных федеральных органов статистики (Росстат); статистические данные ГИАЦ МВД России; данные аналитических отчетов по теме: «Исследование общественного мнения о деятельности органов внутренних дел (полиции) в 85 субъектах Российской Федерации» за период 2013–2015 гг. [5], а также социологические количественные и качественные методики исследования. Был проведен онлайн-опрос 300 москвичей (март-май 2018 г). Выборка — квотная. Квотируемыми признаками являлись: факт рождения респондента в г. Москве, возраст и пол респондентов. Количественное исследование дополнено качественной эмпирической информацией, полученной проективной методикой «синквейн». Данная техника позволила выявить отношение москвичей к мигрантам, образ приезжего глазами москвича, а также стереотипы, связанные с поведением мигрантов и их образом жизни. В ходе исследования был также использован экспертный опрос. Экспертами выступили сотрудники МВД, имеющие различный стаж службы в органах МВД, а также занимающих различные должности. Дополнительно были использованы материалы визуального анализа объявлений о розыске преступников. Применение разнообразных методов сбора эмпирической информации позволило по-разному взглянуть на изучаемую нами проблему.

Москвичи о мигрантах и плюсах и минусах миграции для мегаполиса. Исследование показало, что большинство респондентов (83,9%) так или иначе имели контакт с мигрантами. Более половины респондентов (64,4%) представляют мигранта как низкоквалифицированного мусульманина, плохо владеющего русским языком. В характеристиках каждого десятого респондента-москвича присутствуют категорически негативные характеристики мигрантов: грязный, конфликтный, преступник. Только каждый пятый москвич считает мигранта работающим, порядочным семьянином. Еще около двух процентов ассоциируют приезжего с честным, порядочным, квалифицированным работником.

Положительные моменты миграции в мегаполис по мнению опрошенных в первую очередь связаны с экономической сферой. По мнению москвичей, мигранты приносят пользу только как низкоквалифицированные рабочие, которые выполняют роль obsługi (см. табл. 1).

По мнению москвичей, мигранты провоцируют рост преступности и незаконной деятельности в городе (65,4%) и другие противо-

Таблица 1.

**Распределение респондентов по критерию
положительных моментов миграции**

Положительные моменты миграции	Количество респондентов в % от общего числа
Мигранты занимают невостребованные среди москвичей рабочие места	61,7
Мигранты положительно влияют на демографический уровень в столице	3,2
Мигранты снабжают город недорогими и качественными продуктами питания	5,9
Мигранты привносят культурное разнообразие	8
Мигранты развивают экономику города	4,8
Улучшение уровня и качества жизни населения, развитие сферы услуг (ремонт, строительство, торговля и т.д.)	24,5
Улучшение инфраструктуры города, озеленение, уборка	44,7
Положительных моментов, связанных с привлечением мигрантов в город нет	13,3
Затрудняюсь ответить	6,9

правные деяния. Так, каждый второй опрошенный москвич заявил, что мигранты являются источником межэтнических и конфессиональных конфликтов. Необходимо отметить, что в ответах респондентов есть определенное противоречие, которое состоит в том, что при ответе на вопрос о положительных сторонах миграции, респонденты указывали на полезность мигрантов как рабочей силы, но при этом отмечают, что существует высокая конкуренция за рабочие места (34,6%) между местным населением и приезжими (см. табл. 2).

Более половины (56,4%) опрошенных считают, что доля приезжих, совершающих преступления порядка 10%. В целом, представления москвичей о преступной ситуации совпадает с реальностью. По заявлениям представителей МВД России в Москве, около 20% всех преступлений совершают мигранты [7].

Респонденты оценивают миграцию для Москвы как социальную угрозу: 71,2% ответивших считают, что опасность со стороны мигрантов в той или иной степени существует. Однако на вопрос о том, был ли сам респондент или его близкий человек объектом противоправных действий со стороны мигранта, респонденты ответили следующим образом: доля тех, кто не подвергался таковым, составляет 42%, а тех, кто был объектом или затрудняется от-

Таблица 2.

Распределение респондентов по критерию негативных моментов миграции

Негативный момент миграции	Количество респондентов в % от общего числа
Мигранты распространяют болезни (ВИЧ, гепатит, туберкулез и т. д.)	19,1
Мигранты провоцируют рост преступности и незаконной деятельности в городе	65,4
Мигранты увеличивают нагрузку на социальную сферу (медицинское обслуживание, пособия и т. д.)	39,9
Мигранты вывозят денежные средства из Москвы и России в целом	29,3
Мигранты провоцируют конкуренцию на рынке труда, что способствует увеличению уровня безработицы среди коренного населения	34,6
Мигранты отрицательно влияют на общий культурный уровень столицы	38,8
Мигранты являются источником межэтнических и конфессиональных конфликтов	50
Отрицательных моментов, связанных с привлечением мигрантов в городе нет	3,7
Затрудняюсь ответить	3,7

ветить на поставленный вопрос — 35,1% и 22,9% соответственно. Такой большой процент неоднозначных ответов можно объяснить тем, что личность преступника доподлинно неизвестна, но есть некое подозрение на мигранта, но не более.

Число респондентов, считающих, что преступником может быть, как легальный, так и нелегальный мигрант, а также тех, кто полагает, что субъектом преступности чаще выступает нелегал — приблизительно одинаково (48,4% и 47,9% соответственно). Такое распределение ответов отражает предвзятое отношение москвичей к мигрантам: практически половина опрошенных независимо от законности пересечения границы и постановки на учет, ассоциирует их с образом преступника.

Большинство респондентов считают, что миграционная преступность носит организованный характер. Так более половины (60,1%) опрошенных считают, что приезжие, совершившие правонарушения или преступления, относится к соответствующей этнической преступной группировке.

Визуальный анализ розыскных ориентировок МВД, показал, что подавляющее число преступлений совершают приезжие

из стран СНГ. Это подтверждается и статданными МВД г. Москвы. По данным управления по вопросам миграции ГУ МВД России по г. Москве более 80% приезжих на территории столицы — выходцы из бывших республик Советского союза [8]. Среди них преобладают граждане Узбекистана (более 20%), Таджикистана (около 17%), Киргизии (около 15%), Украины (около 14%) и Белоруссии (11%). Экспертный опрос подтвердил мнение опрошенных москвичей и визуальный анализ розыскных ориентировок, что выходцы из Средней Азии и Северного Кавказа становятся правонарушителями чаще других иностранцев. Один из экспертов отметил, что именно эти категории мигрантов вызывают наибольшее опасение относительно террористической и экстремистской деятельности на территории РФ, в том числе и Москвы. Таким образом, результаты нашего исследования и данные официальной статистики подтверждают выводы исследователей из европейских стран, что миграционная преступность напрямую коррелирует со страной выходы мигрантов и численностью миграционного потока из нее.

При изучении половозрастной структуры миграционной преступности, было выявлено, что приблизительно 80% преступлений совершено мужчинами, и 20% женщинами. Средний возраст мигранта преступника составляет 36 лет. Данные результаты также подтверждают, что преступниками в первую очередь становятся молодые мужчины.

Контент-анализа синквейнов показал, что отношение респондентов к мигрантам носит смешанный характер (нейтральный и негативный). Ни один из написанных синквейнов не отражает строго позитивного мнения относительно мигранта и миграционной ситуации в целом. Москвичи ассоциируют мигранта с бедными, грязными рабочими, которые преступают российские законы и отрицательно влияют на социальную комфортность местного населения. В контексте негативного восприятия респондентом объекта исследования, отмечены такие дескрипты как «животное», экзотоним, «преступник», «нелегал», «обманщик». Следует отметить, что ни один респондент не охарактеризовал внешность мигранта в позитивном ключе. Наиболее часто встречающееся определение подкатегории — «грязный». Неоднократно подчеркивается пренебрежительное отношение приезжих к российскому закону: «употребляет наркотики», «убивают», «воруют», «торгуют наркотиками», «насилуют», «пристают к девушкам». На бытовом уровне москвичи отмечают, что мигранты шумят, мусорят, ругаются, обманывают, наглеют и ничего не понимают по-русски.

Виды миграционных преступлений в г. Москве. Феномен миграционной преступности, о котором ведутся многочисленные споры, наиболее активно проявляет себя в крупных городах. Само социальное пространство современного крупного города становится благоприятной средой для проявления всевозможных форм преступного поведения. Среди проявлений этой благоприятной среды в крупных городах — появление «анклавов», заселяемых мигрантами и социальными низами. В этих «анклавах» формируется молодежная преступность, создаются уличные банды, которые впоследствии могут трансформироваться в различные проявления организованной преступности [9]. Многие проблемы европейских городов, в том числе тех же Парижа или Марселя, связаны с тем, что на их территории появились настоящие «гетто», заселенные выходцами из азиатских или африканских государств. Так, в Париже, район Гут д Ор прозвали в народе «маленькой Африкой» — здесь основное население составляют сенегальцы, конголезцы и другие выходцы с Африканского континента. В Марселе около 50% населения составляют мигранты из стран Северной Африки, занимающие целые районы города, куда полиция не рискует входить иначе как крупными и хорошо вооруженными отрядами. Наиболее ключевым моментом для миграционной политики России является пресечение самой возможности появления этнических анклавов в крупных российских городах [15]. Кроме того, российские власти взяли курс на перераспределение мигрантов в удаленные от крупных центров местности [12].

Экспертами в ходе нашего исследования, в первую очередь, названы такие преступления, совершаемые мигрантами как кражи, грабежи и покушения на личную неприкосновенность, т. е. изнасилования. Одним из экспертов было отмечено, что в целом мигранты совершают такие же преступления, как и граждане РФ, только делают это менее обдуманно, грубо: «Русские тщательнее продумывают план действий, в то время как мигрант может схватить первое, что попало под руку, и убежать куда глаза глядят». Факт распространения наркотиков назвал лишь один из опрошенных экспертов, хотя по статистике данное правонарушение совершают около 12% мигрантов [12]. Москвичи же считают, что преступления, совершаемые мигрантами, имеют более серьезный характер (см. табл. 3).

Если эти сравнить представления опрошенных москвичей с официальной статистикой ГИАЦ МВД России, то прибывшие в Москву мигранты чаще всего совершают в своем большинстве менее тяжкие преступления, такие как подделка документов (25%)

Таблица 3.

Распределение респондентов по критерию «Какие, по Вашему мнению, преступления в основном совершают мигранты?»

Вид преступления	Количество респондентов в % от общего числа
Экономические преступления	10,6
Воровство, грабеж	76,1
Хранение и сбыт наркотиков	64,4
Экстремистская деятельность	30,9
Преступления против личности (убийства, изнасилования и т.д.)	65,4
Не совершают преступлений	5,3

и кражи (24%). Кроме того, как мы отмечали выше, мигранты в Москве нередко участвуют в незаконной торговле наркотиками (12%). В отличие от мнения москвичей, грабежи совершают не 76% мигрантов, а 7%. [1].

Эта переоценка характерна не только для московского сообщества. Так специалист по криминологии из Мюнстера Кристиан Вальбург изложил это в своем экспертном заключении «Миграция и преступность среди несовершеннолетних», где резюмировал: многие люди сильно переоценивают частоту совершения подобных преступлений и степень вероятности такой опасности [14]. Примерно половина всех преступлений, совершенных мигрантами или беженцами, — это «фальсификации» (к ним, например, относится подделка документов, банковских карт и т.д.), а также кражи (30 и 27 процентов от общего числа преступлений, соответственно). К этой категории преступлений относится в том числе и безбилетный проезд в общественном транспорте (примерно две трети от общего числа правонарушений такого рода). Кражи в большинстве своем совершаются в магазинах. Авторы исследования отметили также, что одна из причин высоких показателей преступности среди мигрантов заключается в том, что совершенные ими преступления регистрируются в полиции примерно в два раза чаще, чем такие же нарушения закона, допущенные немецкими гражданами [10].

Миграционная преступность не остается незамеченной москвичами и очень волнует жителей мегаполиса. Половина опрошенных утверждает, что плохо чувствует себя в родном городе из-за присутствия мигрантов (см. табл. 4). Если оценивать отношение к мигрантам со стороны москвичей по десятибалльной шкале, то сред-

Таблица 4.

Распределение респондентов по критерию «Как в целом миграционная ситуация в г. Москве влияет на Ваше социальное самочувствие?»

Оценка социального самочувствия	Количество респондентов в % от общего числа
Мне комфортно жить на одной территории с мигрантами, они положительно влияют на мою социальную комфортность	1,1
Мне комфортно жить на одной территории с мигрантами, влияния на мою социальную комфортность они не оказывают	19,7
Мне не комфортно находиться в городе, мигранты отрицательно влияют на мою социальную комфортность	50
Мое социальное здоровье не зависит от миграционной ситуации в Москве	29,3

няя оценка равна 4 баллам. То есть отношение к мигрантам со стороны москвичей можно охарактеризовать ближе к негативному.

Таким образом, анализ результатов проведенного исследования позволяет сделать следующие выводы. В целом, москвичи противоречивы в своих ответах на вопросы, касающиеся отношения к мигрантам. Основным негативным проявлением миграции, по мнению москвичей, является рост преступности и незаконной деятельности в столице, а также конфликты на этнической и конфессиональной почве. Факт того, что сам по себе процесс миграции не ассоциируется у жителей столицы с позитивным явлением, свидетельствует еще и о том, что среди опрошенных распространено стигматизированное представление о мигранте. Практически половина опрошенных независимо от законности пересечения границы и постановки на учет, ассоциирует их с образом преступника. Мигрант рассматривается как источник опасности.

Результаты опроса показали, москвичи испытывают дискомфорт, находясь на одной территории с большим количеством мигрантов. На основе этого факта можно сделать вывод, о том, что проблему миграции и, как следствие, миграционной преступности, жители столицы рассматривают как одну из наиболее значимых и требующих безотлагательного решения.

Большинство жителей столицы уверены, что присутствие приезжих в городе чрезмерно, и отрицательно сказывается на социальной комфортности москвичей. Такой вывод подтвержден и результатом анализа синквейнов. Москвичи ассоциируют мигранта с бедными, грязными рабочими, которые пренебрегают российскими законами и отрицательно влияют на общий культурный уровень столицы.

Вышеперечисленные факторы свидетельствуют о непринятии приезжих коренным населением, но, тем не менее, жители столицы осознают необходимость привлечения мигрантов в мегаполис. Большинство респондентов отметили, что мигранты занимают невостребованные среди москвичей рабочие места, тем самым улучшая инфраструктуру города, занимаясь строительством, озеленением, уборкой.

Анализ экспертных интервью показал, что отмечается положительная динамика работе с мигрантами после передачи части полномочий ФМС в ведомство МВД РФ.

Визуальный анализ ориентировок МВД и анализ экспертных интервью позволил сделать следующие выводы: в целом объявления о розыске транслируют негативный образ мигранта. Тот факт, что среднестатистический москвич слабо различает мигрантов внешне, а также не может с уверенностью назвать национальность приезжего, демонстрирует стигматизированное представление о мигрантах. Видя подобные объявления о розыске, житель столицы ассоциирует мигранта с преступником.

Библиографический список

1. Власти Москвы назвали чаще всего совершаемые мигрантами преступления // РБК URL: <https://www.rbc.ru/society/11/12/2017/5a2e4ab69a794783ec42ec7d> (Дата обращения: 10.03.2018).
2. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total (Дата обращения: 16.01.2018).
3. Голунов С. Этническая миграция и преступность/ <http://carnegie.ru/proetcontra/55684> (Дата обращения: 02.11.2018)
4. Епхийев О.М., Моисеев А.В. Этническая преступность — угроза национальной безопасности России и других стран / Отрасли права. Аналитический портал, 27.11.2017/ <https://topwar.ru/66113-etnicheskaya-prestupnost-ugroza-nacionalnoy-bezopasnosti-rossii-i-drugih-stran.html> (Дата обращения: 23.09.2018)
5. Малолетко А.Н., Юдина Т.Н., Долгорукова И.В. и др. Исследование общественного мнения о деятельности органов внутренних дел (полиции) в 85 субъектах российской федерации. Отчет о НИР №83-2014/НПО от 30.09.2014 (Ф-КУ НПО «Специальная техника и связь» МВД России)
6. МВД: в Москве влияние мигрантов на криминогенную ситуацию выше, чем по стране // Информационное агентство России: ТАСС, 26.10.2017/ URL: <http://tass.ru/moskva/4680757> (Дата обращения: 18.07.2018).
7. Около 20% всех преступлений в Москве совершают нелегальные мигранты // РИА Новости? 12/05/2016/ URL: <https://ria.ru/society/20160512/1431787230.html> (дата обращения: 30.08.2018).

8. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь-декабрь 2017 года с распределением по странам и регионам // Министерство внутренних дел Российской Федерации URL: <https://мвд.рф/Deljelatnost/statistics/migracionnaya/item/12162171> (Дата обращения: 16.09.2018).
9. Полонский И. Этническая преступность — угроза национальной безопасности России и других стран/ Военное обозрение, 06.01.2015 / <https://topwar.ru/66113-etnicheskaya-prestupnost-ugroza-nacionalnoy-bezopasnosti-rossii-i-drugih-stran.html> (Дата обращения: 27.07.2018)
10. Почему наплыв мигрантов привел к росту преступности в Германии. BBC News, Русская служба, 803.01.2018 / <https://www.bbc.com/russian/features-42556208> (Дата обращения: 27.08.2018)
11. Пядухов Г.А. Преступность среди этнических групп внешних мигрантов// Демоскоп Weekly. 2012. №533–534 (<http://demoscope.ru/weekly/2003/0111/analit03.php>).
12. СМИ: даже среди легальных мигрантов отмечается рост преступлений // Правда. ru URL: <https://www.pravda.ru/news/society/12-12-2017/1360369-russia-0/> (дата обращения: 18.08.2018).
13. Социальный портрет преступности // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики, 2018 / URL: http://crimestat.ru/social_portrait (Дата обращения: 16.01.2018).
14. Статистика против популистов: мигрант не значит преступник. Made for minds, 08.07.2016 / <https://www.dw.com/ru> (Дата обращения: 26.09.2018)
15. Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы»/ <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (Дата обращения: 02.11.2018)
16. Экспресс-информация по России «О состоянии преступности и результатах расследования преступлений за январь-декабрь 2017 г.». Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. / <http://crimestat.ru/analytics> (Дата обращения: 26.10.2018)
17. Юдина Т.Н., Фролова Е.В., Медведева Н.В., Родимушкина О.В., Сеничева Л.В. Защищенность россиян от противоправных действий: региональный аспект / Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. №3 (47). С. 51–58.

References

1. Vlasti Moskvy nazvali chashche vsego sovershaemye migrantami prestupleniya // RBK URL: <https://www.rbc.ru/society/11/12/2017/5a2e4ab69a794783ec42ec7d> (Data obrashcheniya: 10.03.2018).
2. General'naya prokuratura Rossijskoj Federacii. Portal pravovoj statistiki URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total (Data obrashcheniya: 16.01.2018).
3. Golunov S. EHtnicheskaya migraciya i prestupnost' / <http://carnegie.ru/proetcontra/55684> (Data obrashcheniya: 02.11.2018)
4. Ephiev O.M., Moiseev A.V. EHtnicheskaya prestupnost' — угроза nacional'noj bezopasnosti Rossii i drugih stran / Otrاسli prava. Analiticheskij portal, 27.11.2017 / <https://topwar.ru/66113-etnicheskaya-prestupnost-ugroza-nacionalnoy-bezopasnosti-rossii-i-drugih-stran.html> (Data obrashcheniya: 23.09.2018)

5. Maloletko A. N., YUdina T. N., Dolgorukova I. V. i dr. Issledovanie obshchestvennogo mneniya o deyatelnosti organov vnutrennih del (policii) v 85 sub"ektakh rossijskoj federacii. Otchet o NIR № 83-2014/NPO ot 30.09.2014 (F-KU NPO «Special'naya tekhnika i svyaz'» MVD Rossii)
6. MVD: v Moskve vliyanie migrantov na kriminogennuyu situaciyu vyshe, chem po strane // Informacionnoe agentstvo Rossii: TASS, 26.10.2017 / URL: <http://tass.ru/moskva/4680757> (Data obrashcheniya: 18.07.2018).
7. Okolo 20% vseh prestuplenij v Moskve sovershayut nelegal'nye migranty // RIA Novosti? 12/05/2016/ URL: <https://ria.ru/society/20160512/1431787230.html> (data obrashcheniya: 30.08.2018).
8. Otdel'nye pokazateli migracionnoj situacii v Rossijskoj Federacii za yanvar'-dekabr' 2017 goda s raspredeleniem po stranam i regionam // Ministerstvo vnutrennih del Rossijskoj Federacii URL: <https://mvd.rf/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/12162171> (Data obrashcheniya: 16.09.2018).
9. Polonskij I. EHtnicheskaya prestupnost' — ugroza nacional'noj bezopasnosti Rossii i drugih stran / Voennoe obozrenie, 06.01.2015 / <https://topwar.ru/66113-etnicheskaya-prestupnost-ugroza-nacionalnoy-bezopasnosti-rossii-i-drugih-stran.html> (Data obrashcheniya: 27.07.2018)
10. Pochemu naplyv migrantov privel k rostu prestupnosti v Germanii. BBC News, Russkaya sluzhba, 803.01.2018 / <https://www.bbc.com/russian/features-42556208> (Data obrashcheniya: 27.08.2018)
11. Pyaduhov G.A. Prestupnost' sredi ehntnicheskikh grupp vneshnih migrantov // Demoskop Weekly. 2012. № 533–534 (<http://demoscope.ru/weekly/2003/0111/analit03.php>).
12. SMI: dazhe sredi legal'nyh migrantov otmechaetsya rost prestuplenij // Pravda.ru URL: <https://www.pravda.ru/news/society/12-12-2017/1360369-russia-0/> (data obrashcheniya: 18.08.2018).
13. Social'nyj portret prestupnosti // General'naya prokuratura Rossijskoj Federacii. Portal pravovoj statistiki, 2018/ URL: http://crimestat.ru/social_portrait (Data obrashcheniya: 16.01.2018).
14. Statistika protiv populistov: migrant ne znachit prestupnik. Made for minds, 08.07.2016 / <https://www.dw.com/ru> (Data obrashcheniya: 26.09.2018)
15. Ukaz «O Konceptcii gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na 2019–2025 gody»/ <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (Data obrashcheniya: 02.11.2018)
16. EHkspress-informaciya po Rossii «O sostoyanii prestupnosti i rezul'tatah rassledovaniya prestuplenij za yanvar'-dekabr' 2017 g.». General'naya prokuratura Rossijskoj federacii. Portal pravovoj statistiki. / <http://crimestat.ru/analytics> (Data obrashcheniya: 26.10.2018)
17. YUdina T. N., Frolova E. V., Medvedeva N. V., Rodimushkina O. V., Senicheva L. V. Zashchishchennost' rossijan ot protivopravnyh dejstvij: regional'nyj aspekt / Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki. 2017. № 3 (47). S. 51–58.

Топилин А.В.

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ ДИНАМИКУ И РОЖДАЕМОСТЬ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

THE IMPACT OF MIGRATION ON DEMOGRAPHIC GROWTH AND THE BIRTH
RATE IN THE RUSSIAN REGIONS

Топилин Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, профессор, ИМЭИ Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития РФ, Заведующий лабораторией демографии, миграционной политики и регулирования рынка труда, e-mail: topilinav@mail.ru

Anatoly V. Topilin, doctor of Economics, Professor, MPEI of the Russian Academy of foreign trade of the Ministry of economic development, head of the laboratory of demography, migration policy and labor market regulation, e-mail: topilinav@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются региональные особенности влияния миграционных процессов на демографическую динамику и рождаемость в Российской Федерации. Выявлены четыре группы регионов по динамике изменения суммарного коэффициента рождаемости в зависимости от объемов и интенсивности миграции. Предлагается дополнить прогнозы населения, проводимые Росстатом, расчетами числа прибывших и выбывших мигрантов, необходимых для более точного учета влияния миграции на демографические процессы.

Abstract. The regional features of the impact of migration processes on demographic dynamics and fertility in the Russian Federation are considered in the article. There were identified four groups of regions on dynamics of total fertility rate change depending on volume and intensity of migration. It is proposed to add the population forecasts carried out by Rosstat with calculations of the number of arrivals and departures of migrants necessary for a more accurate account of the impact of migration on demographic processes.

Ключевые слова: население, миграция, демографическая ситуация, рождаемость, суммарный коэффициент рождаемости, регион.
Key words: population, migration, demographic situation, birth rate, total fertility rate, region.

Влияние миграции на демографическую структуру и рождаемость проявляется как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. В первом случае изменяется половозрастная структура постоянного населения, что положительно сказывается на демографических показателях, во втором — население растет за счет рождения в семьях мигрантов детей после переезда на новое место жительства. Преобладание мужчин среди мигрантов особенно заметно в молодых и наиболее трудоспособных возрастах 20–29 лет и 30–39 лет (соответственно –61% и 59%). Тем самым, внешняя миграция, сглаживая диспропорции между мужчинами и женщинами в постоянном населении, способствует улучшению демографической ситуации.

За 2011–2016 гг. возрастная структура мигрантов претерпела изменения. Значительно сократилась доля мигрантов в трудоспособном возрасте на 11,6 процентных пункта (с 84,1% до 72,5%), и, соответственно, возросла доля лиц моложе трудоспособного возраста (с 7,4% до 15,6%) и лиц старших возрастов (с 8,5% до 11,9%). Такие подвижки обусловлены, прежде всего, спадом экономики и сокращением спроса на рабочую силу в период кризиса. Одновременный рост среди мигрантов численности и доли лиц моложе 16 лет создает предпосылки для увеличения числа рождений через несколько лет, когда подрастающее поколение мигрантов вступит в детородный возраст. При сокращении общего миграционного прироста на 57,8 тыс. чел., или на 10,1%, контингент лиц моложе трудоспособного возраста увеличился за счет миграции с 23,5 тыс. до 40,9 тыс. человек, или на 73,6% (см. табл. 1).

Увеличение миграционного сальдо детей и молодежи в возрасте до 16 лет отмечается в обмене с Белоруссией, Казахстаном, Молдовой, Таджикистаном. Однако, основной вклад в прирост контингента лиц моложе 16 лет внесла Украина: число детей в миграционном сальдо возросло за 2011–2016 гг. с 2054 до 19172 чел. (более чем в 9 раз). В то же время Азербайджан, Армения, Киргизия, Узбекистан и Туркмения в этот период снизили свой вклад в демографический потенциал России.

В целом, динамику возрастной структуры мигрантов с точки зрения увеличения потенциала детородных контингентов можно оценить как положительную. Однако, итоги 2017 г. говорят о неустойчивости миграционных процессов. При снижении общего миграционного прироста в 2017 г. по сравнению с 2016 г. на 19,0%, сальдо миграции в обмене с Украиной уменьшилось в 2,5 раза. В результате, несмотря на некоторый рост положительного сальдо миграции в связях с Киргизией, Таджикистаном, Узбекистаном,

Таблица 1.

Общий миграционный прирост, в том числе лиц моложе трудоспособного возраста за 2011–2017 гг. (чел.)

	Всего				в том числе в возрасте моложе трудоспособного			
	2011	2016	2017	2017 г. в % к 2011 г.	2011	2016	изменения	
							абс.	%
Российская Федерация	319761	261948	211880	81,9	23523	40884	17361	173,6
Страны СНГ	287981	255293	203435	88,6	22172	39550	17378	178,4
Азербайджан	21061	10439	8599	49,6	1565	1052	-513	67,2
Армения	31747	11993	13999	37,8	2404	2078	-326	86,4
Белоруссия	7560	2127	11770	28,1	280	504	224	180,0
Казахстан	30298	37130	32738	122,5	3776	6166	2390	163,3
Киргизия	40586	11043	19355	27,2	4556	1744	-2812	38,3
Молдавия	18807	14364	9605	76,4	1548	2025	477	130,8
Таджикистан	34017	27288	34639	81,7	2329	3858	1529	165,7
Туркмения	4333	2418	2873	55,8	323	202	-121	62,5
Узбекистан	62286	19672	22166	31,6	3337	2749	-588	82,4
Украина	37286	118819	47691	318,7	2054	19172	17118	933,4
Другие зарубежные страны	31780	6655	8445	20,9	1351	1334	-17	98,7

а также с Арменией и Белоруссией, общий вклад стран СНГ в демографический потенциал России в 2017 г. снизился по сравнению с 2016 г.

Для определения влияния миграции на рождаемость в России сопоставим размеры миграционного прироста населения России в обмене с зарубежными странами, имеющими различные уровни рождаемости по показателю СКР (см. табл. 2).

В 2017 г. более половины (54,4%) миграционного прироста населения России приходилось на страны с высокой рождаемостью (Таджикистан, Киргизия, Казахстан, Узбекистан, Туркмения). Страны с низким уровнем рождаемости (Украина, Армения, Молдавия) обеспечивают только треть (33,3%) миграционного прироста. На Азербайджан и Белоруссию со средними значениями рождаемости приходится 9,6% всего миграционного прироста.

В течение 2011–2017 гг. прослеживается четкая тенденция на снижение миграционного прироста из стран Центральноазиатского региона с традиционно высокими показателями рождаемости. Более всего сальдо миграции сократилось из Узбекистана — на 64,4%, Киргизии — на 52,3%. И хотя миграционный прирост из Казахстана и Таджикистана в эти годы несколько увеличился, однако, в целом вклад миграции в население России из Центральноазиатского макрорегиона сократился на 34,8%.

Таблица 2.

Миграционный прирост населения России за счет обмена с зарубежными странами, имеющими различные уровни рождаемости

	СКР, год	Миграционный прирост (человек)		2017 в % к 2011	в % к итогу	
		2011	2017		2011	2017
Миграционный прирост – всего		319761	211880	66,3	100,0	100,0
В том числе с зарубежными странами:						
– с высокой рождаемостью	СКР от 2,1 и более	184465	115181	62,4	57,7	54,4
из них:						
со странами СНГ		171520	111771	65,2	53,6	52,8
Казахстан	2,8 (2016)	30298	32738	108,1	9,5	15,5
Киргизия	3,1 (2016)	40586	19355	47,7	12,7	9,1
Таджикистан	3,4 (2016)	34017	34639	101,8	1,6	16,3
Туркмения	2,1 (2016)	4333	2873	66,3	1,3	1,4
Узбекистан	2,5 (2016)	62286	22166	35,6	19,5	10,5
с другими:		12945	3410	26,3	4,1	1,6
Вьетнам	2,1(2015)	3199	1194	37,3	1,0	0,6
Израиль	3,1 (2014)	263	-239		0,1	
Индия	2,3 (2015)	1347	1437	106,7	0,4	0,7
Китай	2,3 (2013)	6556	637	9,7	2,1	0,3
Турция	2,1 (2015)	1580	381	24,1	0,5	0,2
– со средней рождаемостью	СКР от 1,7 до 2,0	29636	20288	68,5	9,3	9,6
из них						
со странами СНГ:						
Азербайджан	2,0 (2016)	21061	8599	40,8	6,6	4,0
Белоруссия	1,7 (2016)	7560	11770	155,7	2,4	5,6
с другими:		1015	-81		0,3	
Великобритания	1,8 (2015)	-132	-183 ²⁾			
Латвия	1,7 (2015)	1169	433	37,0	0,4	0,2
Литва	1,7 (2015)	617	165	26,7	0,2	0,1
США	1,8 (2015)	-475	-212			
Финляндия	1,7 (2015)	-214	-248			
Франция	2,0 (2015)	50	-36 ²⁾			
– с низкой рождаемостью		90154	70541	78,2	28,2	33,3
из них						
со странами СНГ:		87840	71295	81,2	27,5	33,6
Армения	1,6 (2016)	31747	13999	44,1	9,9	6,6
Молдавия	1,3 (2016)	18807	9605	51,1	5,9	4,5
Украина	1,5 (2016)	37286	47691	127,9	11,7	22,5
с другими:		2314	-754		0,7	
Болгария	1,5 (2015)	177	1 ²⁾	0,6	0,1	
Германия	1,5 (2015)	705	-668		0,2	
Греция	1,3 (2015)	509	62	12,2	0,2	
Италия	1,4 (2015)	-120	-16 ²⁾			
Канада	1,6 (2015)	-279	-152			
Эстония	1,6 (2012)	1322	19	1,4	0,4	
Прочие		15506	5870	37,9	4,8	2,7

Источник: составлено по данным стат. бюллетеней «Численность и миграция населения Российской Федерации 2012–2017гг.»

В группе стран СНГ с низким уровнем рождаемости за 7 лет увеличился миграционный прирост только из Украины (на 27,9%), что обусловлено затяжным кризисом на юго-востоке страны. Однако из Армении и Молдавии с низким СКР миграционный прирост сократился в два раза, что уменьшило контингент мигрантов с высокими репродуктивными установками.

Вклад мигрантов из других зарубежных стран в демографическую динамику России незначительный и имеет тенденцию к уменьшению.

В перспективе положительный вклад миграции в рождаемость будет зависеть от соотношения миграционных потоков в Россию из стран с высокой и стран с низкой рождаемостью. При увеличении миграции из стран Средней Азии и Казахстана следует ожидать роста числа рождений в России за счет двух составляющих: рождений в семьях мигрантов и создания смешанных семей мигрантов с коренным населением. Также, при определенных условиях, можно ожидать прироста численности населения России за счет увеличения миграции из стран дальнего зарубежья с более высокой, чем в России, рождаемостью: Китая, Вьетнама, Индии, Турции и других азиатских государств.

Для выявления региональных особенностей влияния миграции на демографическую ситуацию и рождаемость, осуществлена группировка субъектов Российской Федерации по двум показателям:

- коэффициент миграционного прироста на 10 000 человек населения за семь лет 2010–2016 гг.;
- изменение СКР за 2010–2016 гг.

Общая картина распределения регионов России по соотношению показателей миграции и рождаемости представлена в таблице 3.

Ситуация в 4-х группах регионов складывается по-разному. В 1-ой группе субъектов РФ с максимальным положительным миграционным приростом возникает дополнительный эффект роста числа рождений за счет мигрантов (это могут быть как дети, родившиеся в семьях мигрантов, так и дети от связей мигрантов с гражданами России). В результате высокой миграции СКР увеличился в 7 субъектах федерации из 10 более значительно, чем в среднем по РФ.

Во 2-ой группе регионов (11 субъектов РФ) положительный миграционный прирост хотя и не ускоряет рост СКР, как в 1-ой группе, следует расценивать также позитивно.

В 3-ей группе субъектов Федерации, включающей 23 региона, половину которых составляют территории Северо-Запада, Сиби-

ри и Дальнего Востока, миграционная убыль населения не отразилась негативно на динамике СКР; более того, средние значения темпов роста СКР оказались выше, чем по России в целом. В определенной мере сказывается влияние более молодой структуры населения восточных регионов. Однако сохранение сложившейся интенсивности миграционной убыли из Сибири и Дальнего Востока приведет к снижению роста СКР в регионах этой группы.

Наиболее кризисная ситуация сложилась в самой многочисленной 4-ой группе регионов (29 субъектов РФ), из которых половина — территории Сибири, Дальнего Востока и Северо-Запада, еще 8 — национальные республики. На этих территориях отрицательное сальдо миграции усиливает снижение СКР, вымывая наиболее трудоспособное и репродуктивное население. Именно восточные регионы испытывают острые демографические проблемы.

Таким образом, можно говорить о различной степени влияния миграции на демографическую ситуацию и рождаемость в 4-х группах регионов. В 1-ой группе отмечается самое благоприятное воздействие миграции на показатели воспроизводства; максимальный миграционный прирост смягчает негативные демографические тенденции. В других группах регионов амортизирующее воздействие миграции на демографическую динамику снижается. В 3-ей и 4-ой группах отрицательная миграция усиливает негативное воздействие на демографическую ситуацию, сужает воспроизводственную базу населения, углубляет демографический кризис.

Выявленные тенденции свидетельствуют о наступлении второго этапа депопуляции, отмечаемого в работах российских демографов [1]. Для стабилизации и закрепления населения на постоянное место жительства в восточных регионах, согласно Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г. [2], будут реализовываться меры государственной поддержки семей, имеющих детей, по развитию региональных систем предоставления пособий в связи с рождением и воспитанием детей и другие меры. Должны совершенствоваться и механизмы регулирования миграционных потоков, создаваться условия для интеграции иммигрантов. Эксперты высказывают предложения, в частности относительно того, чтобы средства, которые регионы получают от налогов и продажи патентов и разрешений на работу иностранным гражданам, через бюджетный механизм инвестировать в экономику регионов, прежде всего Сибири и Дальнего Востока, теряющих население и имеющих важное экономическое и геополитическое значение [3].

Таблица 3.

Группировка регионов по интенсивности миграционного прироста/убыли и динамике СКР за 2010–2016 гг. (по РФ СКР=112,4%)

	I группа. Регионы с положительной миграцией и ростом СКР выше, чем в среднем по России				II группа. Регионы с положительной миграцией и снижением СКР или его ростом ниже, чем в среднем по России			
	Кол-во регионов	Миграционный прирост на 10 000 человек	Регионы	СКР в % к среднероссийскому показателю	Кол-во регионов	Миграционный прирост на 10 000 человек	Регионы	СКР в % к среднероссийскому показателю
Регионы с миграционным приростом	7	1028–410	Московская обл., г. Санкт-Петербург, Краснодарский край, г. Москва, Ленинградская, Новосибирская области	113,0–126,3	3	710–357	Республика Адыгея, Воронежская, Тюменская области	98,7–110,1
	6	259–114	Калужская, Рязанская, Тульская области, Республика Татарстан, Ярославская, Липецкая области	114,5–120,9	4	325–272	Республика Ингушетия, Калужская, Курская, Белгородская области	58,6–110,9
	7	72–61	Самарская обл., Ставропольский край, Нижегородская, Ростовская, Новгородская, Свердловская области, Красноярский край	112,5–118,7	4	65–29	Смоленская, Челябинская, Саратовская области, Ханты-Мансийский авт. округ — Югра	109,5–111,4
Регионы с миграционной убылью	III группа. Регионы с отрицательной миграцией и ростом СКР выше, чем в среднем по России				IV группа. Регионы с отрицательной миграцией, снижением СКР или его ростом ниже, чем в среднем по России			
	Кол-во регионов	Миграционный прирост на 10 000 человек	Регионы	СКР в % к среднероссийскому показателю	Кол-во регионов	Миграционный прирост на 10 000 человек	Регионы	СКР в % к среднероссийскому показателю
	4	-783--540	Республика Коми, Еврейская авт. обл., Ямало-Ненецкий АО, Курганская область	113,6–121,4	6	-708--533	Республика Калмыкия, Республика Саха (Якутия), Республика Тыва, Магаданская, Мурманская, Астраханская области	90,8–111,2
	2	-340--249	Камчатский край, Кировская область	122,0--125,0	8	-465--370	Карачаево-Черкесская республика, Республика Алания (Северная Осетия), Республика Дагестан, Забайкальский край, Чукотский АО, Амурская, Оренбургская области	100,4--108,4
	6	-238--147	Сахалинская область, Республика Марий-Эл, Ульяновская, Брянская области, Чувашская Республика, Республика Бурятия	112,4--138,1	4	-185--157	Чеченская Республика, Иркутская область, Алтайский край, Удмуртская Республика	75,9--110,0
	4	-123--113	Приморский край, Костромская область, Хабаровский край, Омская область	112,9--116,4	6	-99--83	Кемеровская область, Республика Алтай, Орловская, Волгоградская области, Республика Карелия, Тамбовская область	105,9--111,8
7	-58--17	Ненецкий АО, Псковская, Вологодская, Владимирская, Ивановская области, Республика Мордовия, Тверская область	112,4--131,4	5	-80--73	Республика Башкортостан, Республика Хакасия, Пензенская, Астраханская области, Пермский край	105,0--111,9	

Требуют совершенствования методы прогнозирования миграции. В настоящее время Росстат осуществляет прогнозы численности населения, оперируя только двумя компонентами: естественным и миграционным приростами. Однако для выявления степени влияния миграции на демографические показатели этого недостаточно. Не менее важен прогноз объемов миграции, соотношений числа прибывающих и выбывающих потоков мигрантов. Противоположные миграционные потоки различаются по половозрастному составу мигрантов, национальностям, уровню образования, профессиям, уровню квалификации, вероисповеданию, традициям и обычаям. Все эти особенности чрезвычайно важны для оценки изменений репродуктивного поведения как самих мигрантов, так и принимающего населения.

Библиографический список

1. Демографическое развитие России в XXI в.: достигнутые результаты и предстоящие трудности. Научный доклад / Под ред. В.В. Локосова и Л.Л. Рыбаковского. — М.: Издательство «ЭКОН-Информ», 2017. — 76 с.
2. Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года. Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 июня 2017 г. № 1298-р.
3. Рязанцев С.В. Миграционная компонента в демографической динамике России и ее роль в ближайшей перспективе // Демографическое развитие России в XXI веке: достигнутые результаты и предстоящие трудности. Научный доклад / Под ред. В.В. Локосова и Л.Л. Рыбаковского. — М.: Издательство «ЭКОН-Информ», 2017. — 76 с.

References

1. Demographic development of Russia in XXI century: achievements and challenges for the future. Scientific report / edited by V.V. Lokosov and L.L. Rybakovsky. — M.: Publishing house «ECO-inform», 2017. — 76 s.
2. Concepts of demographic policy of the Far East for the period up to 2025. Approved by the Order of the Government of the Russian Federation of June 20, 2017. No. 1298-p.
3. Ryazantsev S.V. Migration component in the demographic dynamics of Russia and its role in the near future // Demographic development of Russia in the XXI century: achievements and challenges for the future. Scientific report / edited by V.V. Lokosov and L.L. Rybakovsky. — M.: Publishinghouse «ECO-inform», 2017. — 76 s.

Мотрич Е.Л.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

PROBLEMS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT
OF DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE FAR EAST OF RUSSIA

Мотрич Екатерина Леонидовна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия, e-mail: motrich@ecrin.ru

Ekaterina L. Motrich, DOCTOR of economic sciences, chief researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, e-mail: motrich@ecrin.ru

Аннотация. В статье рассматривается динамика демографических процессов на Дальнем Востоке России, сложившаяся в постсоветский период. Внимание уделено миграционным процессам, оказывающим наиболее значительное влияние на сокращение численности населения в регионе. Особый акцент сделан на потерю Дальним Востоком привлекательности для мигрантов; отмечены территории Российской Федерации, являющиеся наиболее популярными для мигрантов, выезжающих за пределы региона. Проанализирована внешняя миграция населения, отмечено, что мигранты СНГ в некоторой степени нивелируют отрицательное миграционное сальдо межрегиональных миграционных потоков, но, тем не менее, сокращают свое участие в миграционном движении на Дальний Восток России. Проанализирована роль миграции со странами дальнего зарубежья, миграционное взаимодействие с которыми приобрело отрицательное значение. Анализ миграционных процессов и естественного воспроизводства населения позволил выявить наличие рисков для выполнения программы Концепции демографического развития Дальнего Востока до 2025 г.

Annotation. The article considers the dynamics of demographic processes in the Russian Far East, formed in the post-Soviet period. Attention is paid to migration processes, which have the most significant impact on the reduction of the population in the region. Particular emphasis was placed on the loss of the Far East attractiveness for migrants; the territories of the Russian Federation, which are the most popular for migrants traveling outside the region, were noted. The external migration of the population is analyzed, it is noted that CIS migrants to some extent neutralize the negative migration balance of interregional migration flows, but, nevertheless, reduce their participation in the migration movement to the far East of Russia. The role of migration with the countries of the far abroad, migration interaction with which has acquired negative value, is analyzed. Analysis of migration processes and natural reproduction of

the population revealed the presence of risks for the implementation of the program Of the concept of demographic development of the Far East until 2025.

Ключевые слова: население, демография, миграция, сальдо миграции, риск, субъект, Дальний Восток, СНГ,

Key words: population, demography, migration, migration balance, risk, Far East, subject, CIS,

В июне 2017 г. была утверждена Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г. Ее принятие обусловлено стабильным сокращением численности населения в регионе с 1991 г. под влиянием миграционного оттока, а затем естественной убыли населения. В соответствии с принятой Концепцией к стратегическим целям демографической политики на Дальнем Востоке отнесены стабилизация численности населения на уровне 6,2 млн чел. к 2020 г. и создание условий для его роста до 6,5 млн чел. к 2025 г. [3]. Поэтому в настоящее время реализация геополитической задачи закрепления населения находятся среди главных стратегических приоритетов государственной политики. Сохранение достаточной численности населения на Дальнем Востоке имеет огромное стратегическое значение и является фактором национальной безопасности государства.

Однако существующая реальность демографических процессов свидетельствует о дальнейшем сокращении численности населения в регионе под влиянием миграционного оттока и вновь начавшейся естественной убыли.

Численность населения на 01.01.2018 г. составила 6165,3 тыс. чел. — 76,5% относительно 1991 г. — периода развала СССР и 99,7% относительно 2017 г. [8, 9]. Такая демографическая ситуация увеличивает риски для достижения результатов государственной политики по развитию Дальнего Востока, предусматривающих, в соответствии с Концепцией демографической политики на Дальнем Востоке, увеличение к 2025 г. численности населения на 50 тыс. чел. за счет естественного прироста и еще на 250 тыс. чел. за счет положительного сальдо миграции. Эти расчеты ориентированы на то, чтобы к 2025 г. обеспечить кадрами как минимум 100 тыс. новых рабочих мест, которые должны создать инвесторы [10]. Однако, будущее связано в определенной степени с неопределенностью и, по существу, может оказаться реальным распространенное мнение специалистов о том, что «Мерами миграционной политики, делающей ставку на привлечение мигрантов из других регионов страны, эту проблему не решить» [4] (табл. 1).

Таблица 1.

Численность населения на 1 января, тыс. чел. [9; 19, с. 13]

Субъекты Дальнего Востока	1991 г.	2018 г.	Изменение численности	
			Абсолютное	в %
Дальний Восток — всего	8056,6	6165,3	-1891,3	-23,4
Республика Саха (Якутия)	1108,6	964,3	-144,3	-13,0
Камчатский край	472,8	315,6	-157,2	-33,2
Приморский край	2299,6	1913,0	-386,6	-16,8
Хабаровский край	1619,7	1328,3	-291,4	-18,0
Амурская область	1073,7	798,4	-275,3	-25,6
Магаданская область	384,5	144,1	-240,4	-62,5
Сахалинская область	717,5	490,2	-227,3	-31,7
Еврейская автономная область	231,0	162,0	-69,0	-29,9
Чукотский автономный округ	149,2	49,4	-99,8	-66,9

Достаточно сказать, что если за 2016 г. число жителей в регионе уменьшилось на 10 000 чел., то за 2017 г. этот показатель еще более неутешителен — достиг 19,2 тыс. чел. За 2017 г. из девяти субъектов ДФО только три (Республика Саха (Якутия), Камчатский край и Сахалинская область) минимально увеличили численность своего населения: соответственно на 1,5 тыс. чел. (0,2%), 0,9 тыс. чел. (0,3%) и 3,2 тыс. чел. (0,7%) [15, 16, 18]. Риск для предполагаемых стабилизации и роста численности населения может в дальнейшем увеличиться поскольку, как указывалось выше, с 2017 г. началось еще и падение естественного воспроизводства населения [5. с. 133–153; 20].

Главная задача принятой Концепции демографической политики на Дальнем Востоке — превратить отрицательное дальневосточное миграционное сальдо в положительное. Но как этого, с одной стороны, достичь, а с другой стороны, как и откуда привлечь «новых дальневосточников»? Хотелось бы, прежде всего, рассчитывать на межрегиональную миграцию (мигрантов из других субъектов Российской Федерации). Но в настоящее время межрегиональные потоки оптимизма не вызывают. На протяжении многих лет Дальний Восток, напротив, выступает донором населения и трудовых ресурсов для других территорий страны. В общих миграционных потоках Дальнего Востока межрегиональная миграция занимает значительную долю, увеличивая холостой оборот мигрантов — 35,8% от общего числа прибывших в субъекты региона в 2017 г. и 42,5% от числа выбывших (табл. 2).

Анализ приведенных показателей демонстрирует один из неутешительных фактов: миграционные потери в межрегиональных

Таблица 2.

**Межрегиональная миграция населения по территориям прибытия
и выбытия на Дальнем Востоке в 2017 г. [16]**

Территории	Прибыло, чел.	Выбыло, чел.	Миграц прирост, чел. (+), убыль (-)	Прибыло, %	Выбыло, %
Российская Федерация	57 416	81 782	-24 366	100,0	100,0
Цетральный федеральный округ	12 002	21 075	-9 073	20,9	25,8
Северо-Западный федеральный округ	7 702	15 475	-7 773	13,4	18,9
Южный федеральный округ	8 299	14 873	-6 574	14,5	18,2
Северо-Кавказский федеральный округ	2 460	2 380	+80	4,3	2,9
Приволжский федеральный округ	6 398	7 502	-1 104	11,1	9,1
Уральский федеральный округ	2 991	3 409	-418	5,2	4,2
Сибирский федеральный округ	17564	17 068	+496	30,6	20,9

потоках превышают общие потери населения в целом (19,2 тыс. чел. общие потери населения за 2017 г., а потери населения за счет межрегиональной миграции — 24,4 тыс. чел.).

Межрегиональная миграция — это не только отражение сугубо факторов производства и наличия достойного места работы. Это, вместе с тем, и отражение социального самочувствия конкретного индивидуума, формирующегося под влиянием, средних доходов и расходов, индекса потребительских цен, транспортной и социальной инфраструктуры и других факторов. Здесь уместно обратить внимание на то, что районами притяжения дальневосточников являлись и продолжают оставаться Центральный, Северо-Западный и Южный федеральные округа Российской Федерации, миграционные взаимоотношения с которыми имеют даже внушительную тенденцию к увеличению. В 2015 г. участие этих округов в межрегиональном миграционном оттоке составляло 86,2%, которое в 2017 г., увеличилось до 91,9% [14,16]. Это не случайно. Реальная среднемесячная начисленная заработная плата в 2016 г. составила в Центральном ФО — 101,7% к предыдущему году, Северо-Западном ФО — 101,2%, Южном ФО — 100,0%, а в Дальневосточном ФО — 97,9% [12]. На сегодня пока трудно представить, что миграция, вызванная разницей в уровне доходов, в ближайшей перспективе будет незначительной. В Концепции демографической политики на Дальнем Востоке возлагаются надежды на привлечение в регион соотечественников, проживающих за рубежом. Соответствующая Госпрограмма принята в 2007 г. Но за 10 лет число участников Госпрограммы в регионах Дальнего Востока составило 33 тыс. чел., или менее 6% от их численности по стране [4].

Можно ли в условиях оттока населения по межрегиональной миграции надеяться на наращивание демографического потенциала Дальнего Востока на внешнюю миграцию (со странами СНГ и дальним зарубежьем)? Однозначного ответа здесь трудно получить (см. табл. 3).

С одной стороны, страны СНГ в миграционных взаимосвязях с Дальневосточным регионом имеют положительное сальдо, но, с другой стороны, результативность потоков из стран СНГ уменьшается: в 2015 г. на 100 человек выбывших дальневосточниковв страны СНГприходилось 158,9 прибывших, в 2017 г. — прибывало только 143 7 чел., а положительное сальдо миграции (9029 чел. в 2016 г. и 7692 чел. в 2017 г.) стало несоизмеримо меньшим чем в период начала перестройки в стране (33,5 тыс. чел. в 1986 г.).

Страны дальнего зарубежья интенсивно сокращают миграционные потоки на российский Дальний Восток: в 2015 г. миграционное сальдо с ними составило 15,6%от уровня 2011 г. (445 чел.), а с 2016 г. вовсе стало отрицательным (–1128 чел.), хотя отрицательное значение в 2017 г. уменьшилось (–440 чел.) [14, 15, 16].

Быть может, для достижения намечаемой Концепцией демографической политики до 2025 г. численности населения, стоит надеяться на естественное воспроизводство? Но и здесь в настоящее время происходят малоутешительные процессы. После непродолжительного роста показателей естественного движения (2007–2016 гг.), обусловленного более высокой численностью населения в репродуктивном возрасте и введением материнского капитала. В 2016 г. наметился спад и существенную роль здесьсыграли Приморский край, Амурская область и Еврейская автономная область.

Таблица 3.

Внешняя миграция населения на Дальнем Востоке в 2017 г., чел. [14, 15, 16]

Страны	Прибыло	Выбыло	Миграционный прирост (+), убыль (–)	Число прибывшим на 100 чел. выбывших
СНГ				
2015 г.	22 144	13 937	8 207	158,9
2016 г.	23 993	14 954	9 029	160,4
2017 г.	25 296	17 604	7 692	143,7
Страны дальнего зарубежья				
2015 г.	12 416	11 971	445	96,4
2016 г.	11 230	12 358	–1128	110,0
2017 г.	9 842	10 282	–440	104,5

Уже в 2017 г. естественный прирост в ДФО стал отрицательным и составил –281 чел. против +5077 чел в 2016 г., коэффициент рождаемости опустился до 12,1‰ (в 2016 г. — 13,3‰), коэффициент смертности составил 12,1‰ в 2017 г. против 12,5‰ в 2016 г. [2] (см. табл. 4).

Исходя из показателей естественного прироста населения, самые высокие потери естественного воспроизводства населения за 2017 г. наблюдаются в Приморском и Хабаровском краях и в Амурской области. Однако, если исходить из показателей коэффициентов смертности и естественного прироста в эту группу попадает и Еврейская АО (см. табл. 5).

Данные за январь-февраль 2018 г. показывают ухудшение ситуации относительно прошлого года: коэффициент родившихся в регионе опустился до 11,6%, коэффициент смертности поднялся до 13,0% [1]. Следовательно, проблемы в естественном воспроизводстве населения могут усилить риски для достижения планируемой численности населения, намеченной Концепцией демографической политики на Дальнем Востоке.

Последствием сложившихся тенденций в демографическом развитии Дальнего Востока является трансформация возрастного состава населения, что может тоже оказаться одним из факторов усугубляющих условия экономического развития. Достаточно сказать, что даже за 2017 г. изменилось соотношение основных возрастных групп в составе населения Дальнего Востока. На 01.01.2018 г. соотношение основных возрастных групп в структуре населения региона было: моложе трудоспособного возраста

Таблица 4.

Естественное движение населения на Дальнем Востоке, чел. [2]

Субъекты Дальнего Востока	Число родившихся		Число умерших		Естественный прирост	
	2016 г.	2017 г.	2016 г.	2017 г.	2016 г.	2017 г.
Дальний Восток — всего	82607	74645	77530	74926	5077	–281
Республика Саха (Якутия)	15362	13996	8053	7852	7299	6144
Камчатский край	4057	3752	3639	3468	418	284
Приморский край	23553	20973	26236	25461	–2683	–4488
Хабаровский край	17846	15987	17518	17289	328	–1302
Амурская область	10350	9459	11017	10683	–667	–1224
Магаданская область	1628	1574	1664	1655	–36	–81
Сахалинская область	6935	6343	6397	5879	538	464
Еврейская АО	2207	1912	2508	2172	–301	–260
Чукотский АО	679	649	498	467	181	182

Таблица 5.

Общие коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста (на 1000 чел. населения) [2]

Территория	Число родившихся		Число умерших		Естественный прирост	
	2016 г.	2017 г.	2016 г.	2017 г.	2016 г.	2017 г.
Российская Федерация	12,9	11,5	12,9	12,4	-0,01	-0,9
Дальний Восток — всего	13,3	12,1	12,5	12,1	0,8	-0,05
Республика Саха (Якутия)	16,0	14,5	8,4	8,1	7,6	6,4
Камчатский край	12,9	11,9	11,5	11,0	1,4	0,9
Приморский край	12,2	10,9	13,6	13,3	-1,4	-2,4
Хабаровский край	13,4	12,0	13,1	13,0	0,3	-1,0
Амурская область	12,9	11,8	13,7	13,4	-0,8	-1,6
Магаданская область	11,2	10,9	11,4	11,4	-0,2	-0,5
Сахалинская область	14,2	13,0	13,1	12,0	1,1	1,0
Еврейская АО	13,4	11,7	15,2	13,3	-1,8	-1,6
Чукотский АО	13,6	13,1	10,0	9,4	3,6	3,7

19,8% (в 2017 г. — 19,6%), в трудоспособном возрасте — 57,8% (в 2017 г. — 58,4%), старше трудоспособного возраста — 22,4% (в 2017 г. — 22,0% [17, 18]; по расчетам, сделанным на основе существующих тенденций в демографическом развитии соотношение в 2025 г. может быть следующим 17,2%, 57,3% и 25,5% [13, с. 157]. Еще Урланис — известный демограф отмечал, что детей — лиц моложе трудоспособного возраста должно быть не меньше 20%, пожилых — не больше 15%, лиц в трудоспособном возрасте — не менее 65%. Такие доли формируют оптимальный состав населения и создают благоприятные условия для устойчивого воспроизводства с небольшим приростом. Соотношение должно быть 66–70% работоспособных на 30–34% неработоспособных, то есть на каждую тысячу «кормильцев» должно быть не больше 500–600 иждивенцев [11]. Такое соотношение будет обеспечивать необходимое качество жизни, что, в свою очередь будет отражаться на закреплении населения на территории и обеспечивать наличие необходимых ресурсов труда для занятости в народном хозяйстве.

Заключение

Таким образом, наращивание демографического потенциала на Дальнем Востоке России, предусмотренное Концепцией демографической политики до 2025 г., весьма труднодостижимая цель. Между тем, современная направленность на опережающее со-

циально-экономическое развитие региона обуславливает требование необходимости роста численности населения, способного удовлетворять оптимальную потребность народно-хозяйственного комплекса в ресурсах труда, в том числе определенного профессионально-квалификационного уровня. Отсутствие решения этой проблемы в перспективе может поставить предел экономическому развитию в силу нехватки рабочей силы. Чтобы этого не произошло, важно вести постоянный мониторинг составляющих демографического развития Дальнего Востока.

В систему приоритетов для Дальнего Востока России, необходимых для закрепления населения, необходимо внести [6, с 54–71]:

- стимулирующие надбавки к зарплате за выслугу лет работы в субъектах Дальнего Востока;
- восстановление закона о ветеранах и социальную поддержку пожилого населения;
- формирование в регионе комфортных условий проживания;
- обеспечение круглогодичной транспортной доступности дальневосточников с центральными регионами России авиа и железнодорожным транспортом.

Библиографический список

1. Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации за январь-февраль 2018 г. URL: [Http://www.gks.ru/free_doc/2018/demo/edn02-18.htm](http://www.gks.ru/free_doc/2018/demo/edn02-18.htm) (дата обращения 26.04.2018 г.).
2. Естественное движение населения субъектов Российской Федерации — 2017. URL: [Http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_106/Main.htm](http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_106/Main.htm) (дата обращения 31.10.2018).
3. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Правительство Российской Федерации. Распоряжение от 20 июня 2017 г. № 1298-р Москва.
4. Мкртчян Н. Дальневосточная миграция: как управлять? URL: <https://www.eastrussia.ru/material/dalnevostochnaya-migratsiya-kak...> (дата обращения 24 января 2018 г.).
5. Мотрич Е.Л. Дальневосточный регион в демографическом пространстве России: пореформенный тренд // *Пространственная экономика*. 2017. № 3.
6. Мотрич Е.Л. Современные особенности воспроизводства населения в Дальневосточном федеральном округе // *Известия Дальневосточного федерального университета*. Экономика и управление. — 2015. — № 3 (75).
7. Население субъектов Российской Федерации. — URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_federal_subjects_of_Russia_by_population (дата обращения 20.07. 2016 г.).

8. Население субъектов Российской Федерации. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения 9 марта 2017 г.).
9. Население субъектов Российской Федерации. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения 13 сентября 2018 г.).
10. Отток населения выходит из-под объяснения// URL: <https://www.eastrussia.ru/material/ottok-naseleniya-vykhodit-iz-pod...> (дата обращения 24.01.2018 г.).
11. Половозрастная структура населения России. URL: <http://fb.ru/article/271547/polovozrastnaya-struktura-naseleniya-rossii> (дата обращения 01.11.2018)
12. Реальная среднемесячная заработная плата работников по субъектам Российской Федерации за 2000–2016 гг. //URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/ (дата обращения 29.01.2017 г.).
13. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия — 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко // Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. — Владивосток: Дальнаука, 2011. — 912 с.
14. Численность и миграция населения в Российской Федерации в 2015 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_107/Main.htm (дата обращения: 06.07.2016);
15. Численность и миграция населения в Российской Федерации в 2016 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_107/Main.htm (дата обращения 26.01.2018).
16. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2017 г. URL: http://gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1 (дата обращения 14.09.2018 г.).
17. Численность населения по полу и возрасту на 1 января 2017 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_111/Main.htm (дата обращения 01.11.2018 г.)
18. Численность населения по полу и возрасту на 1 января 2018 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_111/Main.htm (дата обращения 01.11.2018 г.)
19. Численность, состав и движение населения в Российской Федерации. Стат. бюлл. Госкомстат России. М., 1992.
20. Щербakov Д. / Неостановленное бегство // Информационно-аналитическое агентство «Восток России». URL: <https://www.eastrussia.ru/material/neoostanovlennoe-begstvo/> (дата обращения: 01.2018).

References

1. Natural movement of the population in the context of the subjects of the Russian Federation in January-February 2018 URL: http://www.gks.ru/free_doc/2018/demo/edn02-18.htm (accessed 26.04.2018).
2. Natural increase of the population of subjects of the Russian Federation — 2017. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_106/Main.htm (accessed 31.10.2018).
3. The concept of demographic policy of the Far East for the period up to 2025 // the Government of the Russian Federation. Order No. 1298-R of 20 June 2017 Moscow.

4. Mkrtchyan N. Far Eastern migration: how to manage? URL: <https://www. according to the words. EN/material/dalnevostochnaya-migratsiya-like...> (accessed 24 January 2018).
5. Motrich, E. L., the far Eastern region in the demographic space of Russia: the post-reform trend // *Spatial Economics*. 2017. No. 3.
6. Motrich, E. L. the Modern features of reproduction of the population in the far Eastern Federal district // *Proceedings of the far Eastern Federal University. Economics and management*. — 2015. No. 3 (75).
7. Population of subjects of the Russian Federation. — URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_federal_subjects_of_Russia_by_population (accessed 20.07. 2016).
8. Population of subjects of the Russian Federation. Federal state statistics service. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (accessed March 9, 2017).
9. Population of subjects of the Russian Federation. — URL: <https://ru.wikipedia.org> (accessed 13.09. 2018).
10. The Exodus out of the explanation // URL: <https://www.eastrussia.ru/material/ottok-naseleniya-vykhodit-iz-pod...> (accessed 24.01.2018).
11. Sex and age structure of the Russian population. URL: <http://fb.ru/article/271547/polovozrastnaya-struktyura-naseleniya-rossii>. (accessed 01.11.2018)
12. Real average monthly salary of workers on subjects of the Russian Federation for 2000–2016. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages (circulation date 29.01 2017).
13. Synthesis of scientific, technical and economic forecasts: Pacific Russia — 2050 / edited by p. A. Minakir, V.I. Sergienko // *ROS. Acad. Sciences, far East. otd-nie, in-t Ekon. researches*. — Vladivostok: Dalnauka, 2011. — 912 p.
14. Population size and migration in the Russian Federation in 2015 Federal state statistics service. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_107/Main.htm (date accessed: 06.07.2016);
15. Population size and migration in the Russian Federation in 2016 // Federal state statistics service. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_107/Main.htm (accessed 26.01.2018).
16. Population size and migration in the Russian Federation in 2017 r. URL: http://gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1 (датаобращения 14.09.2018 г.)
17. Population by sex and age on January 1, 2017. — URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_111/Main.htm (accessed: 01.11.2018)
18. Population by sex and age as of January 1, 2018. — http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_111/Main.htm (accessed: 01.11.2018)
19. The number, composition and movement of the population in the Russian Federation. *Statistical Bulletin. Goskomstat of Russia. Moscow, 1992.*
20. Shcherbakov D. / Unidentified flight // *Information-analytical Agency «East»*. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/forecasts/forecasts-novlennoe-begstvo/> (accessed: 01.2018).

Сивоплясова С.Ю.,
Гафурова Ш.Ш.

БРАЧНАЯ ЭМИГРАЦИЯ РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИН: ТЕНДЕНЦИИ И ПОСЛЕДСТВИЯ

MARRIAGE EMIGRATION OF RUSSIAN WOMEN:
TENDENCIES AND CONSEQUENCES

Сивоплясова Светлана Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН; доцент кафедры информационных технологий в экономике и менеджменте Московского авиационного института (национального исследовательского университета) (МАИ), e-mail: svetlankamos84@rambler.ru
Гафурова Шохиста Шокировна, соискатель, Центр социальной демографии Института социально-политических исследований РАН, e-mail: shohista_tj@mail.ru

Sivoplyasova Svetlana Yur'evna, PhD in Economics, Associate Professor, leading researcher, Center of Social Demography, Institute of Socio-Political Research RAS; Associate Professor, Department of Information Technology in Economics and Management, Moscow Aviation Institute (National Research University) (MAI), e-mail: svetlankamos84@rambler.ru

Gafurova Shohista Shokirovna, degree applicant, Center of Social Demography, Institute of Socio-Political Research RAS, e-mail: shohista_tj@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу тенденций и последствий брачной эмиграции российских женщин из страны. Установлено, что особую популярность данный вид миграции получил после распада СССР. В настоящее время происходит рост числа россиянок, переезжающих за рубеж с целью заключения брака и создания семьи. Причем, рост происходит во многом в связи с увеличением популярности восточного вектора брачной миграции, в особенности таких стран, как Корея, Китай, Япония. Выявлено, что в последнее время меняются причины, побуждающие российских девушек и женщин искать свое счастье за рубежом, в сторону морально-психологических факторов. Кроме того, происходит трансформация инфраструктуры брачного рынка: в стране функционируют не только брачные агентства, но и сайты знакомств. Указанные тенденции сказываются на формировании специфических последствий брачной миграции: сокращении численности населения (прямом и косвенном), потере генофонда страны, утрате физического и психического здоровья женщинами.

Abstract. This article is devoted to the analysis of trends and consequences of marriage emigration of Russian women from the country. It is established that this type of migration became especially popular after the collapse of the USSR. Currently, there is an increase in the number

of Russians moving abroad for the purpose of marriage and family creation. Moreover, the growth is largely due to the increasing popularity of the Eastern vector of marriage migration, especially in Korea, China and Japan. It is revealed that the reasons that encourage Russian girls and women to seek their happiness abroad are changing in recent years in the direction of moral and psychological factors. In addition, there is a transformation of the infrastructure of the marriage market: there are not only marriage agencies in the country, but also Dating sites. These trends affect the formation of specific consequences of marriage migration: the reduction of the population (direct and indirect), the loss of the gene pool of the country, the loss of physical and mental health of women.

Ключевые слова: брачная эмиграция, российские женщины, «русские жены», тенденции, последствия.

Key words: marriage migration, Russian women, «Russian woman», trends, consequences.

Исследование проведено при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект № МК-2984.2017.6

The study was conducted with support from Presidential Grants Council, project № МК-2984.2017.6

Феномен брачной миграции существует с незапамятных времен. В первобытных обществах практика заключения брака между представителями разных племен была обусловлена медицинскими причинами и диктовалась логикой самосохранительного поведения. Позже, во времена распространения монархий, к медицинским добавились политические мотивы заключения международных браков [4, с. 163]. В настоящее время вопросы поиска спутника жизни и создания семьи являются личным делом каждого человека. При этом, масштабы международной брачной миграции отличаются большой величиной.

Российские женщины являются активными участницами брачной миграции. Они пользуются высоким спросом среди иностранных женихов, а страна выступает одним из основных «доноров» на международном брачном рынке. Вместе с тем, можно выделить несколько тенденций, свойственных современной брачной миграции женщин из России.

Во-первых, отмечается рост масштабов эмиграции по причине заключения брака с иностранцами. В 1990-е гг. экономические потрясения и вызванные ими негативные социальные последствия стали мощным выталкивающим фактором для россиянок. В совокупности с социальной деградацией российских мужчин и упрощенной процедурой получения гражданства иностранного государства для супругов граждан этих стран, рост числа «русских жен» стал закономерным явлением. Причем, рост численности россиянок-

эмигранток отмечался как в годовом выражении (эмиграционные потоки женщин увеличивались из года в год), так и в суммарной численности российских представительниц прекрасного пола, вышедших замуж за рубежом и проживающих за границей. Динамика первого показателя характеризует увеличение популярности брачного канала миграции, а второго — особенности жизненных стратегий девушек, переехавших за рубеж, не планирующих возвращаться на родину даже в случае неудачного брака. То есть, брачная эмиграция из страны почти всегда становится невозвратной миграцией.

Для оценки динамики брачной миграции возможно использовать несколько источников статистических данных. Прежде всего, данные российской статистики о численности эмигрантов. Однако, использование этих данных имеет ряд ограничений. Во-первых, в отечественной статистике не ведется учета числа эмигрантов, переехавших в другие страны по причине заключения браков с иностранцами. Во-вторых, реформа правил статистического учета, проведенная Федеральной службой государственной статистики в 2012 г., привела к резкому изменению значений основных показателей миграции в стране. В-третьих, необязательность информирования органов государственной власти о переезде в другую страну влечет за собой «недоучет» числа эмигрантов из страны. Таким образом, для оценки масштабов брачной эмиграции возможно использовать данные российской статистики только принимая во внимание экспертные оценки.

Согласно данным Росстата за период с 1997 по 2017 гг. из России выехали более 2,8 млн чел. Из них 48,3% составляют женщины. Согласно оценкам экспертов, каждая третья женщина, выехавшая из России, имеет отношение к брачному каналу миграции. Таким образом, по приблизительным подсчетам за рассматриваемый период более 320 тыс. россиянок нашли спутников жизнь за рубежом и переехали в другие страны на постоянное место жительства [8, с. 190].

Вторым источником статистических данных о брачной миграции являются данные зарубежных стран о иммиграционных потоках россиян, их гендерном составе и причинах миграции. Так, по данным Организации Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР) за период 1997–2016 гг. только в страны-члены организации переехали 1,2 млн россиян. Безусловным «лидером» среди этой группы стан по числу мигрантов из России является Германия. Более 40% соотечественников переехали в эту страну.

При этом, российские женщины более активно участвуют в данном миграционном потоке, чем мужчины. Почти во всех странах

доля женщин среди иммигрантов из России превышает 50%. Таким образом, за период 2010–2016 гг. по самым скромным подсчетам нашу страну покинули более 170,9 тыс. соотечественниц (см. рис. 1). Кроме того, россиянки, переехавшие в страны ОЭСР, очень часто заключают браки с иностранцами. Около 50% молодых девушек находят спутника жизни и создают семью за рубежом, даже если такая цель не являлась приоритетной при принятии решения о эмиграции из страны. То есть, в данной группе стран проживают по меньшей мере 85,5 тыс. «русских жен» [6].

Как видно из рисунка, наиболее привлекательными странами для эмиграции среди россиянок являются Германия, Корея и Испания. При этом, еще одной тенденцией брачной эмиграции из России становится тот факт, что восточный вектор эмиграции набирает все большую популярность.

По данным зарубежной статистики, помимо Кореи популярными странами для брачной эмиграции российских женщин становятся Китай и Япония. В более ранний период в эту группу входил Вьетнам. В 1980-е гг. в нашей стране обучались довольно большое число молодых вьетнамцев. По окончании учебы они часто уезжали на родину не только диплом, но и невесту из России. Поэтому большинство «русских жен», проживающих во Вьетнаме — это женщины средних лет, которые хорошо интегрировались в новой стране, выучили язык, занялись трудовой деятельностью.

Причин популярности Китая как направления брачной эмиграции в последнее время несколько. С одной стороны, важную роль играют трансформации в геополитике и внешнеэкономической

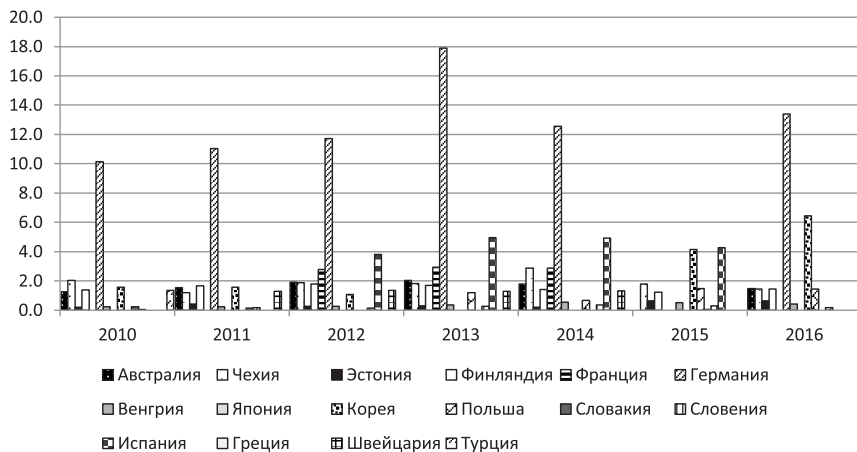

Рис. 1. Число российских женщин, переехавших в страны ОЭСР, тыс. человек

деятельности России. С другой — рост интереса среди россиян к восточным культурам. В-третьих, особенности демографического развития Поднебесной, характеризующееся значимым превышением численности молодых мужчин над числом девушек, которое вынуждает первых искать спутниц жизни за рубежом. В-четвертых, высокая привлекательность девушек славянской внешности среди китайцев. В настоящее время в Китае проживает около 15 тыс. россиян, 5–8% из которых — женщины, связавшие свои судьбы с китайскими мужчинами. Таким образом, в Китае насчитывается около 1–1,5 тыс. «русских жен».

Международные браки в Японии не слишком широко распространены. Около 99% браков заключается между японцами, а 90% международных браков заключается между японцами и представителями азиатских стран. Вместе с тем, по данным переписи населения 1990 г. в Японии проживали 576 семейных пар, в которых муж был японцем, а жена являлась россиянкой, и 123 пары, в которых муж был русским, а жена — японкой [3, с. 170]. Масштабы брачной эмиграции из России в Японию, вероятнее всего, увеличились в 2000-х гг. В современный период число наших соотечественников, эмигрировавших в Японию, не опускалось ниже 2,8 тыс. чел., а в 2003 г. достигало 7,7 тыс. чел.

Таким образом, прирост числа брачных эмигрантов происходит во многом за счет увеличения популярности азиатских стран на фоне сохранения или более слабого роста привлекательности стран «традиционной» эмиграции.

Третьей тенденцией брачной миграции является трансформация причин брачной эмиграции женщин из страны в сторону усиления морально-психологических факторов. После распада СССР основные причины брачной эмиграции лежали в экономической плоскости. Сложная экономическая ситуация в стране, гиперинфляция, рост безработицы, сложности трудоустройством, невозможность для мужчины содержать семью, снижение благосостояния населения — все это спровоцировало увеличение масштабов брачной эмиграции российских женщин. Заморские принцы представлялись им «рыцарями на белом коне»: красивые, ухоженные, умеющие красиво ухаживать, без материальных проблем, не имеющие вредных привычек, заботливые мужья и отцы. Брак с иностранцем представлялся сбывшейся сказкой. Кроме того, став женой гражданина другой страны, можно было получить гражданство иностранного государства в упрощенном порядке.

Последний повод послужил росту числа фиктивных браков между россиянками и иностранцами в более поздний период. Скла-

дывающаяся ситуация вынудила органы государственной власти зарубежных стран ужесточить законодательство и контроль в отношении браков между гражданами и негражданами. Примером таких мер может служить тот факт, что «виза невесты» в США является самой дорогой среди всех типов виз (265 долл. США).

Прожив некоторое время за рубежом и ощутив все достоинства и недостатки жизни с иностранцем, российские женщины осознали, что жизнь за границей часто далека от тех радужных представлений, которые они имели, уезжая из России. Поэтому начали меняться и преобладающие причины брачной эмиграции. В настоящее время они лежат в морально-психологической плоскости. Женщинам нравится уважительное отношение, забота, обходительность, которую оказывают зарубежные мужья. По емкому замечанию О. Маховской, «брачная эмиграция больше не имеет «колбасной», то есть экономической, подоплеки. Основная причина стремления россиянок выйти замуж за границу — это кризис отечественной модели семьи» [1]. Таким образом, в настоящее время брачная эмиграция является сознательным, обдуманым выбором девушки.

Четвертой тенденцией, которую следует выделить, является трансформация инфраструктуры брачного рынка. Спрос на иностранных женихов со стороны российских женщин и, одновременно, на молодых россиянок со стороны мужчин-граждан зарубежных стран спровоцировали формирование особой инфраструктуры брачного рынка — появились специализированные брачные агентства. На сегодняшний день в России их насчитывается несколько сотен. Только в Москве их число составляет около ста (учитывая только те, которые имеют интернет сайты).

Некоторые брачные агентства функционируют более 25 лет. Их картотеки насчитывают более 5000 женихов и невест. Размещение анкеты, как и подбор кандидатов, как правило, осуществляется на платной основе. Многие бывшие клиентки довольны качеством оказанных услуг, проживают в счастливом браке, и планируют доверить поиск спутника жизни для своих уже взрослых дочерей также брачным агентствам. Таким образом, функционирование современного брачного агентства представляет собой устойчивый бизнес, услуги которого пользуются спросом и приносят высокую прибыль [7].

С развитием науки и техники появились специфические институты, способствующие поиску спутников жизни, — сайты знакомств. С распространением Интернета, повышением его доступности, подобные способы поиска жениха или невесты становятся все бо-

лее популярными. Первые сайты знакомств в российском сегменте «всемирной паутины» появились около 16 лет назад. Некоторые из них вышли на международный уровень и содержат анкеты не только россиян, но и иностранцев. На популярных сайтах размещены анкеты 11–19 тыс. чел. Работа сайта знакомств, также как и агентства, строится на возмездной основе. Часто за размещение анкеты приходится платить 300–700 руб. в месяц [2]. Таким образом, данный институт также является высокодоходным видом бизнеса.

Однако, знакомство в Интернете всегда сопряжено с высоким уровнем риска. Информация на страницах женихов и невест может оказаться недостоверной, за фото добропорядочного человека может скрываться злонамеренный субъект, а, возможно, даже преступник. Поэтому эффективность сайтов знакомств по поиску спутника жизни в расчете на один контакт довольно невысока.

Брачная эмиграция является высоко специфическим видом миграции. Данная специфика оказывает существенное влияние на те последствия, которые несет в себе этот вид миграции.

Во-первых, основу потока брачных мигрантов составляют молодые красивые девушки, часто хорошо образованные. Поэтому страна не только теряет население, но и свой генофонд. Причем теряет безвозвратно, потому что, как было отмечено ранее, женщины, переехавшие за рубеж с целью заключения брака и создания семьи, практически не возвращаются на родину.

Во-вторых, уехавшие женщины и девушки рожают детей не в нашей стране, то есть происходит «косвенное» сокращение численности населения. Учитывая, что по брачному каналу миграции Россию покинули более 350 тыс. представительниц прекрасного пола, а суммарный коэффициент рождаемости в период с 1993 по 2016 гг. изменялся от 1,157 до 1,777 ребенка в расчете на одну женщину репродуктивного возраста, наша страна за 23 года «недосчиталась» более 0,5 млн детей. Кроме того, как показали наши предыдущие исследования, женщины, ориентированные на смену места жительства и переезд за границу, имеют более высокие репродуктивные установки. Поэтому, «косвенные» потери населения, связанные с переездом российских женщин за рубеж, являются даже более высокими и, вероятнее всего, превышают 600 тыс. детей.

В-третьих, участие женщин в брачном канале миграции тесно связано с риском их попадания в систему международного траффинга. Жених может оказаться «вербовщиком», занимающимся поиском будущих жертв. Девушка же, доверившись будущему мужу, переезжает в другую страну, где у нее отбирается паспорт,

она доставляется в бордель, подвергается насилию и принуждается оказывать интим-услуги. Из трудовой и сексуальной эксплуатации крайне трудно вырваться. Поэтому женщины либо погибают в таких условиях (что происходит довольно быстро), либо, если им удалось освободиться, навсегда остаются с тяжелой психологической травмой, затрудняющей вести нормальный образ жизни [5, с. 234].

Таким образом, подводя итог, необходимо отметить, что брачная эмиграция является специфической формой миграции населения. В России она стала особенно популярной после распада СССР. На протяжении новейшей истории данный вид перемещения населения претерпел существенные изменения, и в настоящее время отличается высокими показателями числа мигрантов, трансформацией географии миграции в сторону восточного направления, изменением преобладающих причин, побуждающих российских женщин искать мужей за рубежом, с преобладанием морально-психологических факторов, и расширением способов поиска спутника жизни под влиянием научно-технического прогресса. Однако, особенности поло-возрастной структуры потока, сказываются на последствиях, которые несет с собой брачная эмиграция из страны. Она имеет главным образом негативные консеквенции для посылающей страны и несет высокие риски для самих участниц миграции.

Библиографический список

1. Конигина Н. Замуж за иностранцев выходят не из-за денег. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iz.ru/news/272196> (Дата обращения: 1.11.2017).
2. Рейтинг сайтов знакомств для серьезных отношений / Комсомольская правда. 16.12.2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kp.ru/guide/saity-znakomstv.html> (Дата обращения: 5.11.2018).
3. Сивоплясова С.Ю. Российские женщины на брачных рынках Японии, Кореи и Китая // Миграционные мосты в Евразии: модели эффективного управления миграцией в условиях развития евразийского интеграционного проекта: Материалы IX международного научно-практического Форума (Москва, 28–29 ноября 2017 года). В двух томах. — Т. 1 / Под науч. ред. чл.-корр. С.В. Рязанцева, М.Н. Храмовой. — Москва: Экономическое образование, 2017. — С. 169–173.
4. Сивоплясова С.Ю. Трансформация брачной эмиграции женщин из России // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). — nr. 2 (LXXXI), 2018. — Chişinău: USM, USPEE, AMSP, 2018. — С. 163–176.
5. Сивоплясова С.Ю. Мосягина Г.П. Брачная эмиграция российских женщин: оценка последствий // Миграционные процессы: проблемы адапта-

- ции и интеграции мигрантов / под. ред. проф. д-ра геогр. наук В.С. Бело-
зерова. — Ставрополь: Издательство Северо-Кавказского федерального
университета, 2018. — С. 230–236.
6. International Migration Outlook 2010–2018, Paris, OECD Publishing, 2013. [Elec-
tronic resource]. Access mode: http://dx.doi.org/10.1787/migr_outlook2018-en
(Датаобращения: 5.11.2018)
 7. Ryazantsev S., Sivoplaysova S. Marriage migration of women from Russia. In:
Women's Rights: International studies on gender roles ant its influence on human
rights (English Edition) by Monica Sapucaia and Denise Andrade. Devian Pub-
lishing. 2018. Pp. 259. — URL: <https://www.amazon.com.br/dp/B07HGNGMKM>
 8. Ryazantsev S., Sivoplyasova S. Russian women in the international marriage
market: ways of migration and adaptation in host societies // Мониторинг об-
щественного мнения: Экономические и социальные перемены. — М.: АО
«ВЦИОМ», 2018. — №5 (147). — С. 183–203.

References

1. Konygina N. Zamuzh za inostrancev vyhodyat ne iz-za deneg. [EHlektronnyj
resurs]. Rezhim dostupa: <https://iz.ru/news/272196> (Data obrashcheniya:
1.11.2017).
2. Rejting sajtov znakomstv dlya ser'eznyh otnoshenij / Komsomol'skaya pravda.
16.12.2016. [EHlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: [https://www.kp.ru/guide/
saity-znakomstv.html](https://www.kp.ru/guide/saity-znakomstv.html) (Data obrashcheniya: 5.11.2018).
3. Sivoplyasova S. YU. Rossijskie zhenshchiny na brachnyh rynkah Yaponii,
Korei i Kitaya // Migracionnye mosty v Evrazii: modeli ehffektivnogo uprav-
leniya migraciej v usloiyah razvitiya evrazijskogo integracionnogo proekta:
Materialy IX mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo Forum (Moskva,
28–29 noyabrya 2017 goda). V dvuh tomah. — T. 1 / Pod nauch. red. chl.-korr.
S.V. Ryazanceva, M.N. Hramovoj. — Moskva: EHkonomicheskoe obrazovanie,
2017. — S. 169–173.
4. Sivoplyasova S. YU. Transformaciya brachnoj ehмиграции zhenshchin iz Rossii //
MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). — nr. 2 (LXXXI), 2018. —
Chişinău: USM, USPEE, AMSP, 2018. — S. 163–176.
5. Sivoplyasova S. YU. Mosyagina G.P. Brachnaya ehмиграция rossijskih zhen-
shchin: ocenka posledstvij // Migracionnye processy: problemy adaptacii i
integracii migrantov / pod. red. prof. d-ра геогр. наук В.С. Белозерова. — Став-
рополь: Izdatel'stvo Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta, 2018. —
С. 230–236.
6. International Migration Outlook 2010–2018, Paris, OECD Publishing, 2013. [Elec-
tronic resource]. Access mode: http://dx.doi.org/10.1787/migr_outlook2018-en
(Data obrashcheniya: 5.11.2018)
7. Ryazantsev S., Sivoplaysova S. Marriage migration of women from Russia. In:
Women's Rights: International studies on gender roles ant its influence on human
rights (English Edition) by Monica Sapucaia and Denise Andrade. Devian Pub-
lishing. 2018. Pp. 259. — URL: <https://www.amazon.com.br/dp/B07HGNGMKM>
8. Ryazantsev S., Sivoplyasova S. Russian women in the international marriage
market: ways of migration and adaptation in host societies // Monitoring ob-
shchestvennogo mneniya: EHkonomicheskie i social'nye peremeny. — М.: АО
«ВЦИОМ», 2018. — №5 (147). — С. 183–203.

КУЛЬТУРООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ЯЗЫКА И ЗНАНИЕ УЧАЩИМИСЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА В ПОЛИЭТНИЧНЫХ РЕГИОНАХ

CULTURE-FORMING LANGUAGE ROLE AND KNOWLEDGE OF STUDENTS OF
THE NATIONAL LANGUAGE IN POLYETHNIC REGIONS

Рубан Лариса Семеновна, д. с. н., доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела социологии молодежи Института социально-политических исследований РАН, руководитель международного проекта «Диалоговое партнерство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком»), e-mail: Lruban@yandex.ru

Ruban Larissa S., Ph. D in Sociology, Professor, Head Researcher of the Department of the Sociology of Youth, Head of the international project «Dialogue Partnership as the Factor of Stability and Integration», e-mail: Lruban@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется процесс гражданского и этнокультурного формирования школьной молодежи в полиэтнических регионах по результатам крупномасштабного лонгитюда, проводимого с 1991 г. по настоящее время в г. Астрахани, г. Грозном, г. Иваново, г. Краснодаре, г. Майкопе, г. Махачкале, г. Москве, г. Назрани, г. Нальчике, г. Пскове, г. Ставрополе. Анализируются взгляды, позиции и мотивы деятельности молодых людей. В рамках международного проекта «Диалоговое партнерство как фактор стабильности и интеграции» и программы «Молодежь в полиэтнических регионах: взгляды, позиции, ориентации» мы проводим непрерывный мониторинг в форме лонгитюда, в ходе которого анализируется степень владения учащимися национальным языком, мотивы его изучения и возможные сферы применения. Результаты опросов, проведенных в рамках программы «Молодежь в полиэтнических регионах: взгляды, позиции, ориентации» прошли апробацию на крупных международных научных форумах: Всемирном Конгрессе политической науки (Берлин, 1994), Всемирных социологических Конгрессах (Монреаль, 1998, Торонто, 2018), Российских социологических конгрессах (2000, 2008), Форуме «Молодое поколение — жизнь без границ» (2011), Форуме ЮНЕСКО «Диалог как путь к пониманию» (2013), в Неделе науки и образования (2017).

Abstract. In article author studies of the process of the national, ethnic and cultures formation of the school students in poly-ethnic regions during longitude from 1989 till present time in in Astrakhan, Barnaul, Groznyy, Ivanovo, Krasnodar, Maikop, Makhachkala, Moscow, Nazran', Nalchick, Pskov, Stavropol. We prepare analysis of the views, positions and motivation of the activity of the young persons. During of the

international project «Dialogue Partnership as the Factor of Stability and Integration» («Bridge between East and West») and Program «Young in Poly-Ethnic Regions: Views, Positions, Orientations» we prepare non stop monitoring (longitude) for studies as school boys know ethnic language, what is motivation for this studies and possibility for using. Results of the surveys during of the Program «Young in Poly-Ethnic Regions: Views, Positions, Orientations» have approbation in the International Forums: World Congress of the Political Science (Berlin, 1994), World Sociological Congress (Montreal, 1998, Toronto, 2018), Russian Sociological Congresses (2000, 2008), Forum «Young Generation — Not Frontier Life» (2011), UNESCO Forum «Dialog as Way to пониманию» (2013), WeekoftheScienceandEducation (2017).

Ключевые слова: лонгитюд, полиэтничный регион, этноконфликтологический мониторинг, национальный язык, культурообразующая роль языка.

Key words: longitude, poly-ethnic regions, surveys, ethnic-conflict monitoring, national language, the cultural formation role of the language.

Для исследования этнической идентичности, этносоциально-го самочувствия населения, выявления конфликтного потенциала, предотвращения и разрешения конфликтов необходим непрерывный этноконфликтологический мониторинг, проведение межпоколенческих исследований, чтобы не только знать, как идет гражданское становление и этническое формирование на различных возрастных этапах в различных регионах, но и оказывать соответствующее и своевременное влияние через социализацию с целью снижения конфликтного потенциала и формирования потенциала толерантности.

Получение социологических данных важно для предотвращения негативных явлений и их последствий посредством воспитательного и образовательного воздействия через систему этнокультурного образования, когда представители различных этносов больше узнают объективной информации друг о друге, так и через проведение специальных курсов по конфликтологии, психологии и этносоциологии, когда слушателей учат как себя вести в условиях конфликта и приходиться к компромиссу или консенсусу.

В данной статье мы расскажем о результатах социологических исследований в рамках программы «Молодежь в полиэтничных регионах: взгляды, позиции, ориентации». Опросы проводились в г. Астрахани и Астраханской области, г. Барнауле, г. Грозном, г. Иванове, г. Краснодаре, г. Майкопе, г. Махачкале, г. Москве, г. Нальчике, г. Назрани, г. Пскове и г. Ставрополе). В ходе первого этапа социологического опроса в г. Астрахани (самый длительный лонгитюд, проводится в г. Астрахани (с 1989 г.), г. Барнауле, г. Грозном, г. Майкопе, г. Махачкале, г. Назрани и г. Нальчике учащимся

лания у молодых людей получить среднее специальное и высшее образование на татарском языке (с 10 до 17% — среднее специальное, и с 6,2 до 22% — в вузах), что было зафиксировано в таблице 4.

В 2011 г. фиксируется с одной стороны более высокая (на 22%) самооценка знания татарского языка у детей и в то же время впервые за все годы опросов появилась группа школьников (10%), которая оценивает свои знания национального (татарского) языка как плохие, а 5% учащихся в 2011 г. считали, что их родители не владеют вообще татарским языком.

В 2016 г. в Астрахани было зафиксировано дальнейшее снижение знания учащимися-татарами и их родителями национального языка (см. табл. 3, части 1–2).

Для сравнения русские школьники в г. Астрахани на протяжении всего периода опросов хотели бы получить образование на следующих языках (см. табл. 3, часть 3).

Однако узость сферы применения национального языка, в основном, в процессе общения — 87% в 1996 г., 73% в 1998 г., 63% в 2001 г. и 85% в 2011 г. с представителями своей национальностью (из них дома, с родственниками) — 69% в 1996 г., 90% в 1998 и 2001 гг., 85% в 2011 г., способствовала снижению по сравнению с предыдущими годами желанья учащихся получать школьное и послешкольное образование только на национальном языке: 13% в 1996 г., 4% в 1998 и 2001 гг. и 5% в 2011 г., зато выросло с 1995 г. по 1998 г. стремление получить образование на обоих языках (русском и татарском):

— **в школе** в 13 раз в 1996 г. и в 17 раз в 1998 г. (с 3% в 1995 г. до 39% в 1996 г. и 50% в 1998 г.; но в 2001 г. оно снизилось до 33%);

— **в техникуме** увеличилось в 7 раз в 1996 г., в 2001 г. — уровень остался тем же (с 3% в 1995 г. до 22% в 1996 и в 2001 гг.);

— **в вузе** увеличилось в 7 раз в 1996 г. и в 12 раз в 1998 г. (с 3% в 1995 г. до 22% в 1996 г. и 35% — в 1998 г.), но в 2001 г. снизилось до 26%; а с 2011 г. стремление получить образование на русском и иностранном в техникуме и вузе достигло уровня 45% от опрошенных [1, с. 149].

Ситуацию с развитием национальных языков в Северо-Кавказских республиках иллюстрируют таблицы 4–15.

Итак, таблицы 4–7 свидетельствуют о высоком уровне знания национального языка школьниками Грозного, Назрани, Майкопа, Махачкалы и Нальчика, что составило от 70 до 100%. Уровень знания национального языка родителями учащиеся оценивали еще выше, и он составил от 75 до 100% (см. таблицы 8–11).

Таблица 3 часть 1.
Предпочтительный выбор татарскими учащимися г. Астрахани языка для получения образования
(в % от количества опрошенных по годам)

Хотят получить образование	1991		1995		1996		1998		2001		2005		вуз		
	школа	техникум	школа	техникум	вуз	школа	техникум	школа	техникум	вуз	школа	техникум			
на русском	62	68	63	44	47	56	39	57	38	50	54	50	80	74	69
на татарском	17	9	5	25	17	22	13	4	4	4	4				
русском и татарском	6	1,2	1,2	3	3	3	39	22	50	19	35	33	6		
на иностранном языке													англ. 3 фр. — 3	англ. 3 фр. — 6	англ. 3 фр. — 6
на двух и более языках													рус-англ — 8	рус-англ — 17	рус.-англ. — 19, рус.-англ.-нем. — 3

Таблица 3 часть 2.

Хотят получить образование	2008			2011		2016			вуз
	школа	техникум	вуз	школа	техникум	школа	техникум	школа	
на русском	45	23	14	85	85	85	76	76	76
на татарском	9	9	5	5					
русском и татарском	5	9	9				6	6	6
на иностранном языке	5	5	9	10	15	15	6		
на двух и более языках	рус.-ин. — 32, рус.-ин.-тат. — 14	рус.-ин. — 32, рус.-ин.-тат. — 9	рус.-ин.-тат. — 23 рус.-ин. — 36				анг.-фр. — 6 анг.-рус.-тат. — 6 анг.-рус.-тат. — 6	анг.-фр. — 6 анг.-рус.-тат. — 6 рус.-анг. — 6	рус.-анг — 6 англ.-исп — 6 англ.-рус.-тат. — 6

Таблица 3 часть 3.

Год / язык обучения	в школе			в техникуме			в вузе		
	на рус	на др.	на двух	на рус	на др.	на двух	на рус	на др.	на двух
2005	81	ин. — 8	рус.-ин — 6	74	ин — 8	рус.-ин — 18	57	ин. — 12	рус.-ин — 31
2008	70		рус.-ин — 30	50	2	рус.-ин — 22	52	ин. — 6	рус.-ин — 36
2011	80		рус.-англ. — 13 рус.-фр. — 2	68	анг — 2	рус.-англ. — 13, рус.-фр. — 2	68	англ — 5	рус.-анг — 13, рус.-фр. — 2
2016	90	анг. — 2	рус.-укр. — 2 рус.-англ. — 6	87	анг — 2	рус.-укр — 2, рус.-англ. — 7 англ.-фр. — 2	80		рус.-англ. — 16, рус.-укр. — 2, англ.-исп. — 2

Таблица 4.

Самооценка знаний национального языка учащимися в г. Грозном (в %)

Степень владения чеченским языком	Грозный	
	2002	2005
— знают язык хорошо	71	66
— не очень хорошо	25 } 96	25 } 91

Таблица 5.

Самооценка знаний нац. языка учащимися школ в г. Назрани (в %)

Степень владения ингушским языком	Назрань		
	2001	2002	2005
— знают язык хорошо	60	74	54
— не очень хорошо	28 } 88	15 } 89	38 } 92

Таблица 6.

Самооценка знаний национального языка учащимися в г. Майкопе и г. Нальчике (в % от опрошенных по годам)

Степень владения нац. языком	Майкоп, 1999	Нальчик, 2002	
	адыгейским	кабардинским	балкарском
— знают язык хорошо	67	47	75
— не очень хорошо	30 } 97	22 } 79	25 } 100

Таблица 7.

Самооценка знаний национального языка учащимися школ в г. Махачкале в 2002 г. (в % от опрошенных по годам)

владеют нац. яз.	аварцы	даргинцы	лезгины	лакцы	кумыки	табасараны	татары
— хорошо	57	29	46	54	70	100	70
— не очень хорошо	23 } 80	44 } 73	31 } 77	37 } 91			

Таблица 8.

Оценка учащимися в Грозном знания родителями нац. языка (в %)

Степень владения чеченским языком	Грозный	
	2002	2005
— хорошо	88	91
— не очень хорошо		9
		} 100

Таблица 9.

Оценка учащимися в г. Назрани знания родителями нац. языка (в %)

Степень владения ингушским языком	Назрань		
	2001	2002	2005
— хорошо	93	89	71
— не очень хорошо			21
			} 92

Таблица 10.

Оценка учащимися в г. Нальчике и г. Майкопе знания родителями национального языка (в %)

Степень владения национальным языком	Нальчик		Майкоп
	кабардинским	балкарским	адыгейским
	2002	2002	1999
— хорошо	47	75	92
— не очень хорошо	32	25	
	} 79	} 100	

Таблица 11.

Самооценка знаний национального языка учащимися школ в г. Махачкале в 2002 г. (в % от опрошенных по годам)

владеют нац. яз.	аварцы	даргинцы	лезгины	лакцы	кумыки	табасараны	татары
Хорошо	90	83	100	100	75	100	100

Таблицы 12–15 показывают сложность языковой ситуации в системе образования Северо-Кавказских республик. Так, на момент опроса только 2% опрошенных кабардинских школьников в Нальчике хотели получить образование в школе и в вузе на родном языке.

В г. Грозном и в г. Назрани ситуация в 2002 и 2005 гг. не намного отличается. Так, в 2002 г. хотели получить образование в школе и в вузе на родном языке 7% ингушских школьников и от 4 до 8% чеченских; в 2005 г. уже только 4% ингушей и только в школе и 9% чеченцев в школе и по 6% в техникуме и вузе.

Если в г. Назрани от 43% до 80% опрошенных в 2001 г. школьников-ингушей хотели обучаться от школы до вуза на русском языке

Таблица 12.

**Выбор учащимися в г. Майкопе и г. Нальчике
языка для получения образования (в %)**

Хотят получить образование	Нальчик, 2002						Майкоп, 1999		
	кабардинцы			балкарцы			адыгейцы		
	школа	техникум	вуз	школа	техникум	вуз	школа	техникум	вуз
— на русском	53	57	55	78	78	78	24	21	18
— на адыгейск.							3		
— на кабардин.	2		2						
— на балкарск.									
— и на том и на др. языках	19		15	22	22	22	61	21	27
— на рус. и ин. яз.	23	25	27						
из них:									
— на рус. и англ.	17	19	21						
— на рус. и исп.	4	4	4						
— на рус. и порт.	2	2	2						

Таблица 13.

Выбор учащимися в г. Грозном языка для получения образования (в %)

Хотят получить образование	2002			2005		
	школа	техникум	вуз	школа	техникум	вуз
— на русском языке	8	17	29	3		3
— на чеченском языке		4	8	9	6	6
— и на русском и на чеченском языках	71	42	46	88	75	75
— на английском языке	8	4	4			

Таблица 14.

Выбор учащимися в г. Назрани языка для получения образования (в %)

Хотят получить образование	2001			2002			2005		
	школа	техникум	вуз	школа	техникум	вуз	школа	техникум	вуз
— на рус. яз.	43	57	80	9	7	30	42	58	67
— на ингушск. яз.	7	7	4				4		
— на рус. и ингушск. яз.	50	36	16	77	58	44	50	38	29
— на англ. яз.				2	2	2			

Таблица 15.

**Предпочтительный выбор учащимися г. Махачкалы
языка для получения образования в 2002 г. (в %)**

Хотят получить образование	аварцы			даргинцы			лезгины			лакцы			кумыки			табасараны		
	школа	техникум	вуз	школа	техникум	вуз	школа	техникум	вуз	школа	техникум	вуз	школа	техникум	вуз	школа	техникум	вуз
— на рус. яз.	48	38	48	50	50	40	54	54	38	63	54	54	25	50	50	60	60	60
— на нац. яз.																		
— и на том и на др. языке	23	23	23	23	23	27	8	8	8		10		25		25	40	40	40
— на аварском и арабском яз.	3	3	3															
— на англ. яз.	13	10	10															
— на рус. и англ.	6	6	13	27	27	23	38	38	46									
— на англ. и кумыкском													25	25	25			

ке, то в г. Грозном в 2002 г. высказали такое предпочтение от 8% до 29% чеченских учащихся. В 2005 г. от 42 до 67% учащихся-ингушей хотели получить образование на всех ступенях обучения на русском языке, а среди учащихся-чеченцев только 3% — в школе и 3% — в вузе. В Махачкале учащимися-аварцами, даргинцами, кумыками, лакцами, лезгинами и табасаранами и другими народами не было изъявлено желание получать образование только на национальном языке.

Большинство школьников в г. Махачкале и г. Нальчике в 2002 г. хотели получить образование на русском языке. Так, в Кабардино-Балкарии: от 53 до 57% опрошенных учащихся кабардинцев и 78% балкарцев хотели бы обучаться на русском на всех образовательных ступенях от школы до вуза.

В г. Махачкале от 50% и выше опрошенных аварцев, даргинцев, лезгин, лакцев, кумыков и табасаранских школьников хотят получить образование на русском языке.

В г. Грозном и г. Назрани в 2002 и в 2005 гг. и в г. Майкопе в 1999 г. большинство опрошенных школьников хотели бы обучаться от школы до вуза и на родном и на русском языках, а именно:

- в 1999 г. — от 27% до 61% адыгейцев,
- в 2001 г. — от 16% до 50% ингушей,
- в 2002 г. — от 42% до 71% чеченцев и от 44% до 77% ингушей,
- в 2005 г. — от 75% до 88% чеченцев, от 29% до 50% ингушей.

Опрос зафиксировал новую, по сравнению с предшествующим периодом, тенденцию — стремление значительной части школьников обучаться на иностранном или русском и иностранном языках. Так, на русском и английском хотели обучаться в 2002 г.:

- в г. Нальчике от 15% до 21% кабардинских школьников,
- в г. Махачкале — от 27% до 36% лакцев, 27% даргинцев, от 38% до 46% лезгин и 25% кумыков. Доля аварцев, желающих получить образование на русском и английском языках, была значительно меньше. Она составила от 6 до 13%.

В 2002 г. желание получить образование на английском языке изъявили:

- в г. Грозном от 4% до 8%,
- в г. Назрани — 2% ингушских школьников;
- в г. Нальчике — по 2% кабардинских школьников.

Среди иностранных языков, кроме английского, назывались немецкий, французский, арабский, турецкий, испанский, португальский и финский. Учащиеся указывали, что для осуществления успешной карьеры обязательно знание английского языка, для получения образования за границей, обладания компьютерной грамотностью и пользования компьютерной техникой, электронной почтой, получения информации через Интернет и международных контактов, а также ознакомления с западной культурой.

Мотивацией изучения национального языка в ответах от 40% до 68% опрошенных представителей как русской, так и аварской, адыгейской, даргинской, ингушской, казахской, кумыкской, лакской, лезгинской, татарской, табасаранской, чеченской и других национальностей, служит восприятие языка как главного нациообразующего признака, основы национальной культуры:

- нужно изучать национальный язык, чтобы сохранить нацию;
- национальный язык — это основа нации;
- чтобы освоить наследие предков и передать знание потомкам;
- не познав себя, свою историю и культуру, нельзя познать и уважительно относиться к другим народам.

В Астрахани у татарских школьников преобладали два мотива:

- 1) изучение и возрождение национальной культуры во всех ее проявлениях, сохранение национальных корней и
- 2) для использования в процессе общения.

Сходную позицию занимали адыгейские школьники г. Майкопа, кабардинские и балкарские учащиеся г. Нальчика.

У чеченских и ингушских школьников среди мотивов на первом месте стояло стремление сохранить свою этническую идентичность и самобытность, а национальный язык признавался ос-

новным нациообразующим признаком. Из первого мотива логически вытекало стремление сохранить свои национальные корни и национальную культуру во всем ее многообразии.

У школьников г. Махачкалы данные два мотива получили практически пропорциональное соотношение, что отражено в таблице 20.

Таблица 16.

Мотивации изучения татарского языка учащимися в г. Астрахани (в %)

Национальный язык нужно изучать	учащиеся-татары									
	1991	1995	1996	1998	2001	2005	2008	2011	2016	
1. Для возрождения нац. культуры, литературы, истории, традиций, сохранения нац. корней	68	22	83	50	52	26	18	23	25	
2. Для общения	14	67	43	38	40	35	82	62	45	
3. Все должны знать нац. язык — он необходим						29	45		6	
4. Пригодится в жизни, для своего развития	3	6			4	3	5	2		
5. Считают, что нац. язык изучать не нужно		6			7				18	
6. Не знают						6		4	6	
7. Затрудняются ответить						9				
8. Не ответили						6		9		

Таблица 17.

Мотивации изучения нац. языка учащимися в г. Майкопе и г. Нальчике (в %)

Национальный язык нужно изучать	Майкоп		Нальчик	
	1999		2002	
	адыгейцы	кабардинцы	балкарцы	
1. Для возрождения национальной культуры, чтения литературы, изучения истории, традиций, сохранения национальных корней		66	28	44
2. Для общения, из них:		33	28	33
— дома, с родственниками			4	11
— с представителями своей национальности			6	22
3. Каждый должен знать свой родной язык и передать его потомкам			36	56
4. Для предотвращения конфликтов			2	

Таблицы 21–25 показывают, что основной сферой применения национального языка остается общение с представителями своей национальности, а как следствие, мотивом изучения национального языка назывались общение с представителями своей национальности и возрождение национальной культуры.

В г. Грозном и г. Назрани чеченские и ингушские учащиеся указали, что национальный язык активно используется в повседневной жизни и работе в их Республиках. Данную сферу применения национального языка они поставили на первое место.

В г. Майкопе и г. Нальчике ответы о применении национального языка в процессе общения и в повседневной жизни и работе имеют очень близкое или даже равное процентное соотношение.

Таблица 18.

Мотивации изучения национального языка учащимися в г. Грозном (в %)

Национальный язык нужно изучать	Грозный, чеченцы	
	2002	2005
1. Каждый чеченец обязан знать язык своего народа, к которому принадлежит	46	50
2. Для изучения (возрождения) национальной культуры, литературы, истории, традиций, сохранения национальных корней	25	19
3. Чтобы сохранить свою национальную самобытность и не обрусеть полностью (не быть похожими на русских и не быть белой вороной среди своих)	17	25
4. Для общения с представителями своей национальности	8	
5. Не знают для чего		3

Таблица 19.

Мотивации изучения ингушского языка учащимися в г. Назрани (в %)

Национальный язык нужно изучать	Назрань		
	2001	2002	2005
1. Для возрождения национальной культуры, литературы, истории, традиций, сохранения национальных корней	66	60	29
2. Каждый ингуш обязан знать язык своего народа		67	42
3. Для общения, из них:	25	26	4
— с представителями своей национальности		14	4
4. Чтобы сохранить национальную самобытность и не обрусеть полностью (не быть похожими на русских и белой вороной среди своих)		16	
5. Пригодится в дальнейшей жизни			8
6. Без знания языка никто не даст работы			4
7. Не знают			4

Опросы в течение длительного времени в г. Астрахани выявили, что среди опрошенных учащихся русской национальности:

— **не слушали радио** 19% в 1995 г., 9% — в 1998 г., 6% — в 2001 г., 4% — в 2005 г. и 9% — в 2008 г.;

Таблица 20.

**Мотивации изучения национального языка
учащимися в г. Махачкале в 2002 г. (в %)**

Национальный язык нужно изучать	аварцы	даргинцы	лезгины	лакцы	кумыки	табасараны	татары
1. Для общения, из них:	47	39	54	36	25	20	100
— дома, с родственниками	27	11	23	27	25	20	100
— с людьми своей национальности	17	11	23	9			
— в селе		11	8				
2. Для возрождения национальной культуры и литературы, сохранения традиций, национальных корней	20	39	69	45	25	40	
3. Каждый должен знать свой язык и передать его потомкам (научить младших)	3		8	27	25	40	100
4. Чтобы быть достойным представителем своей нации	7	11					
5. Для уважения своей нации		6		9		20	
6. Я не знаю свой национальный язык	7	6					
7. Я не изучаю свой национальный язык		11					

Таблица 21.

Мнение учащихся-татар г. Астрахани о сферах применения нац. языка (в %)

Татарский язык можно применить	1990	1991	1996	1998	2001	2005	2008	2011	2016
1. В процессе общения	100	68	87	73	63	46	100	60	50
2. При изучении нац. культуры для ее пропаганды	28	9	4	12	7				
3. Для чтения нац. литературы и периодики	27	9							
4. Для прослушивания радиопередач на национальном языке	5	12							
5. В повседневной жизни	1	9	17	8	7		5	25	
6. Для образования	1	1		8	11	14	5	10	
7. Везде	4	10	9	4	11			10	3
8. В Татарстане			17	8		17	18	40	2
9. Не знают, нигде	5	7		8	3	9	5	2	4

— **не читали русскую литературу** 10% — в 1995 и 1996 г., 7% — в 1998 г., 4% — в 2001 г. и 10% — в 2008 г.;

— **не читали газет и журналов** 10% — в 1995 г., 16% — в 1996 г., 5% — в 1998 г., 6% — в 2001 г. 5% — в 2008 г.

Другой тревожный момент был выявлен в формировании отношения к национальному (русскому) языку у русских школьников в многонациональных регионах.

Так, в г. Астрахани 20% русских учащихся в 1996 г., 30% в 1998 г., 2% — в 2001 г. и 1% в 2008 г., в г. Барнауле в 2009 г. — 3%, в г. Майкопе (Республика Адыгея) — 80% в 1999 г., в г. Махачкале (Республика Дагестан) — 75% в 2002 г.;

Таблица 22.

Мнения учащихся в г. Махачкале о возможных сферах применения нац. языка (в %)

Национальный язык можно применить	аварцы	даргинцы	лезгины	лакцы	кумыки	табасараны	татары
1. В процессе общения,	80	94	90	100	100	60	100
— в селе	57	39	54	73	25		100
— с представителями своей национальности	6	6	8		25		
— дома, с родственниками	57	50	38	100	50	60	
2. При чтении нац. литературы и периодики	3						
3. В Дагестане	13	17	8	9		60	
4. В школе	3						
5. Везде (даже в США)	3						

Таблица 23.

Мнения учащихся в г. Грозном о возможных сферах применения национального языка

Национальный язык можно применить	Грозный, чеченцы	
	2002	2005
1. В процессе общения, из них:		
— с представителями своей национальности	33	28
— дома, с родственниками	13	28
2. В повседневной жизни и работе в своей Республике	13	16
3. При обучении в школе	75	59
4. При обучении в школе	4	
4. При изучении нац. культуры	4	
5. Везде	8	13
7. Для поступления в национальный вуз или техникум	8	

11% в 2002 г. в г. Нальчике (Республика Кабардино-Балкария — из них 3% от смешанных браков) не относили русский язык к разряду национальных языков, считая национальными языками адыгейский, татарский, казахский, ногайский и другие. Русскому языку они отводили роль языка межнационального общения, средства для получения образования и приобщения к мировой культуре. Эта ситуация изменилась только после предпринятого целенаправленного и кропотливого педагогического и воспитательного воздействия.

Таблица 24.

Мнения учащихся в г. Назрани о возможных сферах применения национального языка

Национальный язык можно применить	Назрань, ингуши		
	2001	2002	2005
1. В процессе общения, из них:	60	68	33
— с представителями своей национальности			33
— дома, с родственниками		26	16
2. В повседневной жизни, при работе в своей Республике	80	63	29
3. При обучении в школе			4
4. При изучении национальной культуры			
5. При чтении национальной литературы		5	
6. Везде		2	25
7. Для поступления в национальный вуз или техникум		2	
8. Чтобы передать потомкам		5	4

Таблица 25.

Мнения учащихся в г. Майкопе и г. Нальчике о сферах применения нац. языка (в %)

Национальный язык можно применить	Майкоп, 1999	Нальчик, 2002	
	адыгейский	кабардинский	балкарский
1. В процессе общения, из них:	56	53	56
— дома, с родственниками		15	44
— в селе		9	11
— в своей Республике (в жизни и работе)	34	28	56
2. Везде	29	9	
3. Для чтения нац. литературы		4	
4. При учебе в школе		6	11
5. Для учебы в нац. вузе	3	2	
6. В тюркоязычных странах		6	22
7. Не знают, нигде		22	

Кстати, как было отмечено в социологическом исследовании Института социологии РАН, русский язык, будучи фундаментом русской культуры и русского этнического самосознания, тем не менее, в качестве критерия «русскости» уступает в популярности «культуре». Владение русским языком не воспринимается большинством населения страны как ведущий признак русской этничности. Две трети русского населения и четверть инационального полагают, что общность русских складывается на основе **владения русским языком в качестве родного языка**. Так как русский язык является государственным языком и языком межнационального общения, его этноопределяющая функция для русских не является сегодня ведущей [2, с. 209].

Приведем данные по другим регионам (табл. 26–28).

Низок интерес у опрошенных учащихся в г. Москве к выступлениям фольклорных коллективов. Только у 15% в 2016 г., 14% в 2011 г., 20% в 2001 г. и у 17% опрошенных в 1998 г. русских школь-

Таблица 26 часть 1.

Слушают радиопередачи на национальном языке (в %) [4, с. 149–150]

	Нальчик, 2002			Краснодар, 2001
	кабардинцы	балкарцы	русские	русские
Да	47	44	50	78
Нет	38	44	46	17

Таблица 26 часть 2.

Город/год/ национальность	Грозный, чеченцы		Назрань, ингуши	
	2002	2005	2001/2002	2005
Да	38	84	88	54
Нет	46	9	9	33

Таблица 27 часть 1.

Читают национальную литературу (в %)

	Нальчик, 2002			Краснодар, 2001
	кабардинцы	балкарцы	русские	русские
Да	57	89	54	84
Нет	30	11	46	15

Таблица 27 часть 2.

Город/ год/ национальность	Грозный, чеченцы		Назрань, ингуши	
	2002	2005	2001/2002	2005
Да	83	78	93	71
Нет	17	13	7	21

Таблица 28 часть 1.

Читают национальные газеты и журналы (в %)

	Нальчик, 2002			Краснодар, 2001
	кабардинцы	балкарцы	русские	русские
Да	42	56	57	81
нет	45	33	43	12

Таблица 28 часть 2.

Город/ год/ национальность	Грозный, чеченцы		Назрань, ингуши	
	2002	2005	2001/2002	2005
Да	50	75	88	25
Нет	50	22	12	58

ников в г. Москве вызывали интерес выступления фольклорных ансамблей. В г. Астрахани среди опрошенных учащихся не интересовались выступлениями фольклорных ансамблей 48% — в 1995 г., 52% — в 1996 г., 49% — в 1998 г., 52% — в 2001 г., 60% — в 2005 г., 56% — в 2008 г. и 61% — в 2011 г., 47% — в 2016 г., а в Ставрополе в 2002 г. — 64% опрошенных русских учащихся.

В других городах была зафиксирована следующая ситуация (табл. 29).

Невысока осведомленность о деятельности национально-культурных обществ. Такой информацией обладали 28% опрошенных ставропольских и 22% московских школьников в 1998 и 2001 гг.,

Таблица 29 часть 1.

Интересовались выступлениями фольклорных ансамблей (в %)

Город/год/ национальность	Грозный, чеченцы		Назрань, ингуши	
	2002	2005	2001/2002	2005
Да	75	72	88	33
Нет	21	13	9	33

Таблица 29 часть 2.

Город/год/ национальность	Иваново, 2005	Нальчик, 2002			Краснодар, 2001
	русские	кабардинцы	балкарцы	русские	русские
Да	15	62	100	39	27
Нет	64	19		46	54

Таблица 29 часть 3.

Махачкала, 2002	аварцы	даргинцы	лезгины	лакцы	кумыки	табасараны	русские
Да	50	44	23	55	50	20	40
Нет	37	44	54	36	25	80	55

из них лишь четверть принимала участие в работе данных обществ в 1998 г. и лишь 4% в 2001 г. в г. Москве и 7% в 2002 г. в г. Ставрополе. В 2018 г. в г. Москве утвердительно ответили, что знают о деятельности национально-культурных обществ, 26% опрошенных школьников, однако только 4% из них принимали участие в работе НКО.

В других регионах ситуация была несколько лучше (табл. 30–31).

Исследование показывает сложность процесса этнокультурного формирования школьной молодежи в полиэтничных регионах, что во многом обусловлено колоссальными изменениями, произошедшими в нашей стране в переходный и постсоветский период, и, как следствие — сменой ценностей и критериев в духовной сфере.

Таблица 30 часть 1.

Знают о национально-культурных обществах (в %)

	Грозный		Назрань		Нальчик		
	2002	2005	2001/ 2002	2005	2002		
	чеченцы		ингуши		кабардинцы	балкарцы	русские
Да	42	34	74	38	40	67	39
Нет	58	56	26	38			

Таблица 30 часть 2.

Астрахань	2005	2008	2011	2016	2005	2008	2011	2016
	русские				татары			
Да	45	48	28	40	54	56	50	50
Нет	38	52	55	39	29	44	20	39

Таблица 30 часть 3.

Русские	Иваново, 2005	Краснодар, 2001
Да		28
Нет	42	28

Таблица 30 часть 4.

Махачкала, 2002	аварцы	даргинцы	лезгины	лакцы	кумыки	табасараны	русские
Да	47	28	62	27	25	60	35
Нет	33	39	23	55	75	40	35

Таблица 31 часть 1.

Участвуют в работе национально-культурных обществ (в %)

	Грозный		Назрань		Нальчик		
	2002	2005	2002	2005	2002		
	чеченцы		ингуши		кабардинцы	балкарцы	русские
Да	42	3	74	13	40	67	39
Нет	48	97	26	67	60	33	61

Таблица 31 часть 2.

Махачкала, 2002	аварцы	даргинцы	лезгины	лакцы	кумыки	табасараны	русские
Да	23		8	9		40	40
Нет	77	100	92	91	100	60	60

Таблица 31 часть 3.

Астрахань	2005	2008	2011	2016	2005	2008	2011	2016
	русские				татары			
Да	11	18	3	8	9	18	10	25
Нет	89	82	97	91	91	82	90	75

Таблица 31 часть 4.

Русские	Иваново, 2005	Краснодар, 2001	
Да		13	28
Нет		87	72

Библиографический список

1. Как формировать толерантность в полиэтничных регионах / Учебное пособие под ред. Рубан Л.С. — Москва: Academia, 2013. 312 с.
2. Российское общество и вызовы времени / под ред. Горшкова М.К., рук. проекта, и Петухова В.В. — М.: ИС РАН, 2015. — С. 209.

3. Рубан Л.С. Молодежь в полиэтничном регионе: взгляды, позиции, ориентации / учеб. пособие. Астрахань: АГПУ, 1999. 92 с.
4. Рубан Л.С. Социализация молодежи в полиэтничных регионах (по материалам конкретных социологических исследований) // Формирование толерантности в полиэтничных регионах / Учебное пособие под ред. Рубан Л.С. — Москва: Academia, 2013. 335 с.

References

1. Kak formirovat' tolerantnost' v poliehtnichnyh regionah / Uchebnoe posobie pod red. Ruban L.S. — Moskva: Academia, 2013. 312 s.
2. Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni / pod red. Gorshkova M.K., ruk. proekta, i Petuhova V.V. — M.: IS RAN, 2015. — S. 209.
3. Ruban L.S. Molodezh' v poliehtnichnom regione: vzglyady, pozicii, orientacii / ucheb. posobie. Astrahan': AGPU, 1999. 92 s.
4. Ruban L.S. Socializaciya molodezhi v poliehtnichnyh regionah (po materialam konkretnyh sociologicheskikh issledovanij) // Formirovanie tolerantnosti v poliehtnichnyh regionah / Uchebnoe posobie pod red. Ruban L.S. — Moskva: Academia, 2013. 335 s.

Ризокулов Т.Р.,
Акрамов Ш.Ю.,
Акрамов Ф.Ш.

ВЛИЯНИЕ ТРУДОВОЙ ЭМИГРАЦИИ НА НАЦИОНАЛЬНЫЙ РЫНОК ТРУДА ТАДЖИКИСТАНА

INFLUENCE OF LABOUR EMIGRATION
ON NATIONAL LABOUR MARKET OF TAJIKISTAN

Ризокулов Туракул Резакулович, д. э. н., проф., e-mail: t_rizokulov@mail.ru
Акрамов Шариф Юлдашевич, к. соц. н., ведущий научный сотрудник ИСПИ
РАН, e-mail: sharif_akram@rambler.ru

Акрамов Фуркад Шарифович, соискатель ИСПИ РАН, e-mail:
akfusha@mail.ru

Rizokulov Turakul R., Dr.Econ.Sci., professor., e-mail: t_rizokulov@mail.ru
Akromov Sharif Yu., phd in sociology, leading researcher of ISPI RAS, e-mail:
sharif_akram@rambler.ru

Akromov Furkad Sh., applicant of ISPI RAS, e-mail: akfusha@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается развитие миграционных процессов в экономике Таджикистана в контексте их влияния на состояние национального рынка труда. Обоснованы закономерности развития миграции в мировой экономике, аргументированы причины эмиграции населения в другие страны. Анализировано основные показатели рынка труда в экономике Таджикистана. В частности: состояние и динамика трудовых ресурсов, занятости, неиспользованная часть рабочей силы, естественный и миграционный прирост. Определены природа причин миграции и их последствия на национальном рынке труда Таджикистана. Рассчитан коэффициент миграционной компенсации, отражающий характер влияния миграции на механизм спроса и предложения на таджикском рынке труда.

Abstract. In article development of migration processes in economy of Tajikistan in the context of their influence on a condition of national labor market is considered. Regularities of development of migration in world economy are proved, the reasons of emigration of the population to other countries are reasoned. Analyzed key indicators of labor market in economy of Tajikistan. In particular: state and dynamics of human resources, employment, unused part of labor, natural and migration increase. The nature of the reasons of migration and their consequence in national labor market of Tajikistan are defined. The coefficient of migration compensation reflecting the nature of influence of migration on the mechanism of supply and demand in the Tajik labor market is calculated.

Ключевые слова: миграция, эмиграция, трудящиеся-мигранты, рынок труда, занятость, спрос, предложение, зарубежный опыт, коэффициент миграционной компенсации.

Key words: migration, emigration, migrant workers, labor market, employment, demand, offer, foreign experience, coefficient of migration compensation.

Исследование проведено в рамках проекта РФФИ (грант 17-33-00059-ОГН ОГН-МОЛ-А1)

The research is conducted within the project of the Russian Federal Property Fund (a grant 17-33-00059-OGN OGN-MOL-A1)

Актуальность исследования. В современных условиях миграция рабочей силы в мировой экономике приобрела глобальный характер. Причины, обуславливающие миграцию, в условиях глобализации различны, но в большинстве своем носят социально-экономический характер. Реализация открытой экономической политики, усиление политико-экономических взаимоотношений и углубление интеграционных отношений предоставляют широкие возможности для мобильности всех факторов производства, в том числе и трудовых ресурсов.

Мировая практика свидетельствует, что преобладающей социальной группой в миграционных потоках, хотя и остаются рабочие с низкой квалификацией, постепенно увеличивается роль высококвалифицированных мигрантов (инженеры, врачи, ученые) [5]. Из развивающихся стран они перемещаются в развитые государства, где имеется возможность зарабатывать больше и лучше реализовывать свои профессиональные возможности. В миграционных потоках представлен и иной социальный слой — квалифицированные кадры. Следует отметить, что развитые страны, как США, Япония, страны ЕС активно поддерживают такую «утечку мозгов», стимулируют этот процесс высокой оплатой труда, предоставлением различных социальных льгот и широких возможностей для реализации научного потенциала высококвалифицированных мигрантов. Например, в Японии реализуются специальные меры по стимулированию притока иностранных ученых и инженеров в сферу информационной технологии, которые первоначально ограничивались лишь их привлечением в районы, охваченные структурной перестройкой, а с 2006 г. они стали применяться независимо от места работы этой категории мигрантов на территории страны. Во Франции, Великобритании, Бельгии составляются списки дефицитных профессий, представителям которых, например инженерам и техникам, облегчается получение разрешения на въезд и работу [6].

Опрос европейских предпринимателей, работавших в обрабатывающих, химических отраслях промышленности, в сферах информационных технологий, НИОКР и финансовых услуг в Германии, Франции, Великобритании и Нидерландах, проводимый институтом труда (IZA), выявил чрезвычайно высокую зависимость от иностранных профессионалов инновационных предприятий континента, особенно сферы НИОКР [4]. Согласно данным IZA, 61% фирм, занимающихся различного рода исследованиями и разработками, использовали для этого иностранных высококвалифицированных специалистов, то есть трудящихся-мигрантов. Исследуя зарубежный опыт развитых стран, можно согласиться с тем, что внешняя миграция благоприятно влияет не только на экономический рост этих стран в целом, но и вносит вклад в пополнение трудовых ресурсов и повышение эффективности функционирования рынков труда.

Факторы и тенденции эмиграции из Таджикистана. Неотъемлемым спутником рыночных реформ в Таджикистане была и остается активная трудовая эмиграция за границу, которая активизировалась в конце 1990-х гг., когда вынужденные мотивы эмиграции, связанные с гражданской войной, сменились социально-экономическими факторами. Повышение миграционной мобильности населения Таджикистана было связано с неудовлетворенностью значительной части населения социально-экономическими условиями и желанием обеспечить себя и свою семью достойной материальной составляющей. Из-за невозможности найти хорошо оплачиваемую работу в Таджикистане, многие были вынуждены искать ее за пределами страны. Лидерами среди стран СНГ по уровню заработной платы в 2016 году являлись Казахстан (568 долл. США), Россия (561 долл. США), Азербайджан (453 долл. США) и Беларусь (413 долл. США) (см. табл. 1). Отличия в уровне заработной платы в евразийском пространстве обуславливают трудовую миграцию из многих стран бывшего СССР в Россию и Казахстан

В большинстве своем трудящиеся-мигранты из стран СНГ, в том числе из Таджикистана, пока ориентированы на Россию, что означает наличие высокого спроса на их труд на российском рынке труда. Мигранты из стран Центральной Азии, в том числе из Таджикистана, в основном работают в сфере строительных работ, обработки пищевых продуктов, уборке улиц, доставке товаров, химчистке, торговле, уходе за детьми и больными, сельском хозяйстве, сфере обслуживания и общественного питания. Также среди таджикских мигрантов последние годы растет число лиц, работающих в науч-

Таблица 1.

Среднемесячная номинальная заработная платы работников в некоторых странах СНГ в 2016 г., в эквиваленте долларов США

Показатели	Страны								
	Россия	Казахстан	Азербайджан	Украина	Беларусь	Армения	Молдова	Кыргызстан	Таджикистан
Месячная зарплата (в среднем за год)	561	568	453	193	413	359	245	209	143

ных, медицинских и образовательных учреждениях, высокотехнологических отраслях, в сфере информационно-инновационных технологиях и т. д.

Еще один важный фактор эмиграции — демографический дисбаланс. Значение коэффициента естественного прироста составило — 24,1 (см. табл. 2). Это означает, что трудовые ресурсы возраста до тридцати лет требуют большего количества рабочих мест на рынке труда. Поэтому компенсировать дисбаланс между спросом и предложением рабочей силы удастся только за счет эмиграции молодежи за границу. В годы рыночных реформ в Таджикистане наблюдалась «хроническая» миграционная убыль населения, то есть отток рабочей силы. Однако, по сравнению со многими странами мира в Таджикистане естественный прирост вполне может среднесрочной перспективе обеспечить рост предложения на рынке труда в условиях старения населения. И хотя эмиграция населения сегодня является массовой, порой единственным решением проблем безработицы и занятости в экономике Таджикистана, на фоне надвигающегося старения Таджикистан будет в более благоприятной ситуации.

С одной стороны, трудовая эмиграция оказывает существенное содействие трудоустройству населения за границей, что снижает напряженность на национальном рынке труда и обеспечивает приток денежных переводов в Таджикистан. Доходы трудовых мигрантов на протяжении уже двух десятилетий являются одним из важных финансовых источников сокращения бедности, поддержания уровня жизни домохозяйств, основной развития местной экономики: они используются как инвестиции в бизнес, для строительства жилья, организации свадеб, ремонта дорог и систем водоснабжения и пр. Развитие экономики Таджикистана

последних лет нельзя представить без вклада доходов трудовых мигрантов.

Но, с другой стороны, активная эмиграция нанесла большой урон республике с точки зрения потери высококвалифицированных кадров, русскоязычного населения и особенно русских преподавателей. Их массовый отток в 1990-е гг. привел к тому, что в Таджикистане была потеряна русскоязычная среда и сократилось использование русского языка. В результате, в настоящее время большинство таджикских мигрантов не знают русского языка на достаточном уровне, а это в свою очередь создает дополнительные барьеры на пути их адаптации в российское общество. Между тем уже несколько лет в России действуют правила, по которым трудящиеся-мигранты для получения патента, должны иметь сертификат, подтверждающий знание русского языка, российской истории и основ законодательства России.

Без возвращения русского языка в Таджикистан, к сожалению, нельзя будет говорить об успешной интеграции таджикских мигрантов в российское общество. Таджикистанский ученый Р.У. Ульмасов справедливо считает, что «...полномасштабная деятельность по сохранению русского языка и русской культуры в информационном, образовательном и культурном пространстве Содружества, может быть осуществлена при поддержке и участии преподавателей — носителей русского языка, способных готовить трудовых мигрантов в совершенстве владеющих русским языком. Создание универсальных учебников ускоренного курса по обучению русскому языку, как неродному, для разновозрастных учащихся с разным уровнем владения русским языком, кооперация в области учебного книгоиздания и производство средств обучения. Внедрение системы онлайн в изучении русского языка» [3]. Знание русского языка мигрантами имеет множество позитивных аспектов, в частности, позволяет гораздо быстрее погружаться в культуру России, осваивать прогрессивные технологии, повышать образовательный уровень и профессиональную квалификацию.

Влияние эмиграции на рынок труда и занятость населения в Таджикистане. Постепенно трудовая эмиграция из Таджикистана преобразовалась в инструмент, существенно воздействующий на механизм спроса и предложения на национальном рынке труда. Прежде всего, трудовая эмиграция «вымывает» с национального рынка труда не только ученых, инженеров, специалистов, но и молодежь, которая могла бы внести вклад в развитие экономики Таджикистана. Под воздействием эмиграции

на национальном рынке труда существенно меняются конъюнктура спроса и предложения. Данные о состоянии трудовых ресурсов и занятости в экономике Таджикистана представлены в таблице 2.

По официальным данным, численность трудовых ресурсов в экономике Таджикистана составляет 5111 тыс. чел. Количество занятых — 2380 тыс. чел., что составляет 48% общей численности трудовых ресурсов. Таким образом, численность недоиспользованной рабочей силы в экономике составляет 2674 тыс. человек, или 52,3% трудовых ресурсов. Все это подтверждает наличие «излишков» рабочей силы на национальном рынке труда. Если предположить, что объем занятости есть объем спроса, то в этом случае превышение уровня предложения трудовых ресурсов над спросом составляет более чем 2 раза. Решить вопрос избытка рабочей силы над спросом можно за счет активизации экономической деятельности в обществе, создания новых рабочих мест и ввода новых производственных мощностей. Этот подход требует больших инвестиций, и в краткосрочной перспективе осуществить намеченное будет трудно, поскольку сегодняшние крупные инвестиции в производственный сектор дадут эффект в долгосрочном аспекте. Следовательно, в решении проблем занятости, эмиграция пока еще будет продолжает играть существенную роль.

Таблица 2.

**Динамика некоторых показателей рынка труда и занятости
Таджикистана в 2005–2015 гг. [2]**

Год	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Трудовые ресурсы, тыс. человек	3893	4530	4664	4796	4859	4983	5111
Занятое население, тыс. человек	2112	2233	2249	2291	2307	2325	2380
Доля занятого населения, % трудовых ресурсов	54	49	49	48	47	47	47
Недоиспользование рабочей силы в экономике, тыс. человек	1739	2250	2361	2449	2497	2601	2674
Коэффициент естественного прироста на 1000 населения	21,8	27,3	24,4	23,2	22,0	23,8	24,1
Число прибывших, тыс. человек	18,0	29,6	32,9	33,8	36,3	39,6	35,3
Число выбывших, тыс. человек	27,3	36,1	37,2	38,9	40,3	45,3	40,1
Миграционный прирост, тыс. человек	-9,3	-6,5	-4,3	-5,1	-4,0	-5,7	-4,8

Влияние эмиграции на рынок труда Таджикистана может быть оценено как с точки зрения спроса, так и предложения. В современной экономической научной литературе много написано о характере взаимоотношений между миграцией и рынком труда. В частности, российские ученые О.Д. Воробьева и А.В. Топилин в одной из работ отмечают, что «...специальных показателей очень много. Например, коэффициент миграционной компенсации (КМК), который отражает вклад миграции в изменении общей численности населения. Чаще всего он рассчитывается как отношение величины миграционного прироста (или сальдо миграции) к показателю естественной убыли населения (а это разница между числом родившихся и числом умерших)» [1].

Таблица 3.

**Коэффициент миграционной компенсации (КМК)
в экономике Таджикистана в 2000–2015 гг.**

Год	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Значение КМК	-0,80	-0,56	-0,34	-0,23	-0,30	-0,26	-0,33	-0,29

Используя данную методику, мы произвели оценку степени влияния миграции на состояние рынка труда в Таджикистане. Значение коэффициента миграционной компенсации в экономике Таджикистана в 2000 г. свидетельствует, что почти 80% избыточной рабочей силы в Таджикистане нашли применение за границей, то есть практически только счет эмиграции снималось напряжение на рынке труда страны. В 2015 г. коэффициент стал равен 29%, что означает, что только каждый третий находил себе работу за пределами страны, становясь трудящимся-мигрантов. Отсюда исходит, что хотя трудовая эмиграция в Таджикистане и имеет существенное влияние на снижение напряженности на рынке труда, но роль ее в этом процессе постепенно сокращается.

Заключение. Влияние миграции на национальный рынок труда Таджикистана многогранно и имеет существенное значение в решении социально-экономических проблем общества. Для эффективного регулирования миграционных процессов Таджикистану рекомендуется использовать опыт некоторых стран по осуществлению комплекса мероприятий, направленных на создание достойных рабочих мест у себя на родине, стимулирования процессов производства и обеспечение конкурентоспособности отечественной продукции на мировом рынке (например, Филиппин, Мексики и др.). Необходимо более активно реализовывать

государственную поддержку молодых специалистов, поддерживать научную деятельность, а также усиливать применение молодежи в экономике страны. Хотя трудовая эмиграция и является массовым явлением для Таджикистана, очевидно, что роль ее для рынка труда и развития экономики в современных условиях меняется. На современном этапе возрастает роль квалификации и профессиональной подготовки трудовых ресурсов, сохранение здоровья населения, участвующего в миграции. Поэтому и подходы к регулированию рынка труда, занятости и трудовой миграции государства должны трансформироваться.

Библиографический список

1. Воробьева О.Д, Топилин А.В. Многоликая миграция. — М.: Изд-во «Эконинформ», 2014.
2. Таджикистан 25-лет государственной независимости / Статистический сборник. — Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2016.
3. Ульмасов Р.У. Развитие государственного регулирования временной трудовой эмиграции из Таджикистана в Российскую Федерацию // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. — М., 2010.
4. Цапенко И.П. Международная миграция ученых и студентов: возможности государственной политики // Вопросы государственного и муниципального управления. — № 2–3, 2007.
5. Чернов А.С. Влияние трудовой миграции на региональный рынок труда // Вестник МГТУ. — Том 15, № 1, 2012.
6. Шарипова А.Г. Стимулирование притока интеллектуальных мигрантов (опыт развитых стран) // Материалы республиканской научно-практической конференции «Социально-экономические проблемы совершенствования системы управления трудом в Республике Таджикистан». — Душанбе: Изд-во «Товус», 2013.

References

1. Vorob'eva O.D, Topilin A.V. Mnogolikaya migraciya. — M.: Izd-vo «EHkon-inform», 2014.
2. Tadjhikistan 25-let gosudarstvennoj nezavisimosti / Statisticheskij sbornik. — Dushanbe: Agentstvo po statistike pri Prezidente Respubliki Tadjhikistan, 2016.
3. Ul'masov R.U. Razvitie gosudarstvennogo regulirovaniya vremennoj trudovoj ehмиграции из Tadjhikistana v Rossijskuyu Federaciju // Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora ehkonomicheskikh nauk. — M., 2010.

4. Capenko I.P. Mezhdunarodnaya migraciya uchennyh i studentov: vozmozhnosti gosudarstvennoj politiki // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. — № 2–3, 2007.
5. CHernov A.S. Vliyanie trudovoj migracii na regional'nyj rynek truda // Vestnik MGTU. — Tom 15, № 1, 2012.
6. SHaripova A.G. Stimulirovanie pritoka intellektual'nyh migrantov (opyt razvityh stran) // Materialy respublikanskoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Sotsial'no-ehkonomicheskie problem sovershenstvovaniya sistemy upravleniya trudom v Respublike Tadjikistan». — Dushanbe: Izd-vo «Tovus», 2013.

Воробьева О.Д.

ВНУТРЕННЯЯ ВРЕМЕННАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ: НЕОБХОДИМОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ

INTERNAL TEMPORAL WORK MIGRATION IN RUSSIA:
THE NEED AND POSSIBILITY OF STUDYING SOCIAL EFFECTS

Воробьева Ольга Дмитриевна, доктор экономических наук, профессор, кафедра демографической и миграционной политики МГИМО МИД России, Москва (Россия), e-mail 89166130069@mail.ru
Vorobeva Olga Dmitrievna, Doctor of Economics, Professor, Department of Demographic and Migration Policy, MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow (Russia), e-mail 89166130069@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены некоторые гипотезы изменения ролевых функций членов домохозяйств временных внутренних трудовых мигрантов в Российской Федерации. Проведена проверка необходимости и подходов к исследованию социальных последствий «отходничества» в форме пилотного социологического обследования. По полученным данным проведена первичная оценка последствий данного явления для перспектив демографического и социального развития социальных групп, в которых распространена временная внутренняя трудовая миграция. Определены возможности и предложены дальнейшие направления и методы исследования.

Abstract. Some hypotheses of changing the role functions of members of households of temporary internal labor migrants in the Russian Federation are considered. A check was made of the necessity and approaches to the study of the social consequences of «otkhodnichestvo» in the form of a pilot sociological survey. According to the data obtained, an initial assessment of the consequences of this phenomenon has been carried out for the prospects for the demographic and social development of social groups in which temporary internal labor migration is widespread. Opportunities were identified and further research directions and methods proposed.

Ключевые слова: внутренняя временная трудовая миграция, домохозяйство, рынок труда, социальные, демографические последствия, отходничество.

Key words: internal temporary labor migration, labor market, household, social, demographic consequences, evacuation.

Российские региональные рынки труда все больше и больше подталкивают трудовые ресурсы к временной внутренней тру-

довой миграции, выталкивают население для поиска заработков в регионы с наиболее емкими рынками труда. Масштабы этого вида миграции намного значительнее, чем это следует из официальных статистических данных, опирающихся на выборочные обследования домохозяйств. Данные обследования указывают на основные регионы, население которых покидает свои населенные пункты, в поисках работы, и на направления, по которым происходят процессы внутренней временной трудовой миграции российского населения.

В условиях рыночной экономики, движение рабочей силы вслед за движением капиталов и рабочих мест процесс естественный. Однако оно, как правило, сопровождается переселением населения на новое постоянное место жительства. Российская специфика заключается в том, что дисбаланс на региональных рынках труда между спросом и предложением рабочей силы, разрывы в оплате труда и стоимостью жизни, подталкивают российские трудовые ресурсы к поиску рабочих мест, отдаленных от мест постоянного проживания и не сопровождаются переселением. Смена места постоянного жительства затруднена в связи с неразвитостью рынка жилья. Периоды отсутствия взрослых членов семьи становятся все более длительными, по мере увеличения территориальной отдаленности рабочего места. Это показано в исследованиях, тематику которых можно обобщенно охарактеризовать, как исследования «отходничества», проводимых в последние годы различными научными коллективами [1–9]. Как показано в этих исследованиях, в силу ряда объективных причин, на территории России, наряду с процессами переселения, как и более ста лет назад, параллельно развивается «отходничество» как специфическая форма соединения труда и капитала.

Однакотрансформация всего уклада жизни домохозяйств, ролевые функции членов домохозяйств, которые постепенно изменяются под влиянием новых обстоятельств отдаленной занятости, недостаточно изучены и оценены. Длительное (периодическое в течение рабочей недели, месяца, эпизодическое на менее и более длительные периоды времени) отсутствие взрослых трудоспособных членов домохозяйств, одного или сразу нескольких, не может не повлиять на весь внутрисемейный уклад жизни. Каковы эти трансформации, как они меняют функции взрослых членов домохозяйств (как уезжающих на заработки, так и остающихся дома), каковы социальные последствия изменения взаимоотношений ответственности всех членов семьи.

В текущем 2018 г. была предпринята попытка проведения пилотного социологического опроса для определения наиболее

сложных формирующихся трансформаций во внутрисемейных отношениях в домохозяйствах, которые имеют в своем составе трудового мигранта, с достаточно продолжительным опытом регулярных поездок к месту работы за пределы населенного пункта, в котором постоянно проживает.

Был разработан инструментарий, для выявления и последующей оценки социальных последствий для домохозяйств, которые влекут за собой изменения взаимоотношений и ответственности всех членов семьи российского временного трудового мигранта, влияния новых, изменившихся функций взрослых членов семьи, воздействия на процессы естественного движения, психологические изменения взаимоотношений в семьях, формирование личностей детей и их воспитание.

Вопросы анкеты углубленного интервью были направлены на поиск ответов о появлении на уровне домохозяйства, новых специфических проблем, с которыми сталкиваются как уезжающие на заработки, так и остающиеся члены семьи. В первую очередь проблемы социального характера, связанные с длительным отсутствием одного или двух родителей, отсутствием непосредственных контактов с детьми как младшего, так среднего и старшего, подросткового возраста. Как изменяется уклад жизни, воспитание и развитие детей в условиях отсутствия постоянного взаимодействия со старшими членами семьи, в первую очередь родителями. Оказывает ли влияние трудовая маятниковая миграция на создание семейных пар и продолжительность брачных союзов? Меняются ли функции членов семьи в результате большей или меньшей оторванности от повседневных бытовых проблем и как они решаются в условиях отсутствия главы или второго члена семьи? Приводит ли необходимость большей самостоятельности к укреплению и взаимному повышению ответственности в домохозяйстве? Каковы чисто демографические последствия длительного раздельного проживания сложившихся семейных пар и создания новых? В качестве главного был поставлен вопрос: «Семья российского временного трудового мигранта: трансформация или деформация?»

Для проведения исследования было решено провести опрос в форме углубленного интервью в нескольких регионах в разной степени удаленных от основного центра притяжения внутренних трудовых мигрантов. В качестве основного персонала для проведения интервью выступили студенты-бакалавры 4 курса и магистры 2 курса Высшей школы современных социальных наук (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова, чьи семьи постоянно проживают в регионах, отобранных для проведения исследования.

Интервью были проведены: во Владимирской области (город Кольчугин — 11 интервью), Ростовской области (14), Кабардино-Балкарии (4), Республике Северная Осетия-Алания — (6), Чеченская республика (3), Чувашской республике (Чебоксары — 9 интервью и город Алатырь — 5 интервью). Анкета состояла из 28 вопросов, 7 из которых поставлены в открытой форме. Кроме того, был использован метод интернет-опроса, в котором приняло участие 25 респондентов, отвечающих социально-демографическим критериям опроса.

Полученные первые результаты проведенных интервью, практически подтвердили выдвинутые гипотезы о том, временная трудовая миграция в социальном плане неэффективная форма занятости населения, которая негативно влияет практически на все основные условия социально-демографического благополучия.

В демографическом плане:

— откладывание вступления в брак (главным образом со стороны мужчин);

— расторжение брака по причине ослабления контактов между супругами;

— распад молодых семей в связи с ростом недоверия друг к другу из-за длительного раздельного проживания;

— откладывание рождения или отказ от рождения детей.

Воспитание и развитие детей:

— ослабление распределения родительских обязанностей и соответствующее усиление нагрузки на остающихся членов семьи при наличии малолетних детей;

— ослабление контроля за успеваемостью и поведением детей в средней школе и средних профессиональных учебных заведениях;

— ослабление влияния родителей на формирование морально-нравственных ценностей в сознании детей, развитие в качестве норм асоциальных форм поведения;

Внутрисемейные отношения:

— ослабление авторитета и влияния на принятие ответственных решений со стороны временно отсутствующего главы или члена семьи;

— деформация внутрисемейной модели распределения сферы обязанностей и ответственности между взрослыми членами семьи при решении наиболее важных проблем для функционирования и устойчивости семьи;

Практически не отмечалось роста самостоятельности, ответственности и взросления детей в семьях трудовых мигрантов, компенсирующего перечисленные негативные явления. Получен-

ные результаты, которые носят характер поиска наиболее важных направлений дальнейших исследований, подталкивают к мысли о необходимости их углубления и детализации. Для подтверждения или опровержения полученных результатов первых пилотных интервью, необходимо проведение дополнительных более массовых обследований, в большем количестве регионов и с большим географическим горизонтом, с использованием разнообразного социологического инструментария.

Инструментарий исследования должен включать: углубленные интервью членов домохозяйств, имеющих длительный опыт работы в регионах, отдаленных от постоянного места жительства; интервью с членами домохозяйств, выполняющих функции главы семьи на время длительного отсутствия работающего члена семьи; фокус-группы персонала педагогов и психологов детских дошкольных и школьных учреждений и др. В качестве репрезентативных, могут быть отобраны 8–10 регионов, в разной степени удаленности от основного центра притяжения внутренних трудовых мигрантов — Москвы и Московской области.

Библиографический список

1. Зайончковская Ж.А. Трудовая миграция в СНГ с позиций общества, семьи, личности, О.Д. Воробьева (ред.), Миграция населения. Вып. 2: Трудовая миграция в России. Приложение к журналу «Миграция в России». М.: Министерство по делам федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации, 2001: с. 3–27.
2. Кордонский С.Г. Административно-территориальная структура России и ее ресурсно-сословная основа, Мир России: Социология, этнология, 2009, 18 (3): с. 3–38.
3. Мкртчян Н.В. Внутренняя миграция: великое прошлое и скромное будущее, Россия перед лицом демографических вызовов. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. 2008. М.: UNDP, 2009: с. 80–96.
4. Нефедова Т.Г. Отходничество в системе миграций в постсоветской России. Предпосылки, Демоскоп Weekly, 641–642, 4–17 мая 2015. [<http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0641/demoscope641.pdf>].
5. Нефедова Т.Г. Отходничество в системе миграций в постсоветской России. Гео графия, Демоскоп Weekly, 643–644, 18–31 мая 2015. [<http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0643/demoscope643.pdf>].
6. Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. Отходники. М.: «Новый хронограф», 2013.
7. Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н., Плюснин Ю.М. Несоответствие работы полученному образованию: случай современных российских отходников, Социология образования, 2015, 12: с. 36–52.

8. Флоринская Ю.Ф. Новые формы занятости населения малых российских городов, О.Д. Воробьева (ред.), Миграция населения. Вып. 2: Трудовая миграция в России. Приложение к журналу «Миграция в России». М.: Министерство по делам Федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации, 2001: с. 67–78.
9. Флоринская Ю.Ф. Трудовая миграция из малых российских городов как способ выживания, Социологические исследования, 2006, 6: с. 79–87.

References

1. Zayonchkovskaya J.A. Labor migration in the CIS from the standpoint of society, family, personality, and Vorobyov (ed.), Migration of the population. Issue 2: Labor migration in Russia. Supplement to the journal «Migration in Russia». M.: Ministry of Federal Affairs, National and Migration Policy of the Russian Federation, 2001: с. 3–27.
2. Kordonsky S.G. Administrative-territorial structure of Russia and its resource and estate basis, World of Russia: Sociology, Ethnology, 2009, 18 (3): с. 3–38.
3. Mkrtchyan N.V. Internal migration: a great past and a modest future, Russia in the face of demographic challenges. Human Development Report in the Russian Federation. 2008. M.: UNDP, 2009: с. 80–96.
4. Nefedova T.G. Care in the migration system in post-Soviet Russia. Background, Demoscope Weekly, 641–642, May 4–17, 2015. [<http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0641/demoscope641.pdf>].
5. Nefedova T.G. Care in the migration system in post-Soviet Russia. Geography, Demoscope Weekly, 643–644, May 18–31, 2015. [<http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0643/demoscope643.pdf>].
6. Plyusnin Yu.M., Zausaeva Ya.D., Zhidkevich N.N., Pozanenko A.A. Waste workers. M.: «New Chronograph», 2013.
7. Pozanenko A.A., Zhidkevich N.N., Plyusnin Yu.M. Discrepancy between the work and the education received: the case of modern Russian otkhodnik, Sociology of education, 2015, 12: p. 36–52.
8. Florinskaya Yu.F. New forms of employment of the population of small Russian cities, OD. Vorobyov (ed.), Migration of the population. Issue 2: Labor migration in Russia. Supplement to the journal «Migration in Russia». M.: Ministry of Federal Affairs, National and Migration Policy of the Russian Federation, 2001: с. 67–78.
9. Florinskaya Yu.F. Labor migration from small Russian cities as a way of survival, Sociological studies, 2006, 6: с. 79–87.

Шевцова Т.В.,
Красинец Е.С.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТРУДОВЫМИ РЕСУРСАМИ ТЕРРИТОРИЙ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

MIGRATION PROCESSES IN THE FAR EAST AND PROVIDING
TERRITORIES OF ADVANCED SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT
WITH LABOR RESOURCES

Шевцова Татьяна Васильевна, кандидат экономических наук, ИСЭПН РАН, Москва (Россия), e-mail: gildenberg@yandex.ru
Красинец Евгений Семенович, кандидат экономических наук, ИСЭПН РАН, Москва (Россия), e-mail: e_krasinets@mail.ru
Tatyana V. Shevtsova, Cand. Sc. (Econ.), Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia), e-mail: gildenberg@yandex.ru
Evgeny S. Krasinets, PhD (Economics), Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia), e-mail: e_krasinets@mail.ru

Аннотация. В докладе рассмотрен комплекс фундаментальных проблем развития российского Дальнего Востока в контексте обеспечения региональной экономики необходимыми трудовыми ресурсами. Проанализированы основные направления и особенности развития миграционной ситуации в регионе. Особое внимание уделено анализу проблем формирования и реализации на Дальнем Востоке миграционной политики. Конкретизированы возможные пути и решения в области повышения миграционной привлекательности восточных территорий. Дано развитие задач, относящихся к комплексу нерешенных проблем в области привлечения и использования иностранных трудовых мигрантов.

Abstract. The report reviewed the complex of fundamental problems of the Russian Far East development in the context of providing the region's economy with the necessary labor resources. The main directions and development characteristics of the migration situation in region are analyzed. Special attention is paid to the analysis of problems of formation and realization in the Far East of the migration policy. The possible ways and solutions in the area of increasing the migration attractiveness of eastern territories are specified. The development of tasks related to the complex of unresolved problems in the field of attracting and using foreign labor migrants was given.

Ключевые слова: Дальний Восток, миграция, рынок труда, трудовая миграция, миграционная политика.

Key words: Far East, migration, labour market, labor migration, migration policy.

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 17-06-00565

The study was conducted with support from RFBR grant № 17-06-00565

Дальний Восток — стратегически важная территория Российской Федерации, ее определяет большой экономический и социальный потенциал. Регион является определяющим с точки зрения геополитического расположения, наличия огромных сырьевых запасов, социально-экономического сотрудничества со странами АТР. Развитие Дальнего Востока стало национальным приоритетом устойчивого экономического роста всей Российской Федерации на ближайшие годы и период долгосрочной перспективы.

Показатели экономического роста Дальнего Востока превышают общероссийские темпы. Через механизмы территорий опережающего развития (ТОР) набирает обороты ввод новых предприятий, наблюдается возрастающая динамика промышленного производства. На территории ДФО идет реализация целого ряда федеральных и региональных проектов и программ, растет объем инвестиций в экономику.

Главными проблемами, сдерживающими экономическое развитие Дальнего Востока, являются неблагоприятная демографическая ситуация, многолетний масштабный отток населения и связанный с ним дефицит трудовых ресурсов. В этой связи в современном развитии дальневосточной части России особую актуальность приобретают рассмотрение комплекса вопросов функционирования рынка труда, миграции и миграционной политики.

Особенности развития регионального рынка труда

Экономическое развитие и функционирование дальневосточного рынка труда происходит под воздействием диспропорций между спросом на рабочую силу и ее предложением. Во всех территориях Дальневосточного региона отмечается явный неудовлетворенный спрос на труд, не хватает специалистов нужных компетенций, ощущается острый дефицит кадров, отчасти восполняемый за счет привлечения и использования иностранных работников.

В условиях оживления экономики возрастает потребность в квалифицированных работниках строительной отрасли (например, по таким профессиям, как строители-высотники, монтажники-высотники, рабочие на подземных разработках, гидромонтажники и др.), на предприятиях промышленности (прежде всего в деревоперерабатывающей, рыбной, горнорудной и легкой), а также в сельском хозяйстве. Сохраняется большое количество свободных рабочих мест в таких малопривлекательных для местной рабочей силы сферах занятости, как дорожное строительство, ремонтные работы, благоустройство и др. В целом на одного безработного в регионе приходится три вакансии.

За счет формирования и использования новых инструментов хозяйственного освоения Дальнего Востока в регионе происходит масштабное формирование новых рабочих мест. В ближайшие годы потребность в дополнительных рабочих руках возрастет, поскольку ожидается ускоренный рост (на 40–130%) в сфере добычи угля и торфа, судостроении и судоремонте, нефте- и газодобыче, в химической промышленности и газопереработке. В перспективном периоде до 2025 г. только для реализации инвестиционных проектов на территориях опережающего развития потребуется привлечь свыше 200 тыс. специалистов. Еще около 100 тыс. новых рабочих мест появится в связи с реализацией проекта свободного порта г. Владивосток.

Миграционные процессы в формировании населения и рынка труда Дальнего Востока

Миграция в Дальневосточном регионе выполняет значительную роль в формировании демографического потенциала. Миграционный отток за пределы ДФО является главным фактором сокращения численности населения в макрорегионе. Только в 2017 г. миграционный отток в регионе составил 17,1 тыс. человек, или 98,4% от общей убыли демографического потенциала Дальнего Востока [5]. В межрегиональной миграции Дальний Восток является важным донором населения для других регионов России [3, с. 143].

Все субъекты РФ, входящие в ДФО, в настоящее время характеризуются миграционными потерями населения. Наибольшие потери населения за счет миграционного оттока несут Республика Саха (Якутия), Амурская область и Приморский край. В расчете на 1000 населения самыми большими миграционными потерями населения характеризуются Чукотский автономный округ, Еврей-

ская автономная область и Камчатский край. По данным Росстата, за последние пять лет (2013–2017 гг.) в результате миграционного оттока численность населения Дальнего Востока уменьшилась почти на 80 тыс. человек.

Результатами отрицательного миграционного сальдо является не только сокращение общей численности населения Дальнего Востока, но и ухудшение его структуры, снижение демографического, трудового и инновационного потенциала этой важнейшей территории. Происходит постепенное замещение местного населения за счет мигрантов из стран СНГ [4, с. 12].

Возрастающий недостаток кадров в ряде производств по отдельным профессиям и специальностям, определенные несоответствия между потребностью в рабочей силе и наличием трудовых ресурсов в территориальном и отраслевом разрезах делают привлечение и использование иностранной рабочей силы на Дальнем Востоке неременным условием его нормального экономического развития. По данным официальной статистики, в 2016 г. в Дальневосточный федеральный округ на работу прибыло 154,7 тыс. зарегистрированных трудовых мигрантов.

В пределах Дальнего Востока иностранная рабочая сила распределяется неравномерно. Самым крупным потребителем иностранной рабочей силы является Приморский край, в который на работу прибыло 28,8% от общей численности трудовых мигрантов, привлеченных в экономику Дальневосточного региона. Вторым по привлекательности для иностранных работников является Хабаровский край, в который прибыло 18,5% от общего количества иностранных трудовых мигрантов в макрорегионе. На третьем месте — Республика Саха (Якутия), на которую приходится 17,9% иностранных граждан от общей численности привлеченной в 2016 г. на Дальний Восток иностранной рабочей силы.

Следует отметить, что в последние годы благодаря принятым на федеральном и региональных уровнях мерам масштабы регистрируемой численности иностранных трудовых мигрантов в регионе стали сокращаться. В период 2014–2016 гг. в ДФО численность иностранных граждан, имевших действующие разрешения на работу, сократилась с 70,9 тыс. человек до 30,1 тыс. человек, то есть в 2,4 раза, а количество трудовых мигрантов, имевших патент на осуществление трудовой деятельности, уменьшилось с 62,8 тыс. человек до 43,2 тыс. человек, или почти на треть. Официально привлекаемая рабочая сила из-за рубежа — это только видимая часть айсберга. Основная часть трудовых мигрантов на-

ходится в тени, формируя процессы незаконной миграции и латентной занятости иностранной рабочей силы.

Последствия привлечения иностранной рабочей силы в экономику региона имеют как положительные, так и отрицательные эффекты. В условиях сокращения численности трудоспособного населения использование трудовых мигрантов из-за рубежа усиливает ресурсный потенциал экономического роста, прямо и косвенно способствует развитию сферы производства товаров и услуг. Трудовые мигранты стимулируют рост инвестиций, с их помощью реализуются инвестиционные проекты с участием иностранного капитала, используются современные технологии в строительстве, развиваются новые виды бизнеса, обеспечивается стабильное функционирование важнейших секторов экономики на территориях опережающего социально-экономического развития. В результате притока постоянных и временных мигрантов решаются многие экономические проблемы макрорегиона, улучшается сбалансированность регионального рынка труда, компенсируется недостаток рабочей силы. Присутствие на дальневосточном рынке труда иностранной рабочей силы оказывает благоприятное воздействие на уровень инфляции путем снижения издержек производства и сдерживания роста себестоимости продукции.

С другой стороны, нелегальная трудовая миграция имеет отрицательные социально-экономические последствия для региона, выражающиеся в расширении сектора теневой экономики и усилении криминализации общества. Негативные последствия связаны с вывозом капитала из страны, хищническим использованием ресурсов, обострением конкуренции на рынке труда, незаконной занятостью мигрантов. На Дальнем Востоке активизируется процесс замещения местного населения иммигрантами из сопредельных государств, наблюдается их активное участие в экономической жизни региона, усиливается влияние некоторых этнических общин иммигрантов (китайской, корейской и вьетнамской) на сферу занятости, расширяется нелегальное проникновение иностранной рабочей силы, растут масштабы латентной занятости трудовых мигрантов. Особенно проблемной миграционная ситуация является для приграничных территорий Дальнего Востока.

Миграционная политика и проблемы регулирования миграционных процессов

В мероприятиях по реализации Концепции **демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г.** поставлена

задача к 2021 г. выйти на положительный миграционный прирост населения [2]. В основных направлениях миграционной политики «задача номер один: прекратить отток местного населения» [1, с. 10].

Основной разработкой мер по сокращению миграционного оттока населения являются оценка и учет мнений жителей макрорегиона о факторах, стимулирующих их миграционные настроения, и мерах по повышению уровня и улучшению качества жизни, которые должны обеспечить условия для повышения миграционной привлекательности восточных территорий и привлечения населения на Дальний Восток.

Как показал проведенный нами в августе 2018 г. социологический опрос жителей Владивостока, Артема и Уссурийска (N=500), основными факторами, формирующими негативные миграционные настроения жителей Дальнего Востока, являются уровень доходов (37.6%), слабое развитие социальной инфраструктуры (23.2%), жилищные условия (22.4%), отсутствие разнообразия культурной жизни (18.8%), состояние системы здравоохранения (15.6%), качество образовательных услуг (10.4%). Важными в выборе стратегии миграционного поведения оказываются также отсутствие перспектив для жизни в местах постоянного проживания (17.2%), некомфортность окружающей среды (14%), оторванность от европейской части и центра России (14.0%), необходимость решения личных и семейных проблем (7.2%).

Отвечая на вопрос о том, что необходимо в первоочередном порядке предпринять, чтобы сократить убыль населения и сделать Дальний Восток привлекательным для приезда жителей из других регионов России, были получены следующие ответы (%) (табл. 1.)

В создании условий для комфортной жизни в регионе и притока новых жителей большое значение имеют ТОРы, свободные порты, инвестиционные проекты, которые создают новые рабочие места. Большинство опрошенных знают о том, что такое территории опережающего развития на Дальнем Востоке, но вместе с тем, информированность населения о ТОРах неполная. Доля тех, кто хорошо представляет, что такое территории опережающего развития и каково их значение составляет 13%, 54% респондентов что-то слышали о них и около трети впервые услышали о ТОРах в ходе опроса.

Большая часть опрошенных утвердительно ответила на вопрос, приведет ли создание территорий опережающего развития в среднесрочной перспективе к повышению уровня жизни и закреплению населения на Дальнем Востоке (44%). Однако около чет-

Таблица 1.

увеличить реальные и номинальные доходы населения в размерах, превышающих среднероссийский уровень не менее чем в 1,5 раза	20
обеспечить формирование в регионе комфортных условий проживания, повысить обеспеченность населения современным жильем	19
ускоренно развивать строительство объектов социальной инфраструктуры (детских садов, школ, больниц, спортивных комплексов, дорог и др.)	15
предоставить гарантии трудоустройства и социального обеспечения всех членов семей дальневосточников, устройства их детей в детский сад и школу	15
снизить стоимость услуг ЖКХ	13
преодолеть барьер транспортной удаленности от европейской части страны, улучшить транспортную инфраструктуру между населенными пунктами, развивать воздушные перевозки	9
обеспечить социальное обустройство новых центров экономического роста на территориях опережающего экономического развития	4
расширить меры государственной поддержки при предоставлении земельных участков, создавать и развивать инфраструктуру на территориях компактно расположенных земельных участков в рамках программы «Дальневосточный гектар»	4
другое	1
Итого	100

верти респондентов (23%) скептически относятся к ТОРам, полагая, что они скорее всего не повлияют на миграционное поведение населения, так как решению социальных задач в реализации бизнес-проектов на территориях опережающего развития отводится второстепенная роль. Доля тех, кто считает, что территории опережающего развития не окажут никакого влияния на миграционную привлекательность восточных территорий составила 14%.

С целью анализа проблем миграции на Дальнем Востоке и поиска эффективных механизмов регулирования миграционных процессов нами во Владивостоке был также проведен опрос экспертов (N=20), в число которых вошли руководители и специалисты Агентства по развитию человеческого капитала на Дальнем Востоке, Департамента труда и социального развития, миграционной службы, депутаты Законодательного Собрания, преподаватели и научные работники высших учебных заведений, руководители кадровых служб предприятий, использующих иностранную рабочую силу, а также члены общественных экспертных советов Приморского края.

Результаты опросов показали, что миграционные потери населения Дальнего Востока заметно осложняют ситуацию с обеспечением региональной экономики трудовыми ресурсами. Поэтому для развития экономики в равной степени необходимо как остановить миграционный отток населения, так и привлекать внутрироссийских мигрантов в регион. В то же время, по мнению экспертов, трудонедостаточная экономика Дальневосточного региона не может успешно развиваться и без притока иностранных трудовых мигрантов.

Анализируя проблемы, связанные с функционированием рынка труда, респонденты отметили, что в настоящее время на территориях опережающего развития (ТОР) Дальнего Востока иностранные работники активно привлекаются в строительство, промышленность сельское хозяйство, торговлю, общественное питание, бытовое обслуживание, коммунальную инфраструктуру, туристско-рекреационный кластер, для оказания транспортно-логистических услуг и благоустройства городских территорий.

Отвечая на вопрос: «Как, по Вашему мнению, приведет ли масштабное создание новых рабочих мест на территориях опережающего развития к расширению использования иностранной рабочей силы?», преобладающее большинство экспертов (85%) отметили, что и в перспективе регион будет нуждаться в притоке трудовых мигрантов. При этом большая часть респондентов полагает, что для экономического освоения региона и развития его социальной сферы потребуются трудовые мигранты любой квалификации. Необходима одновременно как квалифицированная, так и неквалифицированная иностранная рабочая сила.

По мнению респондентов, использование труда мигрантов должно быть в разумных пределах, что позволит обеспечить, с одной стороны, удовлетворение имеющегося спроса на рынке труда, а с другой, — приоритет в трудоустройстве российских граждан. Не случайно наибольшая доля экспертов (две третьих) отметила, что в настоящее время на практике приоритет в трудоустройстве граждан РФ в сравнении с иностранными работниками не соблюдается. На вопрос, как иностранная рабочая сила влияет на занятость российских граждан, эксперты назвали следующие варианты (%): «негативно» — 45, «крайне негативно» — 30, «не оказывает влияния» — 20, «положительно» — 5.

Для выяснения мнения экспертов о принятых мерах в области регулирования трудовой миграции мы задали вопрос «Как Вы оцениваете новое законодательство в сфере привлечения и использования иностранной рабочей силы?». Более половины опрошенных

отметили, что оно «нормальное» или «удовлетворительное», около трети — «плохое» или «очень плохое». В ответах на вопрос «В чем, на Ваш взгляд, несовершенство действующего порядка привлечения и использования иностранной рабочей силы?» были выделены проблемы функционирования рынка труда, связанные с трудовой иммиграцией. В их числе — несоблюдение на практике в полной мере приоритетного права трудоустройства и занятости российских граждан, усложнение процедур получения разрешения на работу, злоупотребления с патентами, рост масштабов незаконной трудовой деятельности мигрантов.

Введенная система патентов не решила проблему незаконной миграции и нелегального труда иностранцев. На вопрос, насколько, на Ваш взгляд, серьезна в регионе проблема незаконной миграции и занятости иностранных граждан, были даны следующие ответы: «это острая проблема, требующая принятия срочных мер по ее решению» — 55%, «проблема есть, но она не приоритетна в настоящее время (35%)», «данная проблема незначительна» — 10%.

Ответы респондентов свидетельствуют о том, что причины роста теневой занятости иностранных мигрантов тесно связаны с усложнением и удорожанием принятых процедур легального вхождения на рынок труда. На вопрос «Как Вы считаете, привело ли усложнение и удорожание получения мигрантами патента к возрастанию сегмента незаконного трудоустройства и росту теневой занятости мигрантов?» 30% ответили «да», 40% — «скорее да», 25% — «скорее нет», 5% затруднились ответить. Незаконное трудоустройство и рост теневой занятости трудовых мигрантов, связанные с усложнением и удорожанием получения патента, приводят к их правовой незащищенности и в ряде случаев к произволу работодателей. В значительной мере с переходом на патентную систему в выигрыше оказались посредники и теневой бизнес.

Проведенный опрос позволил сформулировать предложения к основным направлениям реализации миграционной политики в области трудовой иммиграции. В их числе — развитие правовой системы, регулирующей проблемы трудовой миграции (в рамках которой обеспечивается въезд в регионы нужных для развития экономики мигрантов и ограничивается доступ на рынки труда тех, в ком нет нужды), принятие дополнительных мер по обеспечению приоритетного права трудоустройства российских граждан, введение практики целевого организованного набора иностранной рабочей силы для конкретных работодателей, корректировка для временных трудовых мигрантов обязанности сдачи те-

ста на знание русского языка, истории и законодательства России, а также развитие официальной (государственной и частной) инфраструктуры, состоящей из разнообразных сервисов (справочных, консультационных, правовых, посреднических и пр.), позволяющим мигрантам находиться в правовом поле российского законодательства и помогающим им в социальной адаптации и интеграции.

Библиографический список

1. Авдеев Ю.А. Миграционная политика для российского Дальнего Востока // Миграционные процессы и их влияние на демографическое и социально-экономическое развитие Дальнего Востока: сборник трудов II Междунар. научно-практич. конф., 4–5 июня 2018 г. Под общ. ред. С.В. Рязанцева, М.Н. Храмовой, Л.А. Савинкиной. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2018. — 266 с.
2. Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218765/ (дата обращения: 15 сентября 2018 г.).
3. Мотрич Е.Л., Березутский Е.В. Миграция в демографическом развитии Дальнего Востока России: проблемы и социальные последствия // Социальная политика и социология. №2 (127). 2018. С. 141–150.
4. Население Дальнего Востока России: проблемы и тенденции // Е.А. Бурлаев, В.Н. Дьяченко, Е.Л. Мотрич, Н.В. Фещенко. Под ред. П.А. Минакира. Институт экономических исследований ДВО РАН. — Хабаровск. ИЭИ ДВО РАН. 2018. — 71 с.
5. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2017 году. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики России. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 28.09.2018).

References

1. Avdeev YU.A. Migracionnaya politika dlya rossijskogo Dal'nego Vostoka // Migracionnye processy i ih vliyanie na demograficheskoe i social'no-ehkonomicheskoe razvitie Dal'nego Vostoka: sbornik trudov II Mezhdunar. nauchno-praktich. konf., 4–5 iyunya 2018 g.. Pod obshch. red. S.V. Ryazanceva, M.N. Hramovoj, L.A. Savinkinoj. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. federal. un-ta, 2018. — 266 s.
2. Konceptsiya demograficheskoy politiki Dal'nego Vostoka na period do 2025 goda [EHlektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218765/ (data obrashcheniya: 15 sentyabrya 2018 g.).

3. Motrich E. L., Berezutskij E. V. Migraciya v demograficheskom razvitii Dal'nego Vostoka Rossii: problemy i social'nye posledstviya // Social'naya politika i sociologiya. № 2 (127). 2018. S. 141–150.
4. Naselenie Dal'nego Vostoka Rossii: problemy i tendencii // E. A. Burlaev, V. N. D'yachenko, E. L. Motrich, N. V. Feshchenko. Pod red. P. A. Minakira. Institut ehkonomicheskikh issledovanij DVO RAN. — Habarovsk. IEHI DVO RAN. 2018. — 71 s.
5. CHislennost' i migraciya naseleniya Rossijskoj Federacii v 2017 godu. Oficial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki Rossii. URL: <http://www.gks.ru/> (data obrashcheniya: 28.09.2018).

Шаповалова И.А.,
Ростовская Т.К.

ИНОСТРАННЫЕ СТУДЕНТЫ КАК СУБЪЕКТ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ

FOREIGN STUDENTS AS A SUBJECT OF ACADEMIC MOBILITY

Шаповалова Ирина Александровна, доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБНУ «ИСПИ РАН», e-mail: ia.shapovalova51@yandex.ru

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе ИСПИ РАН, заведующая кафедрой социальной педагогики и организации работы с молодежью РГСУ, e-mail: Rostovskaya.tamara@mail.ru

Shapovalova I.A., Doctor of pedagogical Sciences, Professor, Chief researcher, Institute for Socio-Political Research, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: ia.shapovalova51@yandex.ru

Rostovskaya T.K., Dr. Sci. (Sociology), Prof., Deputy Director for Research, Institute for Socio-Political Research, Russian Academy of Sciences, head of the Department of Social Pedagogy and Organization of Work with Youth of the Russian State Social University, e-mail: Rostovskaya.tamara@mail.ru

Аннотация. Необходимым условием выбора иностранцами российских вузов является позитивная репутация учреждения образования, безопасность и комфортность образовательной среды, возможность повышения уровня культуры общения на русском языке, реальные перспективы трудоустройства.

Abstract. A necessary condition for the choice of foreigners to Russian higher education institutions is the positive reputation of the educational institution, the safety and comfort of the educational environment, the ability to raise the level of culture of communication in the Russian language, the real job prospects.

Ключевые слова: мотивация выбора вуза, безопасность и комфортность образовательной среды, повышение культуры общения, формирование профессиональных компетенций, интерактивные методы обучения, адаптационные навыки, опыт организации учебной деятельности, МАПРЯЛ, русистика.

Key words: motivation of the choice of University, safety and comfort of the educational environment, improving the culture of communication, the formation of professional competencies, interactive teaching methods, adaptive skills, experience in the organization of educational activities, MAPRYAL, Russian studies.

Исследование проведено при поддержке РФФИ (проект № 18-29-15043)

The research was conducted with the support of RFBR (project № 18-29-15043

Прибытие и пребывание иностранцев, желающих поступить или уже обучающихся в вузах России, определяется четко выраженной мотивацией «получения знаний, квалификаций, профессий, ориентированных на рост образовательного и профессионального уровня» [1, с. 10]. Такая ситуация не конфликтует с объективной необходимостью овладения иностранными студентами адаптационными навыками, актуальными в образовательной среде учреждения. Отметим, под образовательной средой, вслед за В.И. Слободчиковым, мы имеем в виду социокультурное содержание образования. Возникновение и существование «образовательной среды обусловлено самими субъектами образования — и как живыми носителями предметного содержания культуры, и как персонафикаторами данного содержания образования» [2, с. 420].

Адаптационные навыки — обязательные социокультурные и психологические качества человека, коммуницирующего с другим, представляющим иную культуру. Снижение, преодоление трудностей участниками коммуникации, представляющими не совпадающие культуры, имеют объективную социальную перспективу:

— обретения обучающимся уверенности в личной безопасности и комфортности пребывания в условиях, ситуациях, предложенных принимающей стороной;

— освоение нового опыта организации учебной деятельности, осуществление практик профессиональной деятельности (труда);

— обогащения культуры общения через понимание, соблюдение этических норм поведения и осознания возможностей культуросообразных отношений между коммуницирующими;

— развития эстетических вкусов через осмысление и приобщение к произведениям мировой культуры, культуры своей родины, культуры страны пребывания — России.

В системе эффективных ресурсов поддержки мотивированного выбора иностранцами российских вузов для получения профессионального образования сегодня следует уделить особое внимание выводам российских ученых, исследующих русскоговорящие сообщества за рубежом в контексте российской миграционной политики (С.В. Рязанцев, Л.Л. Рыбаковский, А.А. Гребенюк, Н.И. Кожевникова, Е.Е. Письменная, Е.П. Сигарева и др.). Так, С.В. Рязанцев, с нашей точки зрения, справедлив в выводах о том, что «представителей русскоговорящих сообществ надо привлекать на основе более долгосрочного партнерства», что «соотечественники могут внести значительный вклад в приток инвестиций,

в открытие бизнесов, формирование имиджа России за рубежом» [3, с. 96]. Такие позиции ученого органично связаны с пониманием того, что для успешной деятельности инвесторов, бизнесменов необходимы молодые специалисты, прагматики нового поколения с соответствующей профессиональной и языковой подготовкой, хорошо знающие специфику жизни современной России, умеющие выстраивать конструктивные отношения и договариваться в интересах бизнеса.

Вывод С.В. Рязанцева о том, что проживающие за рубежом соотечественники (успешные бизнесмены, организаторы и участники социокультурных практик, соответствующих гуманистическим принципам международного сотрудничества) могут внести свой вклад в поддержку формирования позитивного образа России за рубежом, не вызывают сомнения. Более того, данная категория людей, проживающих за рубежом, может стать реальным ресурсом привлечения иностранцев к обучению в российских вузах — это с одной стороны. С другой — значим и тот факт, что русскоговорящие сообщества являются «вторым по численности в мире после китайских диаспор, находящихся за пределами материнской страны» [3, с. 97].

Объективность исследования проблем академической мобильности иностранных студентов обеспечивается целым рядом факторов, среди которых по-особому значимы сведения о численности иностранных студентов, аспирантов, стажеров и докторантов, обучающихся в российских вузах. Формирование такой статистики входило в компетенцию Министерства образования и науки РФ, с 2018 года — Министерства высшего образования и науки РФ. Полное представление статистических данных размещается в сборниках «Образование в России» (Росстат) и «Обучение иностранных граждан в высших учебных заведения Российской Федерации» (Минобрнауки). Необходимо принять во внимание: «исследования показывают, что некоторые вузы в России склонны занижать численность иностранных граждан, которые у них обучаются, особенно за счет тех, кто оплачивает свое обучение самостоятельно» [4, с. 151]. Риск такой недобросовестности в представлении статданных для понимания современных проблем академической мобильности иностранных студентов очевиден в условиях складывающейся ситуации, когда увеличивается количество регионов, вузы которых начинают профессиональную подготовку студентов из числа иностранцев. Такое новое направление деятельности сегодня активно осваивают вузы Северо-Кавказского Федерального округа, Севера, Сибири, Дальнего Востока.

Отмечается тенденция частого изменения географического места обучения иностранного студента. Приведем пример. Гражданка Китая, оплачивающая свое обучение самостоятельно, в 2013–2014 учебном году обучалась в вузе Волгограда, в 2014–2015 году — в Астрахани, в 2015–2016 учебном году — в Москве (МПГУ). Изменение своего «образовательного маршрута» студентка связывала не столько с оценкой качества образовательных услуг, сколько с поиском города, потенциально привлекательного для жизни молодежи. Так, в 2015 году ею была выбрана Москва, однако студентка продолжила поиски: ей «еще хотелось бы учиться в Санкт-Петербурге, а потом — в Сочи».

Информационную поддержку в пользу выбора иностранцами российских вузов в рамках своих компетенций осуществляют органы государственной власти и иные организации: департаменты МИД РФ, Россотрудничество, Правительственная комиссия по делам соотечественников, Правительство Москвы (Департамент внешнеэкономических и международных связей), фонд «Русский мир», Комитет по внешним связям города Санкт-Петербурга, Московский дом национальностей, Московский дом соотечественников, Центральный дом ученых РАН и др.

Эффективна работа Россотрудничества по отбору наиболее талантливых выпускников школ зарубежья для обучения в российских вузах через организацию и проведение ежегодной олимпиады «Время учиться в России!».

Интересный опыт привлечения иностранцев к обучению в России сложился в Московском доме соотечественников. Ежегодные выезды делегаций, инициированные этой организацией, результативны. Так, совместная деятельность делегаций (члены Правительства Москвы, ученые МГУ, научных учреждений РАО и РАН, заслуженные деятели культуры РФ) и чрезвычайного и полномочного посла РФ в Ирландии А. М. Пешкова, работников координационного совета соотечественников Ирландии, культурно-методического центра «Альянс» (г. Голуй), членов Ассоциации учителей русского языка и Ассоциации русскоязычных образовательных центров Ирландии стало одной из причин прибытия представителей Ирландии на обучение в вузы Москвы и Санкт-Петербурга (2017 год).

Ценным для распространения успешных социокультурных практик выбора иностранцами российских вузов признан опыт Института русского языка им. А. С. Пушкина (ректор проф. М. Н. Русецкая). Благоприятная образовательная среда (безопасная, комфортная) позитивная репутационность высококвалифицированных специалистов с мировым именем, методики интерактивного

обучения, современные информационно-коммуникационные технологии, эстетика дизайнерских решений в оформлении аудиторий, рекреаций, залов, оптимальность материально-технического обеспечения укрепляют позиции Института им. А.С. Пушкина — как привлекательного российского вуза.

Высокую оценку деятельности Института дала Президент РАО Л.А. Вербицкая, отметившая роль вуза в решении проблемы информационной, профессиональной, социокультурной поддержки потенциальных иностранных студентов российских вузов. Международные олимпиады школьников по русскому языку и литературе, проведенные на базе данного вуза, получили положительный резонанс мирового значения. Эти олимпиады «стали своеобразным «знаком качества», поэтому за право участвовать в них борются школьники из десятков стран мира: молодые люди и девушки, изучающие русский язык в школах, гимназиях, на курсах и самостоятельно, в том числе победители национальных олимпиад и конкурсов по русскому языку. Особенно важно подчеркнуть, что эти мероприятия выполняют столь важную сейчас задачу экспорта российских образовательных программ и развития международного сотрудничества: победители олимпиад получают почетное право поступать без экзаменов в ведущие российские вузы и обучаться за счет бюджета Российской Федерации» [5, с. 10].

По-особому значима деятельность руководства и профессорско-преподавательского состава Института русского языка им. А.С. Пушкина в сферах разработки и реализации проектов дистанционного обучения (студентов, слушателей курсов повышения квалификации профессиональной переподготовки кадров) методике преподавания русского языка как иностранного.

Свободная, вариативно разнообразная, обеспеченная возможностями эффективного диалогового общения [6], образовательная среда РУДН высоко оценивается в дальнем и ближнем зарубежье, что обеспечивает устойчивость тенденции выбора этого вуза на протяжении длительного времени. Выбор РУДН, МГУ им. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета соответствует мнению исследователей о том, что «престиж вуза на рынке образовательных услуг, особенно международном, формируется в течение многих лет и даже десятилетий, и его основными индикаторами является востребованность выпускников как зарубежными, так и отечественными работодателями [7, с. 107].

Обязательным условием успешного обучения иностранных студентов в российских вузах, вне сомнения, является владение ими русским языком на достаточном уровне. Уровень владения рус-

ским языком, как известно, определяется процедурами тестирования в установленном порядке.

Достижению необходимого уровня владения русским языком во многом способствуют подготовительные курсы, отделения, соответствующие кафедры принимающих вузов [6]. Однако и на местах, «у себя дома» — в стране направляющей профессиональную социокультурную поддержку потенциальный студент российского вуза может получить в русских школах, в образовательных и культурных центрах.

Анализ результатов анкетирования иностранных студентов (2015, 2016 годы) свидетельствует о том, что основным специалистом качественной подготовки жителей ближнего зарубежья к обучению в российских вузах признается учитель русского языка. Студенты, представители стран дальнего зарубежья, отмечают влияние на их подготовку к обучению в российских вузах специалистов гуманитарных факультетов университетов страны, обществ по исследованию России, Советов по международному образованию, членов национальных ассоциаций преподавателей русского языка и литературы.

Большой вклад (с 1967 года) в деятельность, ресурсно значимую для мотивации выбора иностранными абитуриентами российских вузов, вносит Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ).

В настоящее время, на фоне снижения количества разговаривающих на русском языке (от 350 млн. в 80-х годах до 270 млн. в настоящее время, при негативной тенденции снижения количества говорящих на русском языке в странах ближнего зарубежья) актуально значима для мотивации выбора российских вузов абитуриентами зарубежья деятельность МАПРЯЛ по популяризации русской культуры. Так, с 2011 года этой организацией ежегодно проводится Всемирный фестиваль русского языка, участники которого пребывают из 90 стран.

Констатация факта: снижение за рубежом количества говорящих на русском языке — не основание для негативных прогнозов в отношении и количества и качества иностранных студентов, мотивированных на обучение в России. Обратим внимание на мнение Президента МАПРЯЛ: «Меняется социальный состав желающих говорить на русском языке. Формируются новые мотивации в изучении языка, основанные на осознанном выборе России как партнера и на практическом интересе к изучению русского языка. Растет интерес к русскому языку со стороны представителей бизнеса, ориентированных на взаимодействие с российским рынком... по-

степенно расширяется присутствие русского языка в школах и вузах зарубежья, появляются новые университеты, желающие развивать русистику как научное направление, увеличивается контингент студентов, избравших в качестве будущей специальности преподавание русского языка» [5, с. 12].

Итак, сегодня приобретает устойчивость тенденция мотивированного выбора иностранцами специальности «русский язык как иностранный», что перспективно для укрепления ресурсов повышения академической мобильности иностранных студентов, выбирающих российские вузы для профессиональной подготовки по другим специальностям. Поддержка такой тенденции во многом обеспечивается выполнением миссии ста двадцати тысяч учителей и преподавателей русского языка как иностранного, работающих за рубежом.

Библиографический список

1. Воробьева О.Д. Методологические и организационные подходы к интеграционным процессам иммигрантов в России. — Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов: сб. материалов IV Международной научно-практической конференции / под ред. В.С. Белозерова. — Ставрополь: Издательство СКФУ, 2018. — с. 5–10.
2. Исаев Е.И., Слободчиков В.И. Психология образования человека: Становление субъектности в образовательных процессах: Учебное пособие. — М.: Изд.-во ПСТГУ, 2014. — 432 с.
3. Рязанцев С.В. Русскоговорящие сообщества за рубежом в понимании российской миграционной политики. — Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов: сб. материалов IV Международной научно-практической конференции / под ред. В.С. Белозерова. — Ставрополь: Издательство СКФУ, 2018. — с. 96–104.
4. Рязанцев С.В. Временная миграция в Россию: формы и оценки масштабов. — Миграционные мосты в Евразии // Материалы V международной конференции «Трудовая миграция в Российской Федерации». — М.: Экон-Информ, 2013. — с. 143–148.
5. Вербицкая Л.А. МАПРЯЛ сегодня. — Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы: справ.-аналит. материалы / н. ред. Л.А. Вербицкая. — СПб.: МАПРЯЛ, 2015. — с. 7–14.
6. Шаповалова И.А. Подготовка иностранцев к поступлению в российские вузы: проблемы и опыт. — Журнал «Ректор вуза», № 3, 2016. — с. 36–42.
7. Белова Л.Г. Привлечение иностранных студентов в Россию: современные подходы и механизмы. — Миграционные мосты в Евразии // Материалы V международной конференции «Роль трудовой миграции в социально-экономическом и демографическом развитии посылающих и принимающих стран» / под ред. чл.-корр. РАН Рязанцева С.В. — М.: Изд. «Экон-Информ», 2015. — с. 106–109.

References

1. Vorob'eva O.D. Metodologicheskie i organizacionnye podhody k integracionnym processov immigrantov v Rossii. — Migracionnye processy: problemy adaptacii i integracii migrantov: sb. materialov IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / podred. V.S. Belozerova. — Stavropol': Izdatel'stvo SKFU, 2018. — s. 5–10.
2. Isaev E.I., Slobodchikov V.I. Psihologiya obrazovaniya cheloveka: Stanovlenie sub»ektnosti v obrazovatel'nyh processah: Uchebnoe posobie. — M.: Izd.-vo PSTGU, 2014. — 432 s.
3. Ryazancev S.V. Russkogovoryashchie soobshchestva za rubezhom v ponimanii rossijskoj migracionnoj politiki. — Migracionnye processy: problemy adaptacii i integracii migrantov: sb. materialov IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / pod red. V.S. Belozerova. — Stavropol': Izdatel'stvo SKFU, 2018. — s. 96–104.
4. Ryazancev S.V. Vremennaya migraciya v Rossiyu: formy i oenki masshtabov. — Migracionnye mosty v Evrazii // Materialy V mezhdunarodnoj konferencii «Trudovaya migraciya v Rossijskoj Federacii». — M.: EHKon-Inform, 2013. — s. 143–148.
5. Verbickaya L.A. MAPRYAL segodnya. — Mezhdunarodnaya associaciya prepodavatelej russkogo yazyka i literatury: sprav.-analit. materialy / n. red. L.A. Verbickaya. — SPb.: MAPRYAL, 2015. — s. 7–14.
6. SHapovalova I.A. Podgotovka inostrancev k postupleniyu v rossijskie vuzy: problemy i opyt. — ZHurnal «Rektor vuza», № 3, 2016. — s. 36–42.
7. Belova L.G. Privlechenie inostrannyh studentov v Rossiyu: sovremennye podhody i mekhanizmy. — Migracionnye mosty v Evrazii // Materialy Vmezhdunarodnoj konferencii «Rol' trudovoj migracii v social'no-ehkonomicheskom i demograficheskom razvitii posylayushchih i prinyimayushchih stran» / pod red. chl.-korr. RAN Ryazanceva S.V. — M.: Izd. «EHKon-Inform», 2015. — s. 106–109.

Лукьянец А.С.,
Максимова А.С.

ПРАКТИКА СТАТИСТИЧЕСКОГО УЧЕТА МИГРАЦИИ, ВЫЗВАННОЙ ИЗМЕНИЕМ ОКРЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

PRACTICE OF STATISTICAL ACCOUNTING OF MIGRATION
CAUSED BY ENVIRONMENTAL CHANGE

Лукьянец Артем Сергеевич, кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник ИСПИ РАН, г. Москва (Россия), e-mail:
artem_ispr@mail.ru

Максимова Анастасия Сергеевна, кандидат экономических наук, старший
научный сотрудник ИСПИ РАН, г. Москва (Россия), e-mail: lubijzn@yandex.ru
Artem S. Lukanets, PHD (Economics), leading researcher ISPR RAS, Moscow
(Russia), e-mail: artem_ispr@mail.ru
Anastasia S. Maksimova, PHD (Economics), senior researcher, ISPR RAS,
Moscow (Russia), e-mail: lubijzn@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены основные принципы организации статистического учета миграций, вызванных изменением окружающей среды, существующего в мировой практике. Указаны основные особенности и сложности его организации. Приводятся оценки масштабов климатической и экологической миграции в России.

Abstract. There are considered the basic principles of the organization of statistical accounting of migrations caused by changes in the environment existing in the world practice. The main features and difficulties of statistic are specified. There are given the estimates of the scale of climate and environmental migration in Russia.

Ключевые слова: климатическая миграция, статистика климатической миграции, бедствия, переселенцы.

Key words: climate migration, climate migration statistics, disasters, migrants.

Исследование проведено при поддержке гранта РФФ № 18-78-10149

The study was made with the support of RSF grant № 18-78-10149

Сегодня процессы глобальных климатических и экологических миграций, имеющие масштабное распространение в развивающихся странах, актуализируют задачу осуществления текущего учета переселенцев, прогнозирования и предвидения новых волн миграций. Сложности организации учета климатической и эко-

логической миграции сопряжены с отсутствием единой теоретико-методологической основы такого учета. В первую очередь, необходимо применять единую терминологию. В русском языке не существует альтернативы понятию «environmentalmigration», и, как правило, под «environmentalmigration» понимают климатическую и экологическую миграцию. Нами предлагается использовать более точный, дословный перевод термина — «миграция, вызванная изменением окружающей среды». В мировой практике также употребляется не «migration», а «displacement», т. е. «переселение». Различный перевод терминов «climaticmigration», «climaticrefugee», «environmentalrefugee», «environmentally displaced person» усложняет сопоставление полученных на национальных уровнях данных о переселенцах. Поэтому необходимы единые принципы, стандарты и правила организации сбора данных о миграциях, вызванных изменением окружающей среды.

Целесообразно применять различную методологию учета для переселений, вызванных различными причинами, однако, существуют общие принципы организации статистического учета миграций, вызванных изменением окружающей среды. Причины переселений, наряду с бедствиями («disasters»), включают вооруженные конфликты и другие виды насилия («conflictsandviolence»). Как правило, данные о численности переселенных лиц представлены отдельно по каждой из двух указанных групп причин. Несмотря на существенные различия в сущности этих двух групп причин, связь между изменением климата и вооруженными конфликтами становится все более очевидной, и даже вооруженный конфликт в Сирии, связывают с экологическими первопричинами. [7]

Методологические основы, применяемые Internaldisplacement monitoringcentre (IDMC) предполагают различие методологии учета временно перемещенных лиц (ВПЛ) в зависимости от причины переселения. Общая модель численности переселенцев в текущем году строится по аналогии с уравнением демографического баланса. Общая численность переселенцев на начало текущего года рассчитывается с учетом колебаний их численности в течение предыдущего года вследствие возвратных миграций, а также демографических событий, изменяющих численность населения, произошедших во время проживания переселенцев в месте вселения [5]. Уравнение численности переселенцев имеет вид:

Общая численность ВПЛ₂₀₁₈ = Общая численность ВПЛ₂₀₁₇ + [Численность родившихся в 2018 г. + вновь переселившиеся в 2018 г.] – [вернувшиеся к прежнему месту проживания в 2018 г. + «временные решения» в 2018 г.+поселившиеся в другие районы в 2018 г. +

численность интегрировавшихся в местное сообщество в 2018 г. + трансграничные перемещения в 2018 г. + численность умерших 2018 г.]

Представленная расширенная модель перемещения, используемая IDMC, вводит понятие «временные решения», подразумевающие еще не завершённый процесс переселения и противопоставляющиеся окончательным решениям. Методология IDMC также вносит вклад в концепцию окончательных решений: под окончательными решениями понимается завершённый процесс переселения, итогом которого могут являться: возвращение на прежнее место жительства, переселение на другую территорию, решение продолжать жить в месте вселения и интеграция в принимающее сообщество.

Категория «вновь переселившиеся» может включать лиц, перемещённых более одного раза. Однако, поскольку данные агрегированы и нет возможности отслеживать конкретное лицо и исключить двойной счет, численность вновь переселившихся представляет собой количество новых актов переселения, а не самих переселенцев, по аналогии с учетом трансграничной миграции.

Учитывая отсутствие дезагрегированных данных о рождаемости и смертности среди переселившихся лиц, расчеты с использованием числа рождений и смертей делаются только в том случае, когда национальные службы предоставляют соответствующую информацию; в противном – данные события игнорируются. Поскольку смертность и рождаемость среди ВПЛ могут не совпадать с уровнями по стране в целом, нецелесообразно экстраполировать общие уровни смертности и рождаемости на переселенцев.

Расчеты, произведенные в соответствии с представленной моделью, не являются точными и отличаются от фактических данных по ряду причин: неверно определено начальное значение численности переселенцев, являющееся точкой отсчета; двойной счет: в численности вновь переселённых учитывается неоднократное перемещение одних и тех же лиц, что очень часто возникает в тех странах, для которых характерно постоянное перемещение населения между местами убежищ (Южный Судан); временной лаг между событием, вызвавшим переселение и поступлением данных о перемещённых лицах.

Необходимо также отметить, что особенностью организации статистики в IDMC является сбор данных о миграциях, вызванных бедствиями не в разрезе стран, а в разрезе событий, которые могут распространяться на несколько стран, охватывая их приграничные территории.

При организации учета миграций, вызванных изменениями окружающей среды, следует придерживаться принципа полного охвата, т. е. учету должны подлежать все переселения, вне зависимости от масштабов причин и численности переселенных лиц, поскольку факторы, имеющие постоянное и постепенное воздействие, могут обеспечивать регулярно возникающие, но немногочисленные переселения, которые накопленным итогом за период образуют более масштабные потоки переселенцев. Таким образом, целесообразно разрабатывать данные по событиям в случае, когда возможно отделить одно событие, явившееся причиной переселений, от другого, и разрабатывать данные за период в случае, когда такой возможности нет (например, засуха, повышение уровня моря и др.)

Зачастую переселения, связанные с изменением окружающей среды, носят внезапный, незапланированный характер, что усложняет организацию оперативного учета численности переселенных или переселившихся лиц, а конечные цифры имеют большую погрешность.

Массивы данных о миграции, вызванной изменением окружающей среды на национальном и международном уровне могут содержать: количество событий, вызвавших переселение (в том случае, когда это события моментные, поддающиеся счету, и не пролонгированные во времени); численность вновь переселенных лиц за период; общая численность переселенных лиц накопленным итогом; численность переселившихся внутри страны и за ее пределы; численность возвратившихся к прежнему месту жительства; численность умерших переселенцев и число рождений детей переселенцев. Последние из указанных показателей дают возможность оценивать вклад мигрантов в демографическую динамику вследствие процессов естественного движения.

В случае климатических и экологических миграций, сложности при учете переселяющихся лиц связаны также с идентификацией причин, вызвавших переселение [4]. Весьма сложно провести границу между причинами, связанными с изменением среды проживания человека и причинами экономического и социально-экономического характера, поскольку в ряде случаев они взаимосвязаны и воздействуют одновременно или последовательно. При этом, большинство международных исследований климатической миграции рассматривают ее как один из видов адаптации человека к изменению климата на той или иной территории [6].

В фокусе поставленной проблемы, возникает вопрос: нужна ли информация об объемах климатической миграции в России? Ка-

кая практика статистического учета должна существовать в стране? В первую очередь необходимо понимать масштабы международной климатической миграции в мире, поскольку Россия может невольно выступать в роли страны приема для миграции второй волны, то есть для лиц, уже переселившихся, но начавших движение в другие страны в поисках более высокого качества жизни или более благоприятных условий для реализации своих возможностей. Во-вторых, соседство с неблагоприятными с точки зрения климатических изменений районами ставит проблему возникновения масштабных волн переселенцев в случае угрозы [3]. Среди всех континентов наибольшая доля внутренне переселенных лиц находилась в Азии: 87%, в то время, как в общей численности населения на Азию приходится только 60%.

Сбор данных о миграциях, вызванных изменением окружающей среды, должен быть реализован с учетом получения своевременной, точной и сопоставимой в международном аспекте информации. Своевременное получение достоверных данных может играть решающую роль в первое время после переселения, поскольку переселенцам необходима помощь в организации быта и получении доступа к базовым условиям жизни в месте вселения, вне зависимости от планируемой длительности проживания в нем. При длительном проживании добавляется проблема обеспечения базовыми социальными благами в тех странах, где население имеет к ним доступ.

По информации из Internaldisplacementmonitoringcentre, численность лиц, переселенных на территории России по причинам бедствий и катастроф за период с апреля по август 2017 г. составила 5,9 тыс. чел. Из них по причинам:

- лесных пожаров: Иркутск, Бурятия, Красноярск — 1200 чел.;
- наводнений: Ставрополь — 3600 чел.; Приморье, Хабаровск — 440 чел.; Тюмень — 640 чел.

В 2016 году общая численность переселенцев составила 19,0 тыс. чел., при этом, нет данных о причинах переселений и их территориальном распределении. Пик числа переселений отмечен в 2012 г. (см. рис. 1).

Мигранты, переселившиеся в Россию по причинам экологического неблагополучия и несоответствия природно-климатическим условиям составляют менее 2% от общей численности мигрантов. Аналогично, доля переселенных внутри страны лиц по данным причинам не достигает 2% от общего числа миграций (см. табл. 1).

По данным Росстата, общая численность переселенцев в 2016 г. составила 7301, а в 2017 г. 4643 чел. Подчеркнем, что это только

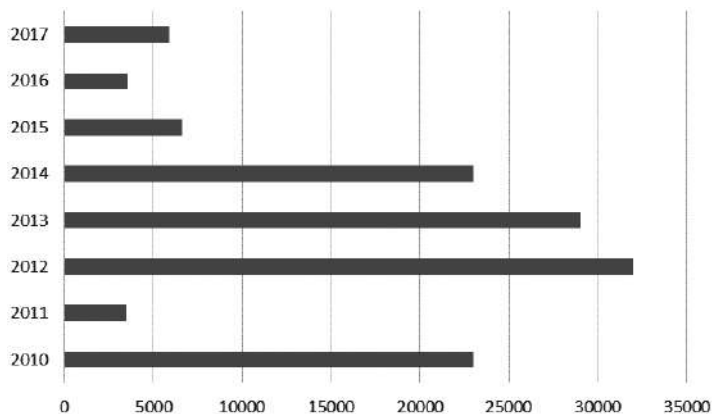

Рис. 1. Общая численность лиц, переселенных внутри России по причинам бедствий и катастроф 2010–2017 гг., чел. [2]

Таблица 1.

Численность мигрантов по причинам переселения, связанным с изменением окружающей среды в 2017 г., чел. [1]

	Всего (численность прибывших)	в том числе	
		международная миграция (численность прибывших в Россию)	внутренняя миграция
Экологическое неблагополучие	10 108	816	9 292
Несоответствие природно- климатическим условиям	9 920	870	9 050
Итого:	20 028	1 686	18 342
Общая численность мигрантов	1 073 016	96 852	976 164

те граждане, которые имеют статус вынужденного переселенца, то есть подтвердившие юридически свое переселение.

В международных исследованиях климатических и экологических миграций широко распространена практика кейсов: публикации посвящены отдельным странам. При этом, существует явный недостаток исследований и разработок теретико-методологических и практико-ориентированных основ учета мигрантов и миграций, вызванных изменениями окружающей среды. Получаемые данные должны быть достоверными и охватывать все множество миграций, вызванных изменениями окружающей среды.

Библиографический список

1. Численность и миграция населения 2017. — М.: Росстат, 2018.
2. Internal displacement monitoring centre <http://www.internal-displacement.org/>
3. Lukyanets A.S., Ryazantsev S.V. Economic and Socio-Demographic Effects of Global Climate Change // International Journal of Economics and Financial Issues 6 (8S), 2016, P. 268–273
4. Lukyanets A.S., Toan Khanh Nguen, S.V. Ryazantsev, V.S. Tikunov, Hai Hoang Pham. Influence of climatic changes on population migration in Vietnam // Geography and Natural Resources. July 2015, Volume 36, Issue 3, pp 313–317 DOI: 10.1134/S1875372815030129
5. Methodological annex. Internal displacement monitoring centre. <http://www.internal-displacement.org/>
6. Migration Initiatives 2018. Leading the Migration Governance Agenda. IOM 2018. — 112 p. http://publications.iom.int/system/files/pdf/migration_initiatives_2018_0.pdf
7. The climate change & migration nexus in a global context. What role for the EU in protecting climate migrants? Heinrich-Böll-Stiftung European Union http://eu.boell.org/sites/default/files/boll_event_report_environmental_migration_1.pdf

REFERENCES

1. The number and migration of the population by 2017. — М.: Rosstat, 2018.
2. Internal displacement monitoring centre <http://www.internal-displacement.org/>
3. Lukyanets A.S., Ryazantsev S.V. Economic and Socio-Demographic Effects of Global Climate Change // International Journal of Economics and Financial Issues 6 (8S), 2016, P. 268–273
4. Lukyanets A.S., Toan Khanh Nguen, S.V. Ryazantsev, V.S. Tikunov, Hai Hoang Pham. Influence of climatic changes on population migration in Vietnam // Geography and Natural Resources. July 2015, Volume 36, Issue 3, pp 313–317 DOI: 10.1134/S1875372815030129
5. Methodological annex. Internal displacement monitoring centre. <http://www.internal-displacement.org/>
6. Migration Initiatives 2018. Leading the Migration Governance Agenda. IOM 2018. — 112 p. http://publications.iom.int/system/files/pdf/migration_initiatives_2018_0.pdf
7. The climate change & migration nexus in a global context. What role for the EU in protecting climate migrants? Heinrich-Böll-Stiftung European Union http://eu.boell.org/sites/default/files/boll_event_report_environmental_migration_1.pdf

Кулагина Я.А.

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ КЛИМАТА НА МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

IMPACT OF CLIMATE CHANGES ON MIGRATION PROCESSES

Кулагина Яна Александровна, кандидат экономических наук, г. Серпухов,
e-mail: silverbeatl@mail.ru
Kulagina Yana Aleksandrovna, Candidate of Economic Sciences, Serpukhov,
e-mail: silverbeatl@mail.ru

Аннотация. В статье приводятся данные и прогнозы последствий изменения климата на планете за последние 5 лет. Рассматриваются основные причины изменения климата. Делается вывод о миграционных процессах, связанных с климатическими условиями.

Abstract. Data and forecasts of effects of climate change on the planet for the last 5 years are provided in article. The main reasons climate change are considered. The conclusion about the migration processes connected with climatic conditions is drawn.

Ключевые слова: изменение климата, Гольфстрим, климатическая миграция, экологическая миграция.

Key words: climate change, Gulf Stream, climatic migration, ecological migration.

Уже много десятков лет в научном сообществе поднимается и исследуется вопрос изменения климата на планете. Особенно резкие изменения наблюдаются в последние десять лет. Последствия этих изменений могут носить социальный и экономический характер. Экономическое и экологическое положение многих стран может ухудшиться на столько, что там не будет возможности жить, в связи с чем увеличатся миграционные потоки.

Изменение климата может быть как следствием естественных природных процессов (например, Эль-Ниньо), либо быть результатом действий человека (техногенные катастрофы).

Одним из последних событий, сильно повлиявших на изменение климата, особенно в западной Европе и США, стала авария на нефтяной платформе DeepwaterHorizon 22.04.2010 г. В океан вылилось порядка пяти миллионов баррелей нефти. К сожалению, принятые меры по устранению последствий, только ухудшили ситуацию. Нефть при помощи химических веществ (в частности, коагулянта) была опущена на дно, кроме того, борьбы с разлившейся нефтью в воды Мексиканского залива была запущена бактерия

синтетического происхождения «Синтия», которая, по утверждению ее разработчиков, способна поглощать нефтепродукты. К сожалению, органические вещества и организмы тоже от нее страдают. Так, у жителей прибрежных зон Мексиканского залива наблюдается неизлечимая болезнь, т.н. «синий грипп», причиной которого как раз служит «Синтия».

Из-за всех этих процессов очень сильно пострадала экосистема Мексиканского залива, погибло большое количество рыбы и других обитателей, что, разумеется, сказалось и на экономической жизни прибрежных и не только прибрежных зон.

Данная катастрофа повлияла на климатическую ситуацию практически всего мира, так как затронула важное для Европы и США течение Гольфстрим, который теперь не может больше снабжать их теплом.

В настоящее время Гольфстрим отклонился на 800 км в сторону Канады. Если течение будет отклоняться и дальше, то ледники Гренландии растают, массы холодной воды наступят на материки, фактически смыв Канаду и Великобританию. Сейчас же в Гренландии тают более 80 ледников, в Арктике в ходе потепления объем льда сократился в три раза, в Антарктиде за 10 лет произошло сокращение льда на 100 миллиардов тонн. Таяние ледников приведет к повышению уровня океанов и морей — всего несколько сантиметров могут привести к появлению ураганов и тропических штормов, несколько десятков сантиметров приведут к затоплению крупнейших прибрежных городов мира. Начнется массовая климатическая миграция, например, жители Африки могут массово мигрировать в Европу [2].

Рис. 1. Схема течения Гольфстрима после техногенной катастрофы [4]

Нельзя утверждать, что климатическая миграция — это дело будущего. Она наблюдается уже сейчас, хотя точную статистику по ней найти достаточно сложно, так как обычно ее не выделяют как отдельную причину миграции. Экологическая и климатическая миграция в настоящее время является очень актуальным и обсуждаемым вопросом в экономическом, правовом и социальном аспектах. Очень много вопросов, связанных с этим видом миграции предстоит решить.

Приведем слова эксперта по изменениям климата и миграции Элеоноры Гуаданьо:

«Миграция из-за изменений климата давно привлекла внимание специалистов. Но сейчас такие изменения приносят все больший ущерб, и решение проблемы приобретает неотложный характер. ООН не дает единого определения этого феномена, что лишает мигрантов защиты международного права. Сложно вычленить климатический фактор в причинах миграции и определить политическую ответственность государств в экологической катастрофе.

Европа — центр климатической миграции, и останется им в будущем, особенно мощным приток беженцев будет из Африки и Ближнего Востока из-за засухи и наводнений.

В Европе также наличествуют и внутренние перемещения населения, например, из-за урагана Синтия. Не будем забывать и о климатических миграциях из-за поднимающегося уровня моря — в Венеции или Нидерландах, например, — а также из-за таяния ледников в горных зонах или крепнущих циклонов в прибрежных атлантических регионах.

Все эти миграционные потоки должны стать предупреждением — и толчком к принятию необходимых мер для смягчения ущерба от изменений климата, для защиты страдающего от них населения и для разработки законодательства по защите самих климатических мигрантов — жертв глобального экономического и экологического дисбаланса» [3].

По мнению специалистов, в 2015 году, в частности, перемещения людей были вызваны наводнениями (56%) или штормами (43%), или связанными со стихийными бедствиями конфликтами (Африка, Ближний Восток) [1].

В связи с этим существует множество проблем экономического характера в странах Европы и США. Во-первых, миграционный кризис в Европе. Известно, что большой приток мигрантов в Европу связан не столько с изменением климата, сколько из-за вооруженных конфликтов в странах Африки и Восточной Европы. Но Э то не отменяет того факта, что всех прибывших надо размещать

и кормить. Резкое же похолодание, которое наблюдается в последнее время вызывает очень большие затраты на обеспечение теплом и продуктами. По мнению специалистов для того, чтобы приспособить инфраструктуру под изменившийся климат потребуется свыше 20 трлн. долларов США. Кроме того, дополнительные средства понадобятся на предотвращение последствий стихийных бедствий, которые несомненно будут ожидать в ближайшие годы (наводнения, ураганы, снежные бури и ледяные дожди).

Сейчас задача ученых — продемонстрировать более точную связь между миграцией и климатическими воздействиями, а главное — своими рекомендациями помочь правительствам формировать политику адаптации, которая защищает наиболее уязвимые группы населения и создает перспективы для глобальной стабильности.

Библиографический список

1. Периодический бюллетень «Меньше двух градусов». «Климат и миграция», 23.05.2016 г. — <https://below2.ru/2016/05/23/mig/>
2. Самая главная угроза для мира — изменение климата. — Гисметео. <https://www.gismeteo.ru/news/>
3. Euronews. Интервью с экспертом по изменениям климата и миграции Элеонорой Гуаданьо от 10.07.2015 г.
4. <http://www.iksinfo.ru/stati/>

References

1. Periodicheskiy byulleten' «Men'she dvuh gradusov». «Klimat i migraciya», 23.05.2016 g. — <https://below2.ru/2016/05/23/mig/>
2. Samaya glavnaya ugroza dlya mira — izmenenie klimata. — Gismetio. <https://www.gismeteo.ru/news/>
3. Euronews. Interv'yu s ehkspertom po izmeneniyam klimata i migracii EHeleonoroj Guadan'o ot 10.07.2015 g.
4. <http://www.iksinfo.ru/stati/>

Сивоплясова С.Ю.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РИСКИ ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ ПРИБРЕЖНЫХ ТЕРРИТОРИЙ СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

SOCIAL AND ECONOMIC RISKS FOR RESIDENTS
OF SOUTH-EAST ASIA COASTAL AREAS

Сивоплясова Светлана Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии и экономической социологии Института социально-политических исследований РАН, доцент кафедры Московского авиационного института (национального исследовательского университета) (МАИ), Москва (Россия), e-mail: svetlankamos84@rambler.ru

Svetlana Yu. Sivoplyasova, PhD in Economics, Associate Professor, Leading Researcher of the Center of Social Demography and Economic Sociology, Institute of Socio-Political Researches (ISSP) of the RAS leading researcher, Institute of Socio-Political Research RAS; Associate Professor Moscow Aviation Institute (National Research University) (MAI), Moscow (Russia), e-mail: svetlankamos84@rambler.ru

Аннотация. Среди природных катастроф наиболее распространенными на Земле являются наводнения, штормы, цунами и землетрясения. Только от землетрясений ежегодно в мире погибает около 30 тыс. человек. Наводнения наносят серьезный урон экономике стран и приводят к многочисленным жертвам среди населения. Человечество, к сожалению, так и не научилось противостоять стихии. Но важно понимать те риски, которые несут стихийные бедствия, чтобы научиться минимизировать потери. В настоящей статье принята попытка провести анализ природных рисков, которым подвергаются прибрежные районы стран Юго-Восточной Азии, связанных с наводнениями, штормами, цунами и землетрясениями.

Abstracts. The most common natural disasters on Earth are floods, storms, tsunamis and earthquakes. About 30 thousand people perishes only from earthquakes in the world annually. Floods cause serious damage to the economy of the countries and lead to numerous victims among the population. Mankind, unfortunately, have not learned to withstand the elements. But it is important to understand the risks that are a natural disaster to learn how to minimize losses. There is an attempt to analyze the natural risks for the coastal areas of South-East Asia, associated with floods, storms, tsunamis and earthquakes in this article.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, природные катастрофы, наводнения, землетрясения, цунами, штормы, риски, миграция.

Key words: Southeast Asia, natural disasters, floods, earthquakes, tsunamis, storms, risks, migration.

Трудно представить, что человек способен хоть как-то помешать стихии жить по своим природным законам. Но научные исследования говорят об обратном. Мы все активнее влияем и на поведение океана, и на изменение климата на планете.

Три четверти поверхности Земли покрыто водой. Мировой океан — это лаборатория климата. Его экстремальные проявления заметны все чаще и повсюду. Причина этого — парниковый эффект. Из-за выброса углекислого газа планета получает больше энергии, чем отдает. Она нагревается, тают ледники, повышается уровень океана. Подсчитано, что с начала XX в. по настоящее время уровень Мирового океана вырос на 20 см [3]. Кроме того, по оценкам экспертов к концу XXI века он может подняться на 65 см. Произойдет это за счет таяния ледников Антарктиды и Гренландии, горных ледников и увеличения количества выпадения осадков. По другим данным повышение уровня Мирового океана может достигнуть 1 м уже к середине XXI в., и 2 м к концу столетия [2, С. 36]. Это может привести к учащению наводнений в прибрежных районах. Наибольший риск таких природных явлений имеют страны Юго-Восточной Азии.

Юго-Восточная Азия — довольно крупный регион мира. Площадь составляет 5 млн. км². К нему относится 11 государств: Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Восточный Тимор и Филиппины. Это многочисленный, плотно населенный регион, численность жителей которого составляет около 600 млн. человек. При этом, 35% от общей численности населения региона составляют жители Индонезии. Кроме того, именно в Юго-Восточной Азии находится самый густонаселенный остров в мире — о. Ява [1].

Особенностью социально-экономического развития стран Юго-Восточной Азии является преобладание в отраслевой структуре экономики сельского хозяйства и туризма. Обе отрасли в значительной степени зависят от природно-климатических условий. Поэтому природные риски, связанные с наводнениями, тайфунами, землетрясениями и другими природными катастрофами, в указанных странах являются довольно высокими.

Природные катастрофы являются неотъемлемой частью жизнедеятельности общества. При этом, с ростом численности населения и развитием хозяйственной деятельности их число увеличивается, а ущерб становятся все более значительным. Стихийные бедствия всегда сопровождаются крупными социальными и материальными (экономическими) потерями. Социальные потери определяются численностью пострадавших людей (погибших, по-

лучивших физические и психические травмы), а экономические — прямыми и косвенными материальными потерями [2, С. 12]. Безусловно, природные катастрофы имеют последствия и иного рода, например, экологические. Однако, в конечном итоге, они все отражаются на жизни и здоровье людей, а также на экономическом развитии пострадавших стран.

Как отмечалось ранее, наибольшие природные риски имеют прибрежные территории стран Юго-Восточной Азии. Эти риски связаны с возникновением наводнений, ураганов и тайфунов, а также землетрясений. Так, за последнее столетие на Юго-Восточную Азию пришлось 15 величайших стихийных бедствий на Земле, 5 из которых — наводнения, и 6 — тайфуны, штормы и циклоны. В общей сложности погибли более 850 тыс. человек, а материальный ущерб исчисляется десятками миллиардов долларов США. К крупнейшим стихийным бедствиям, произошедшим в странах Юго-Восточной Азии относятся:

- извержение вулкана в Индонезии, произошедшее в 1919 г. и унесшее жизни 5000 человек;

- тайфун 1937 г. во Вьетнаме. Погибли 700000 человек;

- наводнение во Вьетнаме, случившееся в 1964 г. Погибли 5000 человек;

- землетрясение и последовавшее за ним цунами, произошедшее в августе 1976 г. на Филиппинах, унесшее жизни 8000 человек и причинившее материальный ущерб на сумму 120 млн. долл. США;

- наводнение 1983 г. в Таиланде. Погибли 10000 человек;

- наводнение 1991 г. на Филиппинах. Погибли 7000 человек;

- цунами, произошедшее в странах Юго-Восточной Азии в 2004 г., считающее одним из самых разрушительных стихийных бедствий в XXI в., причинившее материальный ущерб на сумму 14 млрд. долл. США, при котором погибли 230000 человек;

- землетрясение 2005 г. на о. Ява. Погибли 6500 человек, а материальный ущерб составил 107 млн. долл. США;

- наводнение в Таиланде, произошедшее в октябре 2006 г., при котором погибли 39 человек, и был причинен материальный ущерб на сумму 6 млн. долл. США;

- наводнение 2007 г. на о. Ява. Погибли более 100 человек. Был причинен материальный ущерб на сумму свыше 1 млрд. долл. США;

- в мае 2008 г. Мьянму накрыл циклон «Наргис». Он принес разрушений на сумму 4 млрд. долл. США, погибли 38000 человек и еще около 40000 пропали без вести;

— двумя неделями позже Филиппины настиг тропический шторм «Халонг», во время которого погибли 44 человека и был причинен материальный ущерб на сумму 87 млн. долл. США;

— в 2009 г. на Филиппины, Тайвань и Китай обрушится тайфун «Маракот», который унес жизни 66 человек, еще более 600 пропали без вести. Суммарный материальный урон оценивается в 3,4 млрд. долл. США;

— в сентябре 2009 г. страны Юго-Восточной Азии (Филиппины, Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Таиланд), а также Китай настиг еще один тропический циклон — «Кетсана». Во время него погибли 710 человек и был нанесен материальный ущерб в размере 1,09 млрд. долл. США;

— одновременно со штормом «Кетсана» на о. Суматра (Индонезия) произошло землетрясение, которое унесло жизни 1100 человек и причинило материальный ущерб на сумму 6 млн. долл. США [2, С. 31–32].

Однако, указанные цифры — это только «видимая часть айсберга», строго говоря, прямые потери. Любое природное стихийное бедствие несет ряд косвенных потерь, масштаб которых точно оценить довольно сложно. Так, наводнения, штормы и цунами приводят к росту заболеваемости среди населения. Люди остаются без чистой воды, не имеют возможности приготовить пищу и согреться, оказываются в антисанитарных условиях. Поэтому возрастает вероятность возникновения эпидемий с риском их распространения далеко за пределы пострадавших районов.

Кроме того, значительный урон наносится туристической отрасли. Приходится не только восстанавливать разрушенную инфраструктуру, но и потерянную репутацию привлекательных, безопасных курортов. После природных катаклизмов регионы надолго «выбывают» из мировой туристической индустрии. Так, например, после цунами 2004 г. турфирмы Таиланда еще два года продавали путевки по бросовым ценам, пытаясь привлечь отдыхающих. А многие туристы, несмотря на полное восстановление курорта, до сих пор боятся отдыхать в этой стране.

Природные катаклизмы наносят существенный урон сельскому хозяйству. После наводнений засеянные поля приходят в негодность, фермеры несут колоссальные экономические потери. Так произошло в июле 2011 г. в Таиланде, когда на фоне муссонных дождей по стране «прокатился» шторм, названный Нок-Тен. Количество выпавших осадков оказалось рекордным. Реки Чаопрай и Тхачин вышли из берегов, затопив значительные по площади территории. Кроме того, во многих местах образовались ополз-

ни, и сошли селевые потоки. Фактически были затоплены две трети провинций страны. Шторм разрушил инфраструктуру страны, остановились фабрики и заводы, были разрушены дороги, потеряны более миллиона гектаров рисовых полей [6].

Природные явления, вызванные изменением климата на планете, такие, например, как повышения уровня Мирового океана, ведут к весьма специфическим социальным последствиям — миграции населения. Наступая, океан затапливает все новые и новые территории, делая их непригодными для жизни и хозяйственной деятельности. Люди вынуждены покидать привычные места жительства, переезжать в другие районы страны, а может быть и в другие государства. Таким образом, полностью меняется социально-экономическая картина страны. Места затопления выбывают из хозяйственной деятельности, а регионы прибытия могут столкнуться с проблемой трудоизбыточности и ростом социальной нагрузки на бюджет. Кроме того, с ростом эмиграции страна лишается части населения, чаще всего, в трудоспособном возрасте и детей. Так, по оценкам экспертов, из-за повышения уровня Мирового океана будут затоплены прибрежные территории Вьетнама, что вызовет миграцию населения. Страна может лишиться до 1 млн. жителей [4].

В целом, регион Юго-Восточной Азии входит в число самых опасных регионов в мире по вероятности наступления стихийных бедствий. Эксперты Университета по изучению окружающей среды и безопасности Организации Объединенных Наций опубликовали Доклад с исследованием количества стихийных бедствий в разных странах мира в 2015 г., а также проанализировали степень нанесенного ущерба и способность государств справляться с последствиями. В результате исследования был составлен список стран, имеющих наивысшие и минимальные риски стихийных бедствий. Следует отметить, что третье место в рейтинге самых опасных стран заняли Филиппины, где вероятность попасть под удар того или иного стихийного бедствия составляет 27,52%. Причем, в основном это наводнения и землетрясения [5].

Тайфуны и наводнения являются типичными природными явлениями для прибрежных территорий стран Юго-Восточной Азии. Они происходят практически ежегодно с разной степенью интенсивности, как правило, в сезон тропических дождей. Поэтому важно понимать те риски, которые они несут с собой и, основываясь на этом знании, научиться минимизировать потери. Противостоять угрозам возможно только объединив усилия стран и международных институтов, проводя скоординированные мероприятия по предупреждению и устранению последствий чрезвычайных ситуаций.

Библиографический список

1. Антон Савчук. Страны Юго-Восточной Азии: список и особенности экономического развития // <http://fb.ru/article/227159/stranyi-yugo-vostochnoy-azii-spisok-i-osobennosti-ekonomicheskogo-razvitiya>
2. Атлас природных и техногенных опасностей и рисков чрезвычайных ситуаций. Российская Федерация / под общ. ред. С.К. Шойгу. — М.: Дизайн. Информация. Картография, 2010. — 696 с.: карт., ил.
3. Владислав Завьялов. Репортаж телепрограммы «Утро России» 5.12.2016 / Телеканал «Россия 1» // www.russia.tv
4. Лукьянец А.С. Миграция из Вьетнама к контексте глобального изменения климата // Миграционное право, 2014. — № 1. — С. 37–40.
5. Страны Юго-Восточной Азии вошли в список самых для жизни и отдыха // <http://dp.media/news/obshchestvo-i-chelovek/stranyi-yugo-vostochnoy-azii-voshli-v-spisok-samykh-opasnykh-dlya-zhizni-i-otdykha/>
6. Цунами в Таиланде. Разрушительные стихии XXI века // <http://poasii.ru/cataclysms/tsunami-v-taillande-2004-goda-navodnenie-foto-video-film>

References

1. Anton Savchuk. Strany YUgo-Vostochnoj Azii: spisok i osobennosti ehkonomicheskogo razvitiya // <http://fb.ru/article/227159/stranyi-yugo-vostochnoy-azii-spisok-i-osobennosti-ekonomicheskogo-razvitiya>
2. Atlas prirodnyh i tekhnogennyh opasnostej i riskov chrezvychajnyh situacij. Rossijskaya Federaciya / pod obshch. red. S.K. SHOjgu. — M.: Dizajn. Informaciya. Kartografiya, 2010. — 696 s.: kart., il.
3. Vladislav Zav'yalov. Reportazh teleprogrammy «Utro Rossii» 5.12.2016 / Telekanal «Rossiya 1» // www.russia.tv
4. Luk'yanec A.S. Migraciya iz V'etnama k kontekste global'nogo izmeneniya klimata // Migracionnoe pravo, 2014. — № 1. — S. 37–40.
5. Strany YUgo-Vostochnoj Azii voshli v spisok samyh dlya zhizni i otadyha // <http://dp.media/news/obshchestvo-i-chelovek/stranyi-yugo-vostochnoy-azii-voshli-v-spisok-samykh-opasnykh-dlya-zhizni-i-otdykha/>
6. Cunami v Tailande. Razrushitel'nye stihii XXI veka // <http://poasii.ru/cataclysms/tsunami-v-taillande-2004-goda-navodnenie-foto-video-film>

Kawczyńska-Butrym Z.,
Czapka E.

MIGRATION-RELATED HEALTH RISKS

Zofia Kawczyńska-Butrym, Institute of Sociology, Maria Curie-Skłodowska University, Lublin, Poland
Elżbieta Czapka, Norwegian Center for Minority Health Research

Abstract. In the countries receiving migrants, their health problems have been paid attention to for a long time. On the one hand, their good state of health has been emphasized (in general, migrants are young and healthy), on the other hand, immigrant population has higher rates of mental health problems than both the population of the host country and the population of the country of origin. In this paper we present selected health problems characteristic of the migration process and behaviour strategies of migrants in case of illness: self-medication, limited contact with the health service in the country of residence and the use of health care in the country of origin. The mass scale of migration indicates the need to include its impact on the overall analysis of public health.

Key words: migration, health risks, public health, health of migrants, migrants' behaviour in disease.

*«It's more stressful to be abroad. You think all the time [...] that you can't get sick»
(Czapka, 2010)*

1. Health in migration context

Mobility, the movement of large masses of people causes many changes in the lives and functioning of not only communities which they leave and where they settle temporarily or permanently, but also change the functioning of many social structures, causing unpredictable and uncontrollable social processes. This is why John Urry thinks that, in a sense, migration processes set new research tasks and change the existing research preferences, but also generate new problems of social character. According to him, «... *basically, it is the mobility itself, rather than the society that should be at the centre of our attention...*» (Urry 2009: 287). It should be emphasized that the issue of migration and the consequences of migration on health have not yet been analysed according to the space they occupy in the life of whole societies, communities, families and individual actors of social life.

At the same time it should be emphasized that the scale of the phenomenon and the types of movement of population groups in the world

(economic migration, exile, human trafficking) have never had such a global nature, as it has been seen in the last few decades. Currently, there are 244 million migrants in the world (an increase by 71 million / 41% compared to 2000). Nearly 2/3 of all migrants live in Europe (76 million) (Population Facts 2015). It is important that the number of migrants has been increasing rapidly for the last 5 years. Therefore, it is understandable that migration is becoming the area of interest for many research disciplines, which focus on different aspects of migration.

Among the problems of the analysis of migration processes, especially in the cost-profit analysis, public health and the well-being of individual categories of the population, as well as the factors affecting this state have been more and more often the subject of analysis. Unfortunately, in the literature and the analysis of health, the category of people characterised by a high level of mobility, both internal and external migrants is frequently ignored. Although migration processes (emigration, immigration, returns) are observed in varying degrees and recorded in the statistical yearbooks of individual countries, the variable «migration» — is not taken into account in the many available health statistics, including Polish ones.¹ Meanwhile, as it is indicated in the literature devoted mainly to foreign migration, there is a clear relationship between migration and migrants' health, and consequently the health of the population (Migration and Health. 2009). Such analyses include only statistical data and describe the health status of various immigrant groups, but often compare the indicators describing the state of immigrants' health with the health indicators of the whole population of the host country (Harley. 2005), as well as to the population of the country of origin. They are usually conducted in each country (Dunn 2000; Waldstein 2008: 96), but also include larger populations or their individual parts — including the health of migrants in the European Union (Sole-Auro, Crimmins 2008), as well as the health of children and the youth involved in migration (Gonneke, Vollebergh 2008). There are also analyses taking a particular disease and morbidity among migrants and non-migrants into account. (e. g. diabetes, mental health, etc.) (Migration and Health, 2009). There are also individual studies, which undertake the analysis of health including large groups of migrants and refugees, including their origin from different regions of the world (Asia and Oceania, Europe and the Commonwealth of Independent States, Africa and Middle East) and the host country (the United States, United Kingdom, Canada, Australia, New Zealand, and others), gender and age

¹ Poland is not present among European countries, which are active in Migration Health Department in Geneva, although even countries such as Belarus, Bulgaria, Serbia and Ukraine participate. Comp. Migration Health. Annual Report 2006. The International Organization for Migration. p. 10.

(Migration Health 2006: 15). The statistics take cardiovascular diseases, neurological diseases or even multi-diseases into account (Migration Health 2006: 20), but also tuberculosis, HIV / AIDS and chronic diseases, which, according to the researchers, could lead to immigrants' exclusion in the host country (Migration Health 2006: 18). All the cited studies justify a conclusion that migration is a risk factor for health, insufficiently recognised by either migrants' host or sending countries. It should be noted that in many countries, conducting representative epidemiological studies on the health of migrants is impossible due to the lack of full records of migrants or because of the lack of summary records of the population with medical records.

Previous studies on migrants' health, as noted in (Migration Health 2006: 4), are focused on separate diseases rather than on the analysis of their conditions, such as environment, behaviour, socioeconomic status, stage of migration process. However, this does not mean that such variables are completely overlooked. Studies conducted recently in Norway took factors determining migrants' health into account, e. g. the level of education, discrimination experience (at work, school, health care, parallel in many areas of life), as well as age, gender, belonging to migrant and ethnic groups (Migration and Health 2009: 21–25).

Migrants' behaviour in case of illness is a separate issue. However, this is a narrow aspect of the reach area of health aspects of migration and health that is presented in the literature (Carballo, Divino, Zeric. 1998; Czapka 2010. Hughes. 2007; Zamojski 1995: 30–31). These issues were also reflected in the authors' research (Kawczyńska-Butrym 2008; 2009; 2010 Czapka, 2012). It is particularly worth to note two already cited studies showing the health problem of migrants as a global problem (Migration Health 2006; Migration and Health 2009).

2. Health in the migration context — review of research

Decisions about leaving the country in search of work are usually made by healthy people who are positive about the possibility of investing their physical and intellectual potential to achieve economic success. If you look at the problem from the perspective of migrants' families, you can see that the decisions of migration are made by these family members or those who are delegated by the family who have the greatest potential to find a job in the labour market in a foreign country — e. g. language proficiency, professional competence and also health. This is emphasized by local leaders who express the view that it is most often young active, confident of the success and strong peo-

ple that leave their area.¹ People who choose to emigrate are usually young, relatively healthy, often statistically healthier than both members of the sending and receiving society. It is therefore assumed that the first stage of their stay abroad does not cause major health problems (healthy migrant effect).

On the other hand, as it is shown by numerous studies, migration poses health risks. With the increase of the length of stay abroad, the situation is reversed, and causes the phenomenon known in the literature as «exhausted migrant effect». Moreover, migrants are prone to different stressors, which may result in serious health problems in case of limited access to health care services (Weishaar, 2008). Statistics Norway has found that immigrants are overrepresented in works that pose health risks (Bloom, 2008). Furthermore, immigrants state more frequently than others that they are exposed to accidents at work (Ministry of Labour, 2011).

The earliest results of the health of migrants, who I have contacted, come from the 1940's. The study was conducted in North America, where numerous waves of economic migrants came. Studies have shown that migration is a serious risk of mental health problems. (Minas 1990: 251). The results of many subsequent studies conducted in different countries and in relation to migrants of various origins, including Polish migrants in Australia, confirms this conclusion (Kulmatycki, Łazowski 2005). Also, recent studies indicate that the most common problem associated with migration are mental disorders, including depression symptoms. In addition, it should be emphasized that the frequency of disorders vary, depending on the origin and cause of migration (refugees, especially refugees' children) (Migration and Health 2009: 54). In Sweden, from 1994 to 2001, research on mental health of migrants from former Soviet Bloc showed that their self-reported mental health was worse than native-born Swedes' and that they had higher hospitalisation hazard ratio due to mental diseases (Blomstedt, Johansson, Sundquist 2007). Based on unpublished data from the Polish Embassy in London which reported that 50 of 250 deaths of Poles in 2007 were due to suicide, Lakasing and Mirza stated that post-accession migrants constitute «a community much more vulnerable than first imagined» (Lakasing, Mirza 2009: 138). In subsequent years there was reported a high number of suicides among Polish migrants in England. According to the data obtained from the Consular Section of the Embassy of the Republic of Poland in London, from 2009 to 2012 there were 67 cases in the south of England alone (Smoleń 2013). It must be

¹ The results of the interviews conducted by the author in the Lublin province, 2010. (In preparation)

added that data concerning suicides are often inaccurate and the actual number of suicides can be higher due to incorrect classification of death cases.

The second type of risk applies to somatic health and the loss of physical fitness. The array of health problems is vast, as mentioned earlier. The most drastic events are accident, which have always happened to labour migrants. They have already been described by Polish peasants of America (Thomas, Znaniecki vol. II: 179–180). Indirectly, we also find information on Polish agricultural workers before the First World War. Studies show that during this period not-paying accident insurance for migrants or death benefits for their families was a serious problem. (Plewko, 2010: 38). A huge body of research has documented that post-accession labour migrants experience more accidents at work than nationals (McKay, Craw, Chopra 2006; Connel et al. 2007). Consequently, they tend to occupy low-qualified and high risks jobs (Agudelo-Suárez et. al. 2011). As Schenker argues, migrants' higher rates of occupational injuries could be explained by both difficult working conditions and lack of experience of context that may differ from the ones in their home countries (Schenker 2008).

Different kinds of lethal diseases were also a problem for migrants. It was noted in the case of diseases typical for different climate — what resulted in diseases unknown to European immigrants — which caused a lot of deaths. This was emphasized by the writers of the late nineteenth and early twentieth century, describing a mass exodus to South America called «Brazilian fever» (Motsyk, 2005). Maria Konopnicka in «Pan Balcer in Brazil» signalled that the problem of health risks among Polish emigrants «because the fever is here caustic and vicious, and swept away more than a thousand of our people.» Even in the host country, the health of immigrant children was disturbing. For example, the Ministry of Foreign Affairs of the German Reich stated in the official data of 1928 that in Germany there were about 26 thousand Polish immigrant children under the age of 14. They suffered from diseases and 25–30% of children died by the aged of 2 (Fiedor. 1968).

Currently, the state of health of migrants can be partly explained by the existing barriers in the access to health services, language comprehension, lack of information or financial difficulties, which are recently the subject of a lot of research and attempts are made to mitigate them (Mladovsky 2007). The existing barriers in access to health services are also reflected in research conducted among health care professionals in 16 European states. (Priebe, Sandhu, Dias, et al., 2011). Doctors and nurses often experience those two barriers during their appointments with migrant patients. Studies show that economic aspect plays a sig-

nificant role in the decisions of visiting the doctor for migrants. During the talks with immigrants, especially those whose families remained in the country, it turned out that they do not go to the doctor's and despite being ill, they do not take days-off because they are afraid of losing overtime, for which they receive a significant financial equivalent. «Here, as you are on a sick leave you are indeed paid 100%, but you do not go home or you don't get overtime hours.» Therefore, they do not use the right to «be ill.» «It's more stressful to be abroad. You think all the time [...] that you can't get sick. (Czapka 2010). This situation leads to the deterioration of health.

The complexity of the situation involving health of migrants is also paid attention to by other authors. Based on their research, you can mention: poor eating habits that lead to a «digestive problems,» (Wites 2005), passivity in making the treatment, using self-medication based on the cultural traditions of the country of origin (mainly by women), which may be due to the distance to the culture of the host country. (Nagi, Haavio-Mannila 2008: 96).

Observations and research conducted, among others, among 300 Polish re-migrants indicate, on the one hand, that in connection with work abroad their health condition worsened (11.7%), and that they will not return to work there, because «there is no need for sick people» (Kawczyńska 2010/1), on the other hand, that women restrict contact with health care facilities at the time of migration. This is confirmed by their declarations, which indicate that re-migrants were less likely to benefit from medical programs aimed at women during their stay abroad (5%) than after returning to the country (15.8%). (Bryk 2010).

3. Main coping strategies in a state of illness

Even this fairly simplified analysis of migrants behaviour during disease can determine a general scheme of their behaviour in a disease that includes three strategies: self-medication, limiting contact with the health service in the country of residence and the use of health care in the country of origin.

The basic strategy is self-medication, understood as independent efforts to fight the disease in order to eliminate its symptoms. We see in fact that self-treatment is mostly symptomatic, (increased temperature, rash, swelling, diarrhoea, insomnia, pain, etc.). Self-medication is a common, planned before leaving behaviour undertaken by migrants who «just in case», buy different medicines — mostly painkillers, anti-inflammatory, antibiotics and those that are the result of their previous experience of diseases.

The strategy of limited contact with the health service in the country of residence is the result of the impact of a number of interrelated factors. The source of these restrictions may apply to different actors — migrant, the employer, the state.

On the part of the immigrant — some are related to underestimating the symptoms also because of the high concentration on the objective of migration — earnings; others — in the legislative sphere and information: no permission to use care in accordance with international guarantees (e. g. unregistered migrants), or lack of knowledge about their rights, awareness of the high cost of health care, and lack of language knowledge. Many of these barriers are minimized with the passage of time and the stabilization of the immigrant to stay in the host country. It is even observed that the process of integration in the new country is beneficial for health. In addition, it is worth to note the factors limiting the contact of human trafficking victims with medical care. The dominant factor is the isolation of trafficking victims by the perpetrator.

On the part of employers — sending migrants to unpaid holidays in order to make foreign workers use healthcare in the country of origin and re-employing them, after recovering and returning.

On the part of the country of residence — no institutions are prepared to support immigrants (knowledge of the language of larger groups of immigrants — it is compensated employing doctors from their country of origin, the availability of interpreter), restrictions on «foreign», as well as lack of knowledge of and compliance with their culture. For this reason, in the years 2002–2005 in twelve hospitals in several countries bad practices in this area were analysed. Their experiences became the basis of the EU-funded program «Migrant Friendly Hospitals in ethnically diverse Europe. (Migration and Health. 2009: 37) The development and financing of the program indicates that many governments, especially in countries with increased migration realize the consequences of negligence in the treatment of immigrants, especially those who remain in the country permanently. To assure continuity of the MFH movement, a Task Force on Migrant Friendly Hospitals has been established in the framework of the WHO Network on Health Promoting Hospitals. Six working groups have been created: service quality and policy development, staff training and development, intercultural communication, patient and community empowerment, research and evaluation and trans-cultural psychiatry.

Another strategy is to seek health care in the country of origin. The strategy of contact with the health service in the country of origin includes arrivals for the purposes of treatment, rehabilitation and prevention. Polish studies show that migrants from the newly admitted EU

countries «*generally do not benefit from health services in the host country. They repair their health in the intervals between successive stays or after returning from migration.*» (Golinowska 2008: 21). However, this applies to those migrants who have not stabilized their situation in the host country and those for whom the distance to the origin country is not associated with high costs.

Research confirms that stay and work abroad change the behaviour of migrants associated with disease/malaise. Research conducted among Poles in Norway showed a change of behaviour in the country of residence compared to the behaviour of the country of origin (Czapka 2010).

Table 1.

Coping strategies in case of malaise (in percent)

Behaviour	In Poland	In Norway
Go to GP	50	18
I cope myself	58	67
Ask friends	14	18
Wait until I get better	20	28

During their stay abroad more often than in Poland people declared such behaviour as: waiting until the person gets better and independent coping with the disease. This is illustrated in another Polish migrant's statement: «*It happened to me only once here to be ill, I had a backache, but I spread some ointments and went to work anyway.*» However, the largest change concerns the cancellation of visits to the doctor, which is due to the existing barriers in access to health services. With 50% of respondents who declare reporting to a doctor in Poland, in Norway only 18% of patients declared visiting a doctor in case of illness (Czapka 2010). According to international conventions, migrants who are covered by health insurance in one Member State have the right to use the health services in the public system of medical care in other countries which have concluded the agreement, «adequately to the state of health», in which they are. (Czyżewska 2008: 35).

Departures from the country of origin to countries with a mild climate for the purpose of raising the quality of life in retirement is a separate, but a notable aspect of migration processes from the point of view of public health. With time, the country of «sunny climate» hosting wealthy retired foreigners faces challenges for the local health system and care institutions for chronically ill. It is exemplified by the data stating that in 2007, Spain recorded 15,630 immigrants from Norway and that many of them needed health and care services (Migration and Health 2009: 78).

According to Norwegian estimates the number may be even twice as high. Norwegians' seasonal trips to Spain, Turkey and Thailand is compared to the migration of the birds, which migrate to the warm countries in order to survive winter and return in spring. The social situation and the health of this category of migrants is generally more favourable than the situation of the inhabitants of the country of immigration. The strategy of wealthy residents' trips of Western European countries to «warm countries» is not a new phenomenon. Retirees migrated in order to improve their quality of life to attractive places in terms of climate even before the era of railroads (Warnes, Williams, 2006). There are many papers devoted to the migration of retired British (King, Warnes, Williams, 2000). For example, in the province of Alicante, in a 20-thousand town of Alfaz del Pi, over 50% of the population are foreigners, most of whom are immigrants from the UK, followed by the Netherlands and Norway.

4. Conclusion

The paper allowed identifying the areas of health threats for migrants. Special attention should be paid to mental health, which is emphasised by a number of authors. Hard work below one's qualifications, especially in case of post-accession migrants, separation from the family and social isolation contribute to the development of mental disorders such as depression, which translates to overuse of alcohol and other disease units, which may trigger suicidal attempts.

References

1. Agudelo-Suárez A. et al., (2011), Occupational health, in Rechelet. al. (ed.) Migration and health in the European Union, WHO, Open University Press.
2. Blom S. et al. (ed.) (2008), Levekårblantinnvandrere, SSB rapport 5/2008.
3. Blomstedt Y, Johansson SE, Sundquist J. (2007), Mental health of immigrants from the former Soviet Bloc: a future problem for primary health care in the enlarged European Union? A cross-sectional study. *BMC Public Health*. 7 (27).
4. Bryk D. (2010), Reemigrantka i jej rodzina. W: Reemigracja kobiet z terenu województwa lubelskiego, ed. Markowski K., Lublin KUL. p. 100–122.
5. Carballo M., Divino J.J., Zeric D. (1998), Migration and health in the European Union. *Tropical Medicine and International Health*. Vol. 3. n. 12. p. 936–944.
6. Connel PP, Saddak T, Harrison I, Kelly S, Bobart A, McGettrick P, Collum LT. (2007), Construction-related eye injuries in Irish nationals and non-nationals: attitudes and strategies for prevention. *Irish Journal of Medical Science*. 176 (1): 11–14.
7. Czapka E. (2010), Health of Polish labour immigrants in Norway — a research report — Oslo 2010.

8. Czyżewska E. (2008), Koordynacja systemów ubezpieczenia społecznego — skutki dla polskiego systemu opieki zdrowotnej. *Polityka Społeczna* no 11/12.
9. Dunn J. R, Dyck I. (2000), Social determinants of health in Canada's immigrant population: results National Population Health Survey. *Social Sciences Medicine*. Dec. 51 (11): 1573–93
10. Dulczewski Z. 1982) Florian Znaniecki ed. «Wychodźcy Polskiego. Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, Warszawa.
11. Fiedor K (1968), Polscy robotnicy rolni na Śląsku pod panowaniem niemieckim na tle wychodźstwa do Rzeszy 1918–1932. Publishing House Ossolineum. Wrocław — Warszawa — Kraków p. 125–130. Cyt. za: J. Plewko (2010). *Sprostac migracji. Pomoc migrantom ekonomicznym z ziem polskich — formy i znaczenie (połowa XIX w — początek XXI w.)*. Wydawnictwo KUL. Lublin.
12. Golinowska S. (2008), Społeczny wymiar emigracji w krajach wysyłających. *Kultura i Społeczeństwo*2,
13. Gonneke W. J. M., Vollebergh W. A. M. (2008), Mental health in migrant children. *The Journal Child Psychology and Psychiatry*, 49: 3 p. 276–294.
14. Harley T, Govles A., Dickinson L. M., Perez M de I. (2005), Stress, coping and health: a comparison on Mexican immigrants, Mexican — American, and non-Hispanic whites. *Journal of Immigrant and Minority Health*. 7 (3) July. p. 213–220.
15. Hughes K. (2007), Migrating identities: the relational constitution of drug use and addiction. *Sociology of Health and Illness*. Vol. 29. n. 5. 688.
16. Kawczyńska-Butrym. (2008). Zyski i straty uczestników migracji — wyniki badań własnych. W: *Migracja wyzwanie XXI wieku*. Red, M. S. Zięba. Wydawnictwo Fundacji Rozwoju KUL. Lublin. p. 152–162.
17. Kawczyńska-Butrym Z. (2009) Zdrowotne aspekty emigracji. *Ethos nr 87–88*. p. 263–274.
18. Kawczyńska-Butrym Z. (2010) *Migracje — wyzwaniem dla socjologii zdrowia i medycyny*. W: *Socjologia z medycyną. W kręgu myśli naukowej Profesor Magdaleny Sokółowskiej*. Red. W. Piątkowski. IFiS PAN, Warszawa.
19. King R., Warnes T, Williams A., (2000), *Sunset lives*. British retirement migration to the Mediteranean, Oxford, Berg Publishers, s. 224.
20. Lakasing E, Mirza ZA. (2009), The health of Britain's Polish migrants: a suitable case for history taking and examination. *The British Journal of General Practice*. 59 (559): 138–139.
21. McKay S, Craw M, Chopra D. (2006), *Migrant workers in England and Wales. An assessment of migrant worker health and safety risk*. Health & Safety Executive. London www.hse.gov.uk/resarch/rrpdf/rr502.pdf (03.01.2015)
22. Markowski K. Kawczyńska-Butrym Z. D. Bryk, B. Rożnowski. (2010). *Raport z badań realizowanych w ramach projektu: Adaptacja reemigrantek na regionalnym rynku pracy — badania analizy i upowszechnienie*. KUL, Lublin.
23. *Migration and Heath. Challenges and trends*. Helsedirektoratet. Oslo. 2009.
24. *Migration Health. Annual Report 2006*. International Organization for Migration
25. Minas I. H. (1990). *Mental health in a culturally diverse society*. In: J. Reid, P. Tromph ed. *The health of immigrant Australia, a social perspectives*. Sydney. cyt. za: L. Kulmatycki, J. Łazowski. *Program promocji więzi społecznych wśród Polaków w Australii w odniesieniu do problemów psychicznych, Psychiatria Polska 2005; 39 (5) 997–1010*.
26. Mladovsky P (2007), Migrant health in the EU. «Eurohealth», vol. 13, n. 1, p. 9–11.
27. Mocyk A. (2005), *Piekło czy raj? Obraz Brazylii w piśmiennictwie polskim w latach 1864–1939*. Kraków.

28. Nagi S.Z., Haavio-Mannila E. (1980), Migration, Health Status and Utilization of Health Services. *Sociology of Health and Illness*. vol. 2. n. 2. 174–193.
29. Priebe S., Sandhu S., Dias S., et al., (2011), Good practice in health care for migrants: views and experiences of care professionals in 16 European countries, *BMC Public Health* 11: 187.
30. Schenker M. (2008), Work-related injuries among immigrants: a growing global health disparity. *Occupational and Environmental Medicine*. 65: 717–718.
31. Smoleń AL. (2013), Migration-related stress and risk of suicidal behaviour among «new» Polish immigrants in The United Kingdom (conference paper). Kraków. <http://www.euroemigranci.pl/dokumenty/pokonferencyjna/Smolen.pdf> (03.01.2015)
32. Sole-Auro A., Crimmins E. M (2008), Health of Immigrants in European Countries. *The International Migration Review*. Vol. 42. n. 4. 861–876.
33. *The World's Women — Trends and Statistics* (2010). New York: United Nations
34. Thomas W.I., Znaniecki F. (1976) *Chłop polski w Europie i w Ameryce t. II*. p. 179–180) LSW. Warszawa.
35. Urry J. (2009). *Socjologia mobilności*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN,.
36. Waldstein A. (2008), Diaspora and Health? Traditional Medicine and Culture in a Mexican Migrant Community. *International Migration*. Vol. 46 (5)
37. Warnes A.M., Williams A., (2006), Older migrants in Europe: a new focus for migration studies, «*Journal of Ethnic and Migration Studies*», vol. 32, no 8, s. 1257–1281.
38. Weishaar HB. (2008), *Consequences of international migration: A qualitative study on stress among Polish migrant workers in Scotland*. *Public Health*. 122: 1250–1256.
39. Wites T. (2005), *Kobiety w migracjach Żydowskiego Obwodu Autonomicznego*. W: *Kobiety i młodzież w migracjach*. Migracje i społeczeństwo 10. ed. J.E. Zamojski. Wydawnictwo Neriton, Warszawa
40. Zamojski J.E. (1995), *Migracje masowe — czynnik przemian społeczeństw współczesnych*. W: *Migracje i społeczeństwo*. Zbiór studiów. ed. Jan E. Zamojski. Instytut Historii PAN. Warszawa.
41. UN Population Facts 2015 (04) (<http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/populationfacts/docs/MigrationPopFacts20154.pdf>, accessed: 05.07.2018).

Журнал «НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО»

зарегистрирован

в СМ И П И

Свидетельство о регистрации №ФС77-37675

от 01 октября 2009 г.

Учредители и издатели:

Институт социально-политических исследований

Российской академии наук

Российская Академия социальных наук

Главный редактор:

В.Н. ИВАНОВ

Адрес редакции:

119991, Москва, Ленинский проспект, 32а

e-mail: bezvad@mail.ru

Материалы журнала размещены на сайтах:

WWW.C-SOCIETY.RU;

WWW.VIPERSON.RU

Подписано в печать 05.12.2018

Формат 62 × 94 ¹/₁₆

Гарнитура «Pragmatica»

Тираж 1000 экз.

10,5 усл. п.л.